

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 11 (25)

2001

Мариуш Вильк: КАРЕЛЬСКАЯ ТРОПА (3)

Вацлав Вильчинский: Антиглобализм и терроризм

Адам Даниель Ротфельд: Мир после 11-го сентября

Анна Ахматова: Письма Северину Полляку

Юзеф Хен: Два рассказа

Говорит Густав Херлинг-Грудзинский

ПРЕМИЯ ИМ. ГЕДРОЙЦА ПРИСУЖДЕНА ЕЖИ КЛОЧОВСКОМУ

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

НОВАЯ ПОЛЬША

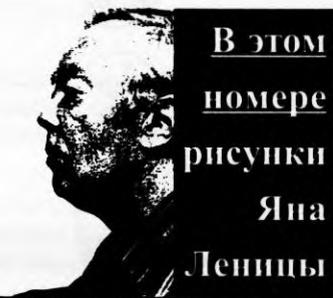
ISSN 1508-5589

№ 11(25)
2001
НОЯБРЬ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

	Мариуш Вильк
КАРЕЛЬСКАЯ ТРОПА (III)	3
	Виктор Кулерский
ПАНОРАМА НОВОГО СЕЙМА	9
	Ежи Клеер
ЗНАНИЯ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ	13
	Вацлав Вильчинский
АНТИГЛОБАЛИЗМ И ТЕРРОРИЗМ	16
	Лешек Бальцерович
ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ	17
	Адам Ротфельд
МИР ПОСЛЕ 11-го СЕНТЯБРЯ	19
	Виктор Кулерский
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ	21
	Александр Вирша
РЕШИТЕЛЬНАЯ ЛИНИЯ (о Яне Ленице)	28
	ПИСЬМА АННЫ АХМАТОВОЙ
СЕВЕРИНУ ПОЛЛЯКУ	30
	Адам Поморский
О СЕВЕРИНЕ ПОЛЛЯКЕ	32
	МЭТР БИОХИМИИ
<i>Беседа с проф. Франсуа Шапезилем</i>	42

В этом
номере
рисунки
Яна
Леницы

	Лешек Шаруга СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ	45
	Юзеф Хен ОБМАНЩИК	46
	Юзеф Хен КРЕСТ НА ХОЛМЕ	50
	РЕПЛИКА (К ВОПРОСУ ОБ «АНТИ-КАТЫНИ»)	55
	Густав Херлинг-Грудзинский, Анджей Титков ДНЕВНИК, ПИШУЩИЙСЯ ПОД ВУЛКАНОМ	62
	Анджей Титков ПОСТСКРИПТУМ	68
	Богдан Скарадзинский УМОМ РОССИЮ НЕ ОБЪЯТЬ	70
	Кшиштоф Бурнетко «ПШЕГЛЕНД ПОЛИТИЧНЫЙ»	72
	Лешек Шаруга ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ	74
	Янина Куманецкая ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	77
	Катажина К. Гардзина ИТОГИ СЕЗОНА	80
	ПРЕМИЯ ИМ. ЕЖИ ГЕДРОЙЦА	81
	Станислав Обирек SJ ЧЕЛОВЕК, ЧЬЕ ИМЯ СТАЛО НАРИЦАТЕЛЬНЫМ	82

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Кристина Пашек (секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих (зам. гл. редактора)
Станислав Филипчак
(ответственный секретарь)

Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
телефоны: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран СНГ: Издательство МИК, Москва, ул. Большая Переяславская, д.5, кв.49
Тел.: 280-83-52
e-mail: mik@mecom.ru

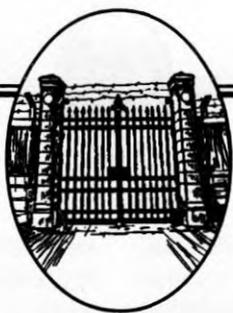
Издатель

WIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

По поручению
Министерства Культуры
и Национального Наследия
Республики Польша

Переводчики: И.Адельгейм, А.Базилевский, А.Бондарев, Н.Горбаневская, В.Градус, Н.Кузнецов, И.Обухова, В.Памятных, К.Старосельская, С.Филипчак.

Фото ©: A.Łomaczewska (Fotoarchiwum Muzeum Literatury (стр. 32), L.Sarfati /Magnum/ek pictures (стр. 42), Fotoarchiwum J.Hena (стр.46).

Мариуш Вильк

КАРЕЛЬСКАЯ ТРОПА (III)

Онега на карте напоминает большого рака, обнимающего клешнями полуостров Заонежье. Это второе по величине озеро в Европе (после Ладожского), имеет 248 км в длину и 89 в ширину, его поверхность равна 9890 кв. км, а береговая линия – 1480 км. Южная часть озера – брюхо рака – изрезана слабо, бухты там мягкие, мысы небольшие, берега с отмелями, песок. Зато клешни рака – Большая и Малая Онега – это ажур перешейков, островков и салм, берега здесь высокие, преобладает гранит. Большая Онега (левая клешня) врзается глубоко в материк четырьмя губами: Петрозаводской, Кондопожской, Большой Лижемской и Уницкой. Малая Онега (правая, удлиненная клешня) переходит в Заонежский залив, а тот в свою очередь в Повенецкий, с двумя губами: Повенецкой, откуда берет начало Беломорканал, и Большой – где расположена Медгора... (Отсюда мы и начнем очередной этап нашего путешествия по Карелии, продолжая тропу, прерванную на полпути на страницах «Культуры»).

Берём курс на Палеостров, держась западного берега озера. Светло-пепельная гладь Онеги вдали растворяется в небе, слева Кужостров, будто завис в ясной бездне, направо Усов-Наволок в синей дымке...

Ветра нет и в помине. Солнце жарит. Шкварча в кокпите, листаю *Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому* – первую книгу о Карелии! Ее автор, академик Озерецковский, путешествовал здесь в 1785 году на небольшой сойме – примитивной парусной лодке ладожских рыбаков. Дорога ученого вела из Петербурга Невой до Ладоги, где он повернул на север, в направлении острова Коневец, и пошел вдоль западного берега озера, заходя в прибрежные села. Побывал на Валааме и в Сортавале, затем взял курс на юг и, держась восточного берега, дошел до устья Свири, при случае заглянув в Олонец. Рекой Свирь перебрался в Онегу и обошел озеро по часовой стрелке (то есть в противоположную, нежели мы, сторону, так что наши тропы совпали, как зеркальные отражения),

посетил Петрозаводск и Кондопожскую губу, там оставил лодку и отправился в глубь материка посмотреть водопад Кивач, заводы в Кончезере и Марциальные Воды. Спустя несколько дней вернулся в лодку и через Кижы и Заонежье дошел до Повенца, здесь свернул на юг к Пигматке, побывал в Выгорецких скитах, в Шали и на Бесовом Носу, посетил Муромский монастырь, в устье Андомы скрывался от шторма, потом берегом добрался до Вытегры, оттуда двинулся обратно – рекой Свирь до Ладоги и Невой в Петербург. По дороге собирал сведения о крае, минералы и травы, заглядывал в архивы, трапезные и штольни, разговаривал с чиновникам и крестьянами, с рыбаками, купцами и раскольниками, побывал в городах, в погостах и в скитах, изучал народный быт и обычаи, рыбный промысел и земледелие, записывал пословицы и поговорки, названия растений и местные термины... Словом, написал книгу, которую многие называют «подлинной энциклопедией края».

Идем мимо мыса Ажепнаволок, за ним деревня Шуньга. У Озерецковского читаю: «Верстах в 16 от Толвуйского погоста следует погост Шунский или Шуньга, который лежит на Путкозере, расстоянием не с большим на версту от Онежского озера, и посреди Путкозера занимает возвышенный остров, на который с обеих сторон Путкозера сделаны мосты. Погост сей достоин примечания как по красивому своему местоположению, так и по двум ярманкам, из коих одна бывает в нем января 6, а другая марта 25 дня. Хотя обе они продолжают не более недели, но свал народа бывает там превеликий, и множество съезжается купцов из Тихвина и других городов с разными товарами, коих навозят более нежели на 100000 рублей; сверх того много здесь в продаже бывает лошадей».

Славой своих ярмарок Шуньга была обязана зимней дороге, что проходила мимо, соединяя Поморье с Пудожем, Вытегрой, Каргополом, Олонцом и городами центральной России. По окончании каждой ярмарки тысячи подвод вывозили оттуда вытегорский лен в Лопские

погосты и каргопольский хлеб в деревни Карелии, поморскую рыбу и тюленьи шкуры в Петрозаводск и Вологду, уклад и железо в Тихвин. За соболями приезжали сюда торговцы из Москвы и Петербурга, на заграничные столы попадал отсюда лосось и глухарь, а некий агент из Варшавы скупил у местных за бесценок 20 тысяч сорок. Заонежане диву дались: на кой ляд нехристям сорока понадобилась? Ну откуда было им знать, что в Варшаве пошла у дам мода на сорочки перышки на шляпках.

Но Шуньга не только ярмарками слыла. Ее жители исписали не одну страницу летописи Заонежья: в жестоких боях с польскими панами и в спорах за старую веру, в крестьянских бунтах и в раскольничьих «гарях». Сегодня тут, увы, ни ярмарок, ни веры. А насчет самосожжений, то в позапрошлом году один мужик по пьяни вкупе с изгой сгорел. Лишь копченые валенки от него остались.

Палеостров

Из-за острова Речной выглянул Палеостров, узкая полоса земли у входа в Толвуйскую губу. В бинокле белеют руины, словно кости, обглоданные солнцем, слева скальный выступ на фоне клубящейся зелени, и ни следа жизни... Это все, что осталось от известного некогда монастыря, оплота правой веры на Севере? Всего лишь? Из немногих документов, сохранившихся до наших дней (большинство истребил огонь), притягивает внимание жалованная грамота Селифонта Твердиславича, новгородского боярина, который в 40-х годах XV столетия пожертвовал заонежским пустынноикам обширные земли в Заонежье, в том числе и остров Палей – центр владений будущей обители. Его сын, Панфилий Селифонтович, был посланником к польскому королю Казимиру IV с просьбой о помощи в войне против Ивана III, а после поражения Новгорода сбежал на Палеостров, где принял постриг. Более поздние документы свидетельствуют о постоянных спорах за земли, тони и села между монахами Палеостровского и Муромского монастырей – двух наиболее могущественных на Онежском озере. Потом пришли Смута и раскол. Летописец записал: «Закоренелые, безотвязные враги Царства Русского, поляки, и их почти невольные соучастники Литовцы, пользуясь этою губительною случайностью, нахлынули многочисленными

толпами на отечество наше, подстрекаемые иезуитами бродяги не щадили ничего священного». В 1612 году отряды Литовских воров (так называли здесь людей пана Сидора и пана Барышпольца) напали на палеостровский монастырь, разграбили его и осквернили (за алтарем устроили уборную, стреляли в иконы). Едва от одной беды монастырь оправился, грянула другая – раскольники. Дважды – в 1687 и 1689 годах – Палеостров занимали приверженцы самосожжения и устраивали тут «гари», в общей сложности сгорело более четырех тысяч человек («бывает крови возкипение и плотей сквар...»), а заодно и обитель спалили дотла: кельи да церкви, иконы, ризы и книги. Выбор Палеострова для «гари» был отнюдь не случаен, ибо здешний монастырь с самого начала обрядовых споров поддержал реформы Никона (сюда сослали и здесь же сожгли Павла Коломенского – первого мученика за старую веру в России). И никогда уж обитель не смогла достичь былого великолепия, хотя, восстановленная с размахом, лежала на пути из Петербурга в Соловки – ни вклады не помогли, ни даяния. Дух «гари» по сей день носится над островом, как чад.

Входим в небольшую бухту, раньше это была монастырская пристань. В прозрачной воде среди водорослей обомшелые балки (остатки помоста?), телега, наполовину занесенная песком, камни. Вася, опасаясь за яхту, бросает якорь далековато от берега, и на сушу мы выходим, бредя по пах в воде. Далее заросли борщевика – высоких трав с медово-горьким запахом, в которых мы с трудом торим дорогу, жалея, что нет у нас мачете. Наконец добираемся до руин. На нас смотрят пустые окна братских келий. Внутри кучи щебня, штукатурка в плесени, гнилые стропила, сорванные лестницы... В одной из келий на стене кто-то нацарапал стишок:

*Что такое вечность – это банька,
Вечность – это банька с науками.
Если эту баньку
Позабудет Манька,
Что же будет с Родиной и с нами?*

Вдруг – что это?.. Отчетливый, но приглушенный гомон, будто масса людей, полголоса бормочет псалмы. Стало как-то не по себе. Неужели души сгоревших? Гомон доносится откуда-то сверху. Как по команде поднимаем головы. А под сводом мириады комаров,

попрытались бляди от солнца и звенят. Этот звон, усиленный эхом каменных стен, мы и приняли за псалмопение раскольников. Юнга ругнулся матом, длинным, как трап до неба. Вышли на другую сторону. И здесь груды битого кирпича, часть стены из плоских камней, гнезда башен. Из каждой щели растет трава и кустики ягод, там и сям карельская береза дала побеги. Сбоку полукруглая стена, заросшая чертополохом; уточняю направление – на восток. Значит, это останки алтаря... В центре большая липа, на месте иконостаса – пусто. Внизу над ручьем одичавшие яблони, наверно следы монастырского сада. Вася с Юнгой возвращаются на яхту готовить ужин, а я бреду по Палеострову, якобы ища пещеры преподобного Корнилия, легендарного основателя монастыря, а по правде говоря, хочу побыть наедине с собой. Птицы орут.

Какие изысканные фавулы сочиняет история, сколько в них совпадений, парадоксов и шарад. Вот хоть бы связи Палеострова с Соловками: ведь здесь подвизался инок Зосима, что родом из близлежащей Толвуи (еще в прошлом веке на тамошнем погосте, недалеко от церкви, можно было найти могилу его родителей; сейчас и кладбища не найти, а церковь стоит забитая досками), этот же Зосима прослыл потом как Зосима Соловецкий – один из отцов основателей Соловецкого монастыря. А два с половиной века спустя прибыл на Палеостров из Соловков инок Игнатий с толпой раскольников, чтоб тут братию крестить огнем. Инок Игнатий был не только главным идеологом самосожжения среди старообрядцев, но и пользовался славой духовного преемника соловецких старцев, казненных за старую веру после поражения восстания 1668-1676 гг. Сам Игнатий чудом избежал смерти, двадцать лет скитался по лесам и болотам Карелии, проповедуя очищение души в огне. После падения старой веры в Москве (Третьем Риме), – учил он, – Соловки стали Новым Иерусалимом, последним бастионом истинного христианства. Гибель Соловецкого монастыря начала Эру Антихриста...

...не додумал мысль до конца, ибо долетел до меня запах борща. Васин борщ! Это густой сюжет, заслуживающий отдельного абзаца. Странно, что я упустил его в повести *Канин Нос*, ведь он сопровождал нас уже там. Рецепт прост: в кипящую картошку, не сливая воды, добавляешь концентрат консервированного борща, тушенку из лося, горсть морской петрушки и дикого лука,

да приправы: лаврушку, черный перец, тмин и соль, а в конце майонез. Как вкусом, так и ароматом борщ обязан дичи. Но по-настоящему оценить горячий борщ в блесках жира способен лишь тот, кто хоть раз промерз до костей на северном море.

После ужина идем дальше. Сразу на восток, чтобы обойти Салоостров и Клим Нос, потом на юг – вдоль Заонежья. Наконец-то поднялся ветер. Ставим паруса. Справа бесшумно, как в немом кино, скользят в ночном тумане острова, мысы и бухты, изредка рыбацкий дом. Полночь. Идем «следом лодки Вяйнямёйнена» – так называют здесь блестящую полосу неподвижной воды среди ряби – навстречу щекастой луне. За нами низко сверкает золотой щит солнца.

Оленьи острова

Глаза у Карелии цвета Онеги – то синие с металлическим отблеском, то зеленоватые, бывают золотые... Кажется, Торо заметил, что озеро – самая прекрасная часть пейзажа, глаз земли; заглянув в него, можно измерить глубину своей души. Поэтому, смотря в Онегу, мы не только узнаем историю Карелии, отраженную в нем как в зеркале, но и проникаем в тайну собственной души, возвращаясь к истокам.

На поверхности что видно? Остатки тоталитарных иллюзий XX века – колючая проволока, стены барака, покосившаяся вышка. Чуть глубже можно увидеть осколки старых и новых вер и то, что осталось от борьбы между ними – руины монастырей, опустевшие скиты, истлевший крест. Еще глубже видны следы колонизаторов, цивилизаторов и миссионеров всех мастей – волоки и тракты, заросшие травой, развалины острогов, рвы. Иногда промелькнет горная выработка или контур вырубki – единственные признаки практической деятельности человека. А на дне этого глаза маячат (едва различимые) наскальные рисунки первобытных художников и могилы охотников мезолита.

Вот острова Оленьи, к которым мы направляемся, – два небольших куска суши, как будто оторванных от Большого Климецкого острова, лежащего в разветвлении клешней онежского рака. На одном из них, Южном, с незапамятных времен кустарно добывали известняк, да и сегодня можно найти там ямы старых выработок. Озерецковский писал: «...под самым наземником или верхним

слоем земли добывают известной камень серого, белого и красноватого цвета и жгут из него известь, которую доставляют в Петрозаводск на тамошний железный завод». После революции добычу и обработку известняка начали в промышленных масштабах – руками красных финнов. В 30-е годы, когда политическая ситуация изменилась, из колонии красных финнов сделали лагерь, однако род занятий не изменился. И вот, в конце мая 1936 года до Москвы дошло известие, что эска на Южном Оленьем в ходе работ выгребают человеческие черепа и кости... Профессор Равдоникас, выдающийся археолог Севера, сразу оценил значение находки. Научная экспедиция под его руководством три года упорно копала (плечом к плечу с эска?), в результате чего было открыто кладбище каменного века – так называемый Оленеостровский могильник.

Кладбище поистине грандиозное! Представь себе: на четверти гектара 140 могил, а в них на глубине полутора локтей лежат или стоят человеческие останки (оленеостровские вертикальные погребения не имеют аналогов в мире!), иногда по два или три в одной яме. Кроме человеческих черепов и костей, в ямах найдены ножи и тесла из сланца, кремневые наконечники стрел и дротиков, костяные гарпуны и кинжалы, медвежьи клыки, резцы бобра и скульптуры из рога: фигурки людей, головы лосей, фаллические тотемы и змеи. Ямы были засыпаны красной охрой так обильно, что даже кости покраснели...

Охра – символ огня, необходимого на Севере по обе стороны могилы. Ведь на Севере тропа охотника не кончается с его смертью, но, словно лента Мёбиуса, переходит на ту сторону.

Ученые до сих пор спорят и о датировке могильника, и о происхождении племени, оставившего в нем кости. Меня убеждает тезис о мезолите, основанный на отсутствии керамики (это самый ранний здесь след человека, около 6-5 тысяч лет до нашей эры). Откуда пришли владельцы черепов и костей, тоже неясно. Одни считают, что перекочевали с востока за оленями, другие – что пришли сюда из Прибалтики. Раскопки не дали ответа и на вопрос, где они жили до того, как умерли. Никаких поселений на Южном Оленьем не открыто. Возможно, эти люди населяли Большой Климецкий остров, быть может – Заонежский полуостров.

Как они жили? Гм, и об этом известно не много. Кое-какие выводы можно сделать на

основании предметов, найденных в могилах, что-то досказать по аналогии с жизнью северных племен, которую мы знаем из этнографии. Земледелием они не занимались. Впрочем, земля тут – прости Господи – скала, болото и мох. И оленей не разводили, поскольку с оленями нужно кочевать, а могильник свидетельствует, что они сидели на месте. Мужчины в основном охотились (только наконечников для стрел найдено в могилах восемь видов) и ловили рыбу, а женщины собирали яйца, ягоды, грибы и травы. Ритм жизни оленеостровцев отмеряли времена года: прилет и линька птиц, нерест рыбы, миграция оленей. Знали они привычки лосей, тропы куниц и места медвежьих берлог, ведали, каким путем зверь идет к водопою и где переходит реку, – там ставили ловушки, копали ямы, растягивали сети. Самой голодной порой были декабрь, январь и февраль, в марте наст в лесу уже выдерживал тяжесть человека, проваливаясь под лосем, что облегчало погоню за зверем, в апреле прилетали водоплавающие птицы, в мае рыба подходила к берегу на нерест, потом наступало лето, изобилующее белками и витаминами, и сытая осень – пора возвращения птиц и оленей (пора делать запасы), и снова зима – сезон пушнины. Поэтому охотники мезолита почитали зверей: их мясом кормились, в их шкуры одевались, а из костей делали орудия, амулеты и украшения.

(Не парадокс ли, что о жизни оленеостровцев, как и о жизни минойцев или этрусков, о которых писал Герберт, рассказывают нам «тихие бухты смерти, те просторные некрополи, гробницы, что долговечнее домов живых»?)

Полтретьего ночи. Встаем в проливе, отделяющем острова Северный Олений и Большой Климецкий. Солнце струится киноварью, бросая тени деревьев на воду. Пьем чай, и в койку. Засыпая, ни с того, ни с сего, я вспомнил чум на Ямале, в котором жил несколько лет назад, но по сей день помню это чудное ощущение, словно вернулся к себе... К прообразу дома... В утробу матери... Как знать?

Кижское Ожерелье

– Бля, бля, бля! – разбудило меня. После каждой «бляди» – бац! бац! бац! Выглядываю из люка, а там Вася, полуголый, мечется по палубе, дословно весь облеплен черной, шевелящейся

массой... Пока я сообразил, что происходит, туча комаров, мошкары и слепней, жужжа и звеня, облепила и меня.

– Прячься! – гаркнул Вася и исчез под палубой. Помчался за ним на ощупь (мошка мне в глаза залезла!). Туча за нами. Бой в кубрике. Вслепую, как попало, давим пакость, которая кусает, жалит, жрет. Особенно остервенели огромные бестии с зелеными глазами, будто покрытыми фосфоресцирующей краской. Неужели это знаменитая барма, о которой ученый Майнов так писал: «...и начинается знакомство с одним чисто местным насекомым – знакомство крайне неприятное, так как барма, муха довольно значительных размеров, часто больше обыкновенной песьей мухи, неразборчива по части пищи и потому с одинаковым наслаждением протыкает своим жалом и конскую морду, и заскорузлую шею ямщика, и аристократически тонкокожую физиономию какого-нибудь превосходительного ревизующаго лица». Раздавленная, липко течет... Мерзость! Разглядываю себя в зеркале – не человек, а чудовище. Лицо расплзлось в разные стороны и распухло, глаз затек. Вася с Юнгой выглядят не лучше. О выходе на берег нет и речи. Лишь бы выбраться отсюда! Заворачиваем головы в полотенца (как в кукель), выскакиваем на палубу, срываем якорь и вперед, сколько сил в моторе. Осины на Оленьем мелькают серебряными стволами, как придорожные девчонки ножками в мини.

Чуть погода нужно притормозить. Делается мелко. Северный конец Большого Климецкого, который мы огибаем, чтобы выйти на кижский фарватер, разменивается на небольшие островки, между ними мели, видно дно, камыши.

– Колы в зубы – командует Вася, – пошли на шестах.

Солнце вибрирует, слепни жрут... Семенем на колах, мало-помалу. Пот течет из-под полотенца, руки, выставленные под укусы, напоминают кровавые бифштексы. Вася рассказывает, как они с отцом ездили за сеном на берег Ладоги, носили его в лодку на носилках, обе руки были заняты, и пока добежали до воды, истекали кровью. Да, да – насекомые на севере не дают ни на секунду забыть о теле. Смотришь на прелести природы вокруг – на белокрыльник в топи или на луну в ряби – а тело зудит и болит. Никакого созерцания на грани, где сходятся я и не-я. Здесь тебя тело к себе призывает, даже если на мгновенье восприимчив.

А парить можно! Вокруг красаааа... Ведь находимся посреди Кижского Ожерелья – архипелага, состоящего из десятков больших и малых островков, – украшения Заонежья.

Справа мой однофамилец – Волкостров, славящийся драгоценными камнями: серым топазом, агатом, друзьями горного хрусталя, халцедоном и аметистом. Последний был особенно ценен Екатериной II, изделия с ним можно увидеть в Эрмитаже. Самым большим спросом пользовался розово-лиловый аметист с иголочками *гетита* – минерала, открытого на Волкострове и названного сперва *онегитом* – от Онеги, потом *филлонитом* – по фамилии олонецкого начальника, в конце концов, *гетитом* – в честь немецкого поэта. Жаль начальника, что не прошел, Гете прошел бы и так.

Слева от Волкосторова шнур островков, из-за которых выглядывает главная жемчужина Кижского Ожерелья, остров Кижы – музей деревянного зодчества Заонежья, из года в год посещаемый толпами туристов со всего света (однажды встретил там двух боливийцев!), не говоря уж о русских – для них визит на Кижы это встреча со своим прошлым, застывшим в «сказке куполов» Преображенской церкви и в «букете луковиц» Покровского храма, в срубах старых домов (мало кто знает сегодня, чем отличаются срубы «в обло» и «в лапу») и в узорах чудных причелин, в формах утвари и ладей... На голубом фоне показывается необычайный профиль кижского ансамбля, словно из папье-маше. До пристани рукой подать, пора рассказать об истории Кижей.

В названии острова можно услышать отголоски карельского *кижат* – игрища, языческой забавы. Впервые Кижы упоминаются в новгородских податных книгах как «Спасский Кижский погост», т.е. сразу в роли одного из центров административной и религиозной жизни Заонежья. В XVI веке Кижский погост охватывал уже 130 деревень, рассеянных по соседним островам и берегу. На острове сидели представители власти и Церкви, стояли гарнизоном стрельцы, а также проходили сходы, ярмарки, праздники и гулянья. С утра до вечера жизнь на Кижях била ключом, окрестные мужики съезжались на лодках, народу везде не меряно – в лавках и в питейных заведениях, в губной избе и в трапезных церквей. Позже начались беды: сначала, в конце XVI века, нагрянули шведы и сожгли

половину дворов, потом, во время Смуты, грабил погост каждый, кому не лень (ясное дело, что не обошлось без участия поляков, пришедших с Самозванцем). Но наиболее ощутимо задели кижан указы Петра I, которыми царь приписывал их к олонцким заводам, практически отдавая в рабство чужеземным управляющим. Жители Кижского погоста не только принудительно отработывали подушную подать на добыче руды и выжигании древесного угля во время посева, сенокоса и жатвы, забрасывая свои поля и луга, но еще платили дань для возмещения убытков нерентабельных заводов и штрафы за беглых соседей. «Понеже их кнутом содержать было невозможно, а вешать грех!» – обосновывал эти штрафы Виллим Геннин (один из основателей современной металлургии в России, привезенный Петром I из Голландии), считая грехом не убийство человека, а утрату рабочей силы...

Поэтому в Заонежье часто вспыхивали мужицкие бунты, в которых первую скрипку, как правило, играли кижане. Отчаявшиеся и голодные (в неурожайные годы они ели сосновую кору и солому) они не выходили на работу, сбегали к раскольникам целыми селами, оставляя опустевшие дворы и заброшенные поля, словно после татарского набега, а иногда брались и за оружие. Как во время бунта 1769-71 годов, который вошел в историю Заонежья под названием *Кижского восстания* – самого крупного крестьянского мятежа на Севере. Камнем преткновения стал тивдийский мрамор, что могло бы заинтересовать историков искусства. Его разработку для строительства Исаакиевской церкви в Петербурге взвалила на онежских мужиков Екатерина II.

Мужики сначала отказались работать, потом взялись за косы и вилы. Мятеж в мгновение ока расползся по Заонежью. По-разному пробовала царица уговаривать – то дыбой, то кнутом – ничего не помогало. В конце концов прибегла к угрозам: «Но ежели кто за сим нашим милостивым увещанием или императорским повелением отважится быть не послушным и того же часа не придет в раскаяние и в рабское свое повиновение, и не вступит в ту работу, которая ему по наряду приказывается, то сам уж от нас за бунтовщика и возмутителя противу воли нашей императорской признан будет, и никаким образом тягчайшего нашего гнева и наказания не избежит» (понятие «рабское повиновение» в указе Екатерины полностью передает отношение государства Российского к своим подданным, от Иванов до Сталина). А когда и это не подействовало, князь Урусов пальнул картечью по двум тысячам кижан, собравшимся у церкви. Погибло 5 человек. Остальные присмирели. Бунтарям вырвали ноздри, на лбу выжгли «В», на правой щеке «О», на левой «З» (читай: возмутитель) и сослали в нерчинские серебряные рудники...

Далее история Кижского погоста менее интересна, даже Озерецковский едва упомянул о нем... Только во время борьбы Сталина с Господом Богом кижане вспомнили бунтарские традиции, выступая наперекор Сталину за Господа Бога (при голосовании за закрытие Преображенской церкви тысяча кижан была против и только 80 – за), но достаточно было расстрелять попа Петухова, чтобы они опять присмирели. И лишь открытие на острове музея деревянного зодчества вернуло Кижам давнюю славу.

Авторизованный перевод

Вероники Градус

Продолжение следует

Виктор Кулерский

ПАНОРАМА НОВОГО СЕЙМА

Польский парламент: Сейм и Сенат

Двухпалатный парламент Республики Польша — это Сейм (460 депутатов) и Сенат (100 сенаторов). Обе палаты, заседавая совместно, образуют Национальное собрание. Сейм разрабатывает законы, а Сенат их проверяет и, по мере надобности, совершенствует. Законопроект может внести группа депутатов, но не сенаторов. Однако весь Сенат в целом может передать законопроект на рассмотрение Сейма. Кроме того, законодательной инициативой обладают: президент, совет министров и группы граждан в составе не менее 100 тыс. человек. Поправки Сената к законопроекту Сейм может принять или отвергнуть простым большинством голосов. Если президент откажется подписать принятый Сеймом закон, то президентское вето Сейм может отклонить квалифицированным большинством голосов (в Польше оно составляет три пятых). Сейм принимает (или отвергает) вотум доверия правительству, глава которого назначается президентом, и который осуществляет контроль над его деятельностью. С согласия Сената Сейм назначает председателя Верховной контрольной палаты, омбудсмена, членов Государственного и Конституционного судов, а также избирает президента Польского национального банка. Сейм может объявлять референдумы. К основным полномочиям Сейма и Сената вместе (т.е. Национального собрания) относятся: подготовка и утверждение конституции страны; принятие присяги у новоизбранного президента; предъявление президенту обвинений в нарушении конституции или законов, либо же в совершении преступления; признание его устойчиво неспособным выполнять обязанности по состоянию здоровья. Сейм и Сенат избираются на четыре года.

Парламентские выборы 23 сентября

Участие в выборах составило 46,29%. Это примерно на 2% меньше, чем на выборах 1997 г., и на 6% меньше, чем на выборах 1993-го. Сенсацией нынешних выборов стало то, что группировки, правившие при предыдущем составе парламента: «Избирательное действие Солидарности» (ИДС, председатель — Ежи Бузек) и «Уния свободы» (УС, которую с момента ее возникновения возглавляли Тадеуш Мазовецкий, затем Лешек Бальцеревич и Бронислав Геремек), — лишились всех мандатов в Сейме и почти всех — в Сенате.

Коалиция «Союза демократических левых сил» (СДЛС) с «Унией труда» (УТ), в предыдущем составе парламента оставшаяся в оппозиции, получила 216 мест в Сейме (41,04% голосов избирателей), что, одна-

ко, не позволяет ей создать правительство большинства. СДЛС — партия, созданная деятелями бывшей ПОРП после ее самороспуска в 1990 г. и называвшаяся сначала «Социал-демократией Республики Польша». В верхушку партийного руководства входят председатель СДЛС Лешек Миллер, бывший секретарь ЦК и член политбюро ПОРП; Юзеф Олексы, бывший премьер-министр (1994); Владзимеж Цимошевич, бывший премьер-министр (1996). «Уния труда» создана в 1992 г. путем объединения небольших группировок, ранее принадлежавших к ПОРП, «Солидарности» и Польской социалистической партии. Лидер УТ — Марек Польш. 51% избирателей коалиции составляют жители малых городов (с менее чем 50-тысячным населением). У СДЛС относительно многочисленный постоянный электорат — 67% голосовавших сейчас за эту партию так же голосовали и на предыдущих выборах. Политическим приоритетом коалиция считает вступление Польши в Евросоюз. Во внутренней политике она выступает за прямые выборы сельских старост (войтов), бурмистров и президентов городов [в обоих случаях — мэров, президентами они называются в военных центрах]: ограниченную приватизацию; сохранение прогрессивного налога; повышение расходов на борьбу с безработицей; ужесточение наказаний и условий отбывания наказания; конфискацию имущества у осужденных за организованную преступность; расширение пределов необходимой обороны.

65 мест в Сейме (12,8% голосов на выборах) получила «Гражданская платформа» (ГП), созданная в 2001 г. Анджеем Олеховским, бывшим министром финансов (1992) и иностранных дел (1993-1995), соперничавшим с Александром Квасневским на президентских выборах. К верхушке ГП принадлежат также Мацей Плажинский (ранее в ИДС), маршал Сейма предыдущего созыва, и Дональд Туск (ранее в УС), вице-маршал Сейма предыдущего созыва. 78% избирателей ГП составляют городские жители. 33% раньше голосовали за ИДС, а 27% — за УС. ГП, как и СДЛС, выступает за вступление Польши в Евросоюз и за прямые выборы войтов, бурмистров и президентов городов. Однако она более радикальна в вопросе приватизации, считая ее необходимой во всех секторах экономики. Не согласна она с СДЛС и в вопросе о прогрессивном налоге, считая необходимым ввести одинаковый для всех 15-процентный налог с личных доходов и ликвидировать все налоговые льготы и освобожденные от нало-

гов квоты. Вместо повышения затрат на борьбу с безработицей ГП предлагает ввести гибкий Трудовой кодекс и отменить фонд социальных пособий на предприятиях, где занято менее 50 человек. Повышения безопасности граждан ГП предлагает достичь путем введения премий за успешность работы полиции и городской охраны.

Впервые в Сейм вошла «Самозащита» (53 депутатских мандата, 10,20% голосов; в 1997 г. она набрала всего 0,1%). Свыше 60% избирателей «Самозащиты» составляют крестьяне с начальным или средним образованием. Многие из них находятся в трудном финансовом положении. «Самозащита» была учреждена в 1992 г. под лозунгом «Не бросим земли, откуда наш долг» [перифраза строки из старинной песни, «Не бросим земли, откуда наш род»] крестьянами, которые после рыночных преобразований попали в ловушку задолженностей: их хозяйства могли пойти с молотка. К ним присоединились предприниматели, неспособные погашать банковские кредиты. Под предводительством основателя «Самозащиты» Анджея Леппера они блокировали дороги, пограничные переходы, захватывали общественные здания, организовали 16-тысячный «звездный» марш на Варшаву, на много часов блокировав городское движение. На Анджея Леппера, выпускника сельскохозяйственного техникума, бывшего боксера и борца, бывшего члена ПОРП и рабочего госхозов, было заведено свыше ста следственно-судебных дел по обвинению в незаконных формах протестов, оскорблении представителей верховной власти и избирателях. Он находился в розыске, два месяца провел в следственном изоляторе и был приговорен к году лишения свободы условно. Он владеет хозяйством в 42,5 гектара, 105 головами крупного рогатого скота и 300 — мелкого, тремя тракторами и комбайном. По мнению Леппера, «коммунизм был плох, но капитализм еще хуже» («Газета wyborча», 2001, 28 сентября), а «люди — честный, трудолюбивый народ, только ими надо мудро руководить — от демократии через анархию к диктатуре» («Газета wyborча», 2001, 1 октября). 53% избирателей «Самозащиты» составляют сельские жители. 25% ее избирателей на предыдущих выборах голосовали за ИДС, 15% — за СДЛС, 11% — за ПСЛ (дословно Польская народная, т.е. крестьянская, партия). «Самозащита» требует опираться на приватизацию на польских капиталах; ввести четвертый налоговый порог в размере 60% от самых крупных зарплаток и одновременно освободить от налогов доходы ниже социального минимума; отменить акцизы на спиртные напитки, бензин и табачные изделия, но повысить акцизы на автомобили класса «люкс»; выплачивать безработным бессрочные пособия и организовать общественные работы большого размаха; снизить пенсионный возраст; восстановить смертную казнь и ввести конфискацию имущества и пожизненное заключение для аферистов.

«Право и справедливость» (ПиС), группировка, созданная в 2001 г., получила 44 депутатских мандата (9,5% голосов). Возглавляют ее братья Ярослав и Лех Качинские. Оба были министрами без портфеля при президенте Лехе Валенсе (1991). Лех Качинский был также председателем Верховной контрольной палаты (1992-1995) и министром юстиции (2001). 78% избирателей ПиС — городские жители. Ранее 50% сторонников ПиС голосовали за ИДС, а 9% — за УС. ПиС ставит вступление Польши в Евросоюз в зависимость от результатов референдума; требует, чтобы при приватизации стратегических секторов в руках государства оставалась «золотая акция»; выступает за снижение налогов с одновременным сохранением существующих льгот и введением новых целевых налогов — на образование, культуру и благотворительность; требует восстановления смертной казни и чрезвычайной судебной процедуры.

«Польске стронництво людове» (ПСЛ), возникшее в 1990 г. на базе сателлита ПОРП — «Объединенного стронництва людового», заняло 42 места в Сейме (8,98% голосов). Председатель ПСЛ — Ярослав Калиновский. 70% избирателей ПСЛ — сельские жители. 45% его сторонников голосовали за эту партию и на предыдущих выборах. ПСЛ сохраняет умеренные оговорки по отношению к европейской интеграции; приватизацию допускает лишь в особых случаях; стоит за сохранение существующей налоговой системы со снижением косвенных налогов; требует наложить на иностранные предприятия, действующие в Польше, особые выплаты в фонд борьбы с безработицей.

«Лига польских семей» (ЛПС) создана в 2001 г. как избирательный комитет, в который входит ряд малых группировок, таких, в частности, как Национально-католическое движение, «Стронництво народов» (Национальная партия), «Форум национальных объединений», «Польское соглашение». Лига получила 38 депутатских мандатов (7,87% голосов). Среди лидеров ЛПС — Габриэль Яновский, бывший министр сельского хозяйства (1991-1993); Ян Лопушанский, поддерживаемый «Радио Мария»; Антоний Мацеревич, участник оппозиции и самиздатского движения 70-80-х, бывший министр внутренних дел (1991-1992); Ян Ольшевский, во времена ПНР защитник на политических процессах, бывший премьер-министр (1991-1992); Зигмунт Вжодак из профсоюзной организации «Солидарность» тракторного завода «Урсус», известный своей антисемитской риторикой. 63% избирателей ЛПС — жители малых городов и сельские жители. 51% ее избирателей голосовали на предыдущих выборах за ИДС. Лига требует одностороннего разрыва договора о сотрудничестве Польши с Евросоюзом, соблюдения норм христианской нравственности в публичной жизни, сохранения собственности в польских руках.

Два мандата в Сейме получило немецкое меньшинство, живущее главным образом у западной границы Польши.

В Сенате подавляющее большинство мест досталось коалиции СДЛС и УТ — 75 сенаторов. ИДС-Правые, УС и ГП, создавшие один избирательный блок «Сенат-2001», получили вместе 15 мест. Четыре сенатора будут представлять ПСЛ, двое — «Самозащиту», двое — ЛПС, и, наконец, два места достались независимым кандидатам, выступавшим на выборах индивидуально.

Комментарии в печати

«Новый Сейм будет смесью прагматических и фундаменталистских группировок. Крайние и радикальные группировки, которые в большинстве демократических западных стран остаются вне парламента, в Польше заняли места в Сейме. Зато роль внепарламентской оппозиции у нас будут играть центристские и умеренные партии. Такова неожиданная перемена мест по-польски». (Анна Богуш, «Ньюсуик-Польша», 30 сентября)

«Может укрепиться тенденция популистских претензий к государству, сильнее будут голоса, призывающие более к распределению благ, нежели к их производству. В нынешнем экономическом положении Польши и перед лицом необходимости переговоров с Евросоюзом это плохо». (Проф. Анджей Рыхард, «Газета выбора», 24 сентября)

«Эти результаты ведут к весьма серьезным сдвигам в сторону от проводящихся ныне реформ — к государству опеки, снижению расходов на экономические преобразования. И происходит это как раз тогда, когда Польше необходима консолидация государственных финансов и их глубокая реформа, неразрывно связанная с ограничением программ социальной защиты». (Богуслав Грабовский, член Совета денежной политики, «Жечпосполита», 24 сентября)

«Сейм, сформировавшийся в результате этих выборов, не внушает оптимизма. Не будет сильного, решительного и внутренне бесконфликтного правительственного большинства, а в расколотой оппозиции клубится множество эфемерных, демагогических и находящихся в конфликте друг с другом образований. Крупное поражение участников предшествующей правящей коалиции сильно потрясло польскую политическую сцену, но не перестроило, а скорее развалило ее». (Януш А. Майхерек, «Жечпосполита», 24 сентября)

«Обстоятельства ставят перед СДЛС весьма трудную задачу. С одной стороны, сильно представлены левые популисты Анджея Леппера, с другой — правые из «Лиги польских семей». Это может поставить под угрозу программы развития экономики и европейской интеграции». (Бронислав Коморовский, министр национальной обороны, «Газета выбора», 24 сентября)

«Обе партии с преимущественно крестьянским электоратом [«Самозащита» и ПСЛ] весьма существенно усилили свое влияние по сравнению с выборами 1997 года. Это вводит в польскую политику откровенно классовый фактор. Столь же классово выглядит и электорат «Гражданской платформы», которой удалось привлечь немалую часть т.н. верхнего класса». (Яцек Рацборский, «Жечпосполита», 24 сентября)

«На сцену входят две радикальные группировки с радикальной риторикой против Евросоюза и вообще Европы — «Самозащита» и «Лига польских семей». (...) Отсутствие «Унии свободы» в парламенте символически завершает эпоху преобразований. Зодчие экономических и политических перемен, имеющие заслуги в демократизации Польши, легендарные фигуры августа 80-го отвергнуты избирателями. Столь же суровое решение стало уделом «Избирательного действия Солидарность». (Проф. Эдмунд Внук-Липинский, «Газета выбора», 24 сентября)

«Не антисемитизм открыл «Лиге польских семей» двери к успеху. Основное — это страх перед Евросоюзом, перед мнимой угрозой самым традиционным ценностям и потерей ощущения равенства. (...) Речь идет о страхе перед чужими. Избиратели Лиги боятся чужих. (...) Лига — это знамя протеста, ибо сегодня радикальный протест приносит шансы. (...) Лига — скорее множество политических вождей, весьма амбициозных, а не идейно и политически цельная сила. (...) За их успехом стоит разочарование избирателей и недостаточная ясность других политических групп». (Проф. Веслав Хиановский, старейшина движений национал-демократической направленности, почетный председатель Христианско-национального объединения, бывший маршал Сейма, бывший министр юстиции, «Газета выбора», 29-30 сентября)

«Самые резкие и наименее мотивированные нападки на правительство Ежи Бузека раздавались в последние месяцы в эфире «Радио Мария». О том, как там оскорбляли «Унию свободы», и вспоминать не стоит. (...) Общество не только несчастно и заслуживает сострадания. Его терзают и заболевания. Кто-то должен взять на себя ответственность за это. Например, ответственность за появление в Сейме «Лиги польских семей» должна взять на себя Церковь, так как церковное учреждение, «Радио Мария», побудило к созданию Лиги». (Юзефа Хеннелёва, «Тыгодник повсехный», 7 октября)

«Программа „Гражданской платформы“ не особенно отличается от программы «Унии свободы», но для ее сторонников обладает важным достоинством: она сво-

бодна от исторического багажа, от споров о прошлом, от политического этикета, от натренированной идеологической ненависти крайне правых. (...) Избиратель „Платформы“ (...) покидая „Унию свободы“, не меняет взглядов, зато он может надеяться, что все, что для него важно, обретет прагматические, неидеологические формы, которые усыпят бдительность безумцев, вынюхивающих антипольские диверсии. Избиратель, так сменяющий цвета, считает, что в Польше слишком большую роль играет идеологическое одурение, что если кого-то объявят врагом Церкви и Польши, то натравленные на него силы при случае расправятся и с разумной налоговой системой, рациональными решениями в борьбе с безработицей и т.п. Так что пусть „Уния свободы“ падет, давая гонителям ощущение торжества, а прежде чем они опомнятся, возможно, удастся осуществить какие-то разумные вещи, которым она, возбуждая столь широкую неприязнь, только вредит. Если такой прагматизм возобладает, то в истории польской интеллигенции это станет знаменательным событием, свидетельствующим о том, что нечто заканчивается, что традиционный подход интеллигенции, ее историческая память, ее умение стоять за то, что она считает важным, — что все это в новые, нормальные времена перестает быть необходимым». (Тереса Богуцкая, «Газета wyborcza», 15-16 сентября)

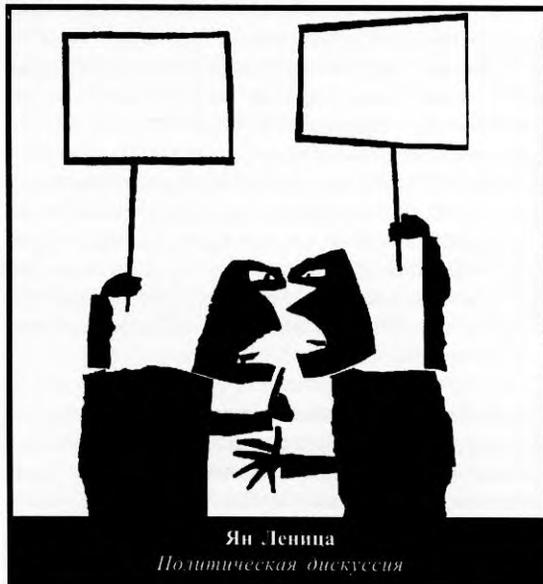
«Удаление [из парламента] умных, идейных и хорошо подготовленных к управлению людей ослабляет польские правящие верхи». (Ян Новак-Езёранский, «Газета wyborcza», 28 сентября)

«Выборы 23 сентября оказались откровенной антиинтеллигентской демонстрацией. Но чего мы могли ожидать, если в Польше 9% лиц с высшим образованием? (...) Расскажу о трех вещах, которые всех нас особенно поразили. Первый факт: политик, который не желал предстать перед польским судом [Анджей Леппер], встанет на парламентской трибуне. Он получит депутатскую неприкосновенность и будет издавать законы для нас, уважающих польские суды. Второй пример — лидер, который на протяжении последнего периода обещал навести в Польше порядок [Лех Качинский]. И нигде не навел. Ни в органах правосудия, ни в обеспечении большей безопасности гражданам. А сколько процентов [голосов] он заработал на одних угрозах! И набрал почти 10%. И, наконец, третья группировка, которая святым именем Матери Божией будет оскорблять всех и каждого, у кого иные взгляды [„Лига польских семей“]. К сожалению, в Польше что-то случилось. Фольклор вошел в парламент. А мы наивно думали, что эти группировки останутся фольклорными ансамблями. (...) У каждой из этих групп идеология, решительно исключающая всех остальных. (...) Моя первая мысль, когда я узнал, каковы результаты, была о

том, что „круглый стол“ развалился. (...) Внезапно все начинается сначала. На место прагматизма вторгается идеология. И я боюсь, что ее представители склонны проводить самые рискованные эксперименты». (Анджей Вайда, «Жечпосполита», 6-7 октября)

8 млн. поляков смотрели по государственному телевидению вечер выборов. 9,2 млн. поляков в то же самое время по тому же телевидению смотрели сентябрьский матч Польша—Норвегия, а победу Адама Малыша на последних соревнованиях Турнира четырех трамплинов смотрели 8,8 млн поляков, о чем с гордостью сообщил «Пшеглэнд спортивный». («Политика», 6 октября)

«Две вещи особенно огорчают меня в этих выборах. Прежде всего крайне низкое участие. Второе огорчение — уход из парламента многих замечательных представителей послеавгустовского лагеря [лагеря исторической «Солидарности»]. Это не только их поражение, но и исчезновение общественной памяти. (...) Причин, вероятно, немало. Меня особенно поражает тот феномен, который я называю „партийностью превыше всего“. В Польше партии создаются главным образом для того, чтобы работать на себя и своих членов. Главная цель партийной борьбы за власть — завоевать выгоды и привилегии. Забота об общем благе — обычно пустой лозунг. (...) Я вижу в этом нечто тревожное: в Польше люди идут в политику, чтобы заработать деньги. Это относится почти ко всей политической сцене. Мы не оздоровим государство, если больна человеческая совесть, если каждый думает только о себе. На мой взгляд, эти выборы — доказательство возмущения общества таким политическим поведением». (Епископ Тадеуш Перонек, «Газета wyborcza», 29-30 сентября)

Ежи Клеер

ЗНАНИЯ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ

В ходе XI экономического форума «Польша—Восток» в Кринице (которую уже начали называть польским Давосом) премьер-министры стран Вышеградской группы подписали соглашение о развитии «экономики на базе знаний» (Knowledge-Based Economy)*. В чем суть этой экономики?

Экономика на базе знаний — это теоретическое направление, объединяющее главным образом экономистов, но кроме них — кибернетиков, инженеров, социологов. Ее цель — определить роль так называемого «четвертичного» сектора экономики, в основном связанного с услугами в области информационных технологий**.

По мнению некоторых теоретиков, ускоренные процессы глобализации, особенно в областях, связанных с передовыми технологиями и финансовым сектором, не могли бы возникнуть без революции в информатике. Но есть и эксперты, утверждающие, что влияние четвертичного сектора на развитие экономики все еще незначительно. И если даже оно кое-где существует, то это касается не более чем нескольких, наиболее развитых стран, главным образом США. Однако в прошлом году скептиков стало больше, что было вызвано серьезным снижением темпов роста американской экономики.

ЭТАПЫ ВСЕ КОРОЧЕ

Как и все новые, еще недостаточно распространенные явления, экономика на базе знаний не обладает четко выраженным характером, зато имеет множество определений. В труде, опубликованном Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) («A New Economy? The Changing Role of Innovation and Information Technology in Growth», Paris, 2000) можно прочесть, что «знания — это важнейший эндогенный фактор производства и важнейший вклад в функционирование “двигателя капитализма”». Профессор Анджей К. Козьминский считает, что это «такая экономика, где действует множество предприятий, конкурентное преимущество которых основано на знаниях».

В развитии новейшей рыночной экономики, то есть с конца XVIII века, постоянно сокращалась продолжительность отдельных этапов, на протяжении которых экономический рост определяли те или иные виды продукции и производственной деятельности. На первом этапе, который, по некоторым оценкам, продолжался 60 лет, основное место занимали гидроэнергия, ткани и железо. На втором основой были паровая машина, железные дороги и сталь — этот период закончился за 55 лет. Третий, с электричеством, химическими продуктами и двигателем внутреннего сгорания, продолжался 50 лет. Четвертый, где на первое место вышли авиация, нефтепереработка и электроника, — 40 лет. А пятый, с компьютерными сетями и новыми средствами массовой информации, по всей вероятности, будет продолжаться около 30 лет — до 2020 года.

Энтузиасты оценивают влияние знаний на развитие как революционный процесс. Нельзя, однако, забывать, что распространение этих знаний в пределах одной страны, а тем более в масштабе всего мира происходит медленно и скорее эволюционным путем. Начальный этап влияния знаний на экономику носит в основном микроэкономический характер. Сначала оно касается одного или нескольких предприятий, иногда даже небольших, и только потом используется в более широком масштабе. Опыт «Силиконовой Долины» — лучший тому пример.

* Сам термин «Knowledge-Based» — «использующий базу знаний, интеллектуальный» (англ.) — пришел из разработок по искусственному интеллекту и интеллектуальному обеспечению крупных компьютерных систем. — *Пер*

** Традиционное деление на секторы экономики таково: первичный — добывающая промышленность и сельское хозяйство, вторичный — обрабатывающая промышленность, третичный — сфера услуг (транспорт, связь, торговля и др.). — *Пер.*

ЭКОНОМИКА НА БАЗЕ ЗНАНИЙ В ДЕСЯТИ ПУНКТАХ

Каждая ли страна, каждая ли экономика могут хотя бы в примерно одинаковой степени и примерно за тот же период воспользоваться плодами того скачка, который сулит модель экономики на базе знаний? Здесь трудно найти определенный ответ — главным образом потому, что нам просто не хватает опыта. Все еще продолжается спор между теоретиками и практиками: в скольких государствах уже существует экономика на базе знаний? Одни утверждают, что только в США, другие — что можно назвать десяток таких стран. Поэтому следует попытаться составить некоторый перечень характерных примет такой экономики в разных ее аспектах. Я представлю эти характеристики не в порядке их значения, оценить которое чрезвычайно трудно все по той же причине — недостаточного накопленного опыта. Поэтому принятые количественные показатели в определенной степени носят произвольный характер.

1. Важнейший показатель — высокая доля занятых в экономике лиц с высшим образованием. Нижний предел — это, по всей вероятности, 20%, но стран, превосходящих этот рубеж, немного. Это, несомненно, США, Голландия и Япония. Если снизить его уровень до 15%, в перечень можно включить также Канаду, Норвегию, Данию и Финляндию.

2. С предыдущим показателем связан уровень развития страны, выражающийся в годовом объеме валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения. Минимальной предельной величиной здесь следует признать 20 тыс. долл. в год, считая по паритету покупательной способности. В 1999 г. только 19 из 29 стран-членов ОЭСР превысили этот уровень. Среди стран Евросоюза три оказались за пределами этой группы: Испания, Португалия и Греция. Ни одна из стран Центральной и Восточной Европы к этому уровню не приблизилась.

3. Признав знания важным или даже определяющим фактором развития, мы тем самым ограничиваем роль традиционных факторов: земли, труда и капитала. Кроме того, следует признать, что вложения в научные исследования и разработки (НИОКР) должны превышать 2% ВВП. В конце 90-х эти вложения в странах ОЭСР составляли 2,2% (в среднем по ЕС — 1,8%), но эта цифра определялась в основном показателями самых крупных и богатых стран, главным образом Японии (3%), США (2,7%), Швеции (3,9%), Финляндии (3,2%), Германии (2,3%) и Франции (2,2%). Для сравнения отметим, что в Польше в 1999 г. доля вложений в НИОКР составила всего лишь 0,7%.

4. Развитие экономики в этих странах привело к существенным изменениям структуры ВВП. В прошлом ведущую роль играли сельское хозяйство и добывающая промышленность, затем перерабатывающая промышленность. В настоящее время подобную роль играют услуги. В наиболее развитых странах доля услуг в ВВП достигает 65-75%. Эта тенденция укрепляется и в менее богатых странах. В Польше, например, почти 60% ВВП приходится на услуги. Приветствуя этот факт, следует, однако, помнить, что чрезмерная доля услуг — это не всегда положительное явление. Значительная доля услуг в составе ВВП обоснована тогда, когда его объем превышает 12-15 тыс. долл. на душу населения. Ниже этого уровня она, как правило, означает, что так называемых потребительских товаров длительного пользования (продуктов питания, одежды, квартир) не хватает для удовлетворения первоочередных нужд. Именно такова, полагаю, ситуация в Польше.

5. Одновременно с ростом доли услуг в ВВП снижается его общий вес. В прошлом здесь существовала четкая взаимосвязь: чем выше был объем валового продукта в денежном выражении, тем больше он весил физически (например, в тоннах). Это сильно влияло на развитие складских услуг и определенных видов транспорта, например, железнодорожного. По мере роста доли услуг темпы роста уже не столь ощутимо отражаются на физическом весе ВВП, во всяком случае — в наиболее развитых странах. По сравнению с периодом до I Мировой войны объем ВВП в денежном выражении в США до конца 90-х гг. XX века вырос почти в 5 раз, а его вес — всего лишь в 3 раза. Это повлияло не только на структуру транспорта, но и, причем в основном, на географическое размещение экономических центров. Это заметно и в Германии, где роль Рурского бассейна снизилась в пользу, например, Баварии.

6. Стремительное развитие знаний и их влияние на развитие экономики влечет за собой два существенных последствия: срок жизни продукта в среднем резко сокращается, а человек на протяжении периода своей трудоспособности неоднократно меняет профессию. В прошлом единожды приобретенного образования, как правило, хватало на всю жизнь. В настоящее же время необходимо не только непрерывно повышать свою квалификацию, но и зачастую менять профессию.

7. Если знания — это тот компонент роста, который в самой большой степени влияет на экономическое и социальное развитие, то экономика страны должна быть по преимуществу инновационной. Правда, не

всё имеет смысл придумывать заново. Экономика на базе знаний означает только, что как высшие учебные заведения, так и предприятия страны должны быть нацелены на инновационность. Ведущее место по числу изобретений занимают самые развитые и крупные страны — Япония, США и Германия.

8. Современная экономика во все большей степени подвергается глобализации, которая представляет собой один из основных механизмов распространения знаний. Но это означает также, что экономика на базе знаний должна быть открытой и подверженной влиянию международной конкуренции. Открытость влечет за собой многочисленные последствия: принуждает к постоянному росту конкурентоспособности, а также к принятию международных образцов и стандартов, нередко в ущерб собственным.

9. Открытое общество и открытая экономика благодаря распространению Интернета совершают революцию в предложении информации, которая становится не только более быстрой, но и, главное, более дешевой. А это в свою очередь способствует демократизации знаний.

10. Экономика на базе знаний — это результат взаимодействия многих научных дисциплин и множества ученых из разных стран, принадлежащих к разным культурам. Это, как мне представляется, ведет к ограничению индивидуализма в пользу особого рода коллективизма.

ЧЕМ ЭТО УГРОЖАЕТ

Если справедливо утверждение, что связи между глобализацией и экономикой на базе знаний прочны и будут продолжать укрепляться, то возникают три сферы возникновения возможных конфликтов. Первая, первоначально самая важная, связана с нарастающим разрывом в уровне доходов между производителями знаний и их продуктов, с одной стороны, и производителями материальных благ, спрос на которые будет повышаться медленно либо вообще приостановится, — с другой.

Вторая сфера возникновения конфликтов — региональные диспропорции. Они, правда, существовали всегда, но экономика на базе знаний приводит к тому, что некогда богатые и быстро развивающиеся регионы начинают быстро приходить в упадок. Так было и в прошлом, но основное различие состоит в том, что информация и наши знания об этих явлениях в настоящее время существенно возросли, так же, как и социальная мобильность рабочей силы. В странах богатых, то есть тех, где уже возникает экономика на базе знаний, либо тех, что стоят на ее пороге, смягчение региональных диспропорций — это насущный и решаемый вопрос. Хороший тому пример — Евросоюз. В то же время мы наблюдаем столкновение между сторонниками свободного рынка и сторонниками вмешательства государства. Сегодня трудно придерживаться прежних представлений о роли государства в экономике, но это вовсе не значит, что государство вообще перестает быть необходимым.

Глобализация и Интернет все сильнее связывают мир и способствуют более динамичному росту мировой экономики. Но, с другой стороны, выгоды от этого роста распределяются неравномерно: самые богатые страны извлекают этих выгод намного больше. Сегодня дифференциация мира с точки зрения дохода на душу населения гораздо выше, чем 30 лет назад. Однако в настоящее время об этих явлениях и об этом процессе знает гораздо большее число людей — хотя бы потому, что мир вообще знает о себе существенно больше. Основной вопрос таков: кто и как будет эти различия сглаживать?

Ясно одно: инвестиции в человеческие ресурсы признаны теперь наиболее рентабельными. Правда, срок окупаемости этих вложений довольно длителен: для стран менее развитых, таких как Польша, результаты могут проявиться спустя годы. Тем не менее эти инвестиции нельзя откладывать «на потом».

Ян Лепиа
Мыслитель

Вацлав Вильчинский

АНТИГЛОБАЛИЗМ И ТЕРРОРИЗМ

Все больше признаков указывает на близкое родство этих двух явлений. Превосходная организация преступного авианалета на Нью-Йорк и Вашингтон и достойная восхищения стратегия беспорядков в Сизтле, Ницце, Праге и Генуе весьма схожи — так же, как и финансовые тылы этих «мероприятий». Эти тылы не щадили и не будут щадить средств на борьбу со всей западной культурой и цивилизацией, ибо в мусульманских фундаменталистских сектах нет места истинному социальному прогрессу. Смертельным врагом становится каждый, кто не подчиняется мировоззрению муллы, кто не согласен с экспансией фундаментализма, кто по-другому представля-

е т

себе современный мир. Поэтому «врагом номер один» должны были стать Соединенные Штаты, самая демократическая страна, имеющая на своем счету самые выдающиеся успехи в науке и экономике, защищающая право на свободу.

Только безнадежно наивные люди сегодня еще не верят, что выступления антиглобалистов — это один из фронтов организованной борьбы с достижениями западной культуры и цивилизации. Не составляет ни малейшего труда назвать области постоянного нарастания агрессии против свободного мира. И пусть меня никто не уверяет, что эти движения борются за свободу. Речь идет о рабстве, и не только интеллектуальном. Остается только пожалеть о том, какое множество наивных и недоучившихся антиглобалистов удалось с такой легкостью сделать инструментом в руках разрушителей нашего мира. Правда, в столкновении с этой агрессией были в Европе и печальные страницы, взять хотя бы Сребреницу и Косово. Однако они не могут заслонить признаков нарастающей агрессии фундаменталистских сил, использующих даже визит папы Иоанна Павла II в Сирию для атаки на Израиль. Напомним при случае почти забытый факт: флирт Гитлера с великим муфтием Иерусалима во время II Мировой войны. Советский тотали-

таризм тоже в течение многих лет прекрасно дружил с иракским или сирийским фундаментализмом — разумеется, на платформе общей борьбы с демократическим Западом. Доктринальный фундаментализм — это всегда тоталитаризм, независимо от различий в конкретных проявлениях.

По-видимому, настало время дать должную оценку движениям и опасным тенденциям, которые определяют облик современного мира, а также сделать соответствующие выводы. Это тем более необходимо, что до сих пор ни теракты, ни даже топливный кризис 70-х годов не потрясли мир с достаточной силой и не сделали очевидной надвигающуюся глобальную угрозу. Понски альтернативных источников энергии, способных сделать экономику независимой от нефти и ее поставщиков, не ускорились. Мы всегда уступали и продолжаем уступать натиску лжеэкологистов, требующих отказа от использования ядерной энергии и от атомных электростанций, хотя для этого не существует рационально обоснованных причин. Пришло время совершить такой рывок в использовании альтернативных источников энергии, который позволит сказать производителям и продавцам нефти, что их диктатура приближается к концу. Пришло время заявить, что антиглобализм не имеет ничего общего с современным уровнем знаний о факторах, стимулирующих или тормозящих общественное и экономическое развитие. Антиглобализм антиэффективен и глубоко противоречит интересам всего человечества, не только богатых стран. Антиглобалисты не предлагают никаких конструктивных решений — это просто переодетое в новый наряд левачество, традиционно занятое проблемами распределения, а не создания общественного продукта.

Пришло время также сказать, что антиглобализм на руку тем, кто хотел бы отодвинуть мир назад, отдав его на произвол фанатиков и тоталитаристов всяческих мастей. Ближайшие годы не будут эпохой гнилых компромиссов, обходных путей и смягчения острых углов. Началась борьба за облик мира XXI века, борьба, в которой мы должны стать на сторону свободы, а не тоталитаризма, пусть даже одетого в самый прекрасный наряд. Полякам, которых столько раз топтали за стремление к свободе, эта борьба должна быть особенно по сердцу.

wprost

Лешек Бальцерович

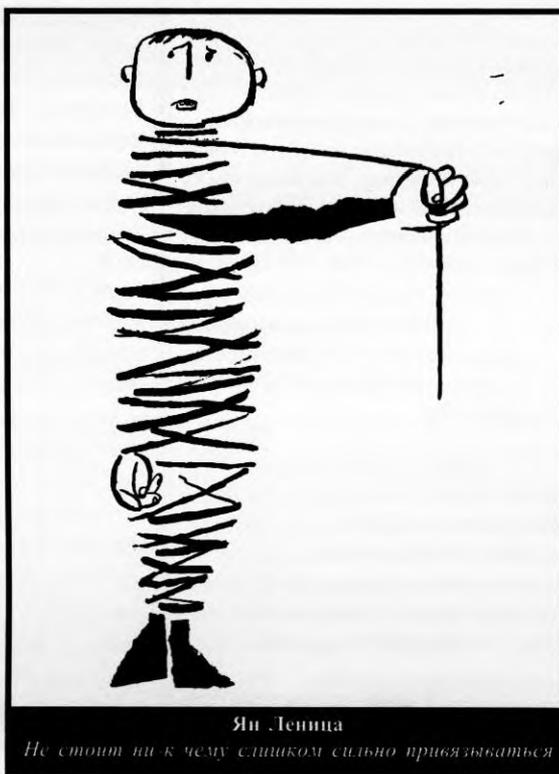
ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ

События в Нью-Йорке и Вашингтоне стали человеческой трагедией, но они не означают драмы для американской и, следовательно, мировой экономики. Экономика США опирается на прочный и мощный фундамент. Среди всех крупных государств мира эта страна стоит ближе всего к модели свободного рынка и разумно ограниченного государства, в ней больше всего гибких рынков, сильнее всего ограничено бюджетное перераспределение доходов, сравнительно низок общий уровень налогов, хорошо работает правовая система. Это составляет основу таких американских достижений в экономике, как инновационность, высокая степень занятости населения, низкий уровень безработицы. Для многих правительств, цель которых — развивать свои страны, а не просто удержаться у власти, эта американская модель составляет образец. Открыто признаются в этом (особенно подчеркивая необходимость создания благоприятных условий для частной инициативы), например, лидеры английских лейбористов, чья партия традиционно считается левой.

Разумеется, еще до трагических взрывов американская экономика начала явно терять темп. Это не должно удивлять: рыночная экономика подвержена циклическим колебаниям (конъюнктурный цикл), и я не думаю, что в обозримом будущем удастся их избежать (социалистическая экономика — хотя и по совершенно иным причинам — была еще более склонна к перебоям и колебаниям). Удивлять скорее должно то, что Америка так долго — целых десять лет! — переживала фазу экономического роста. Последствия терактов могут (хотя и не должны) на какой-то срок отодвинуть обретение Соединенными Штатами былой динамики и вызвать иные осложнения, например, временный рост мировых цен на нефть. Таким образом, и наша экономика может оказаться в более сложной ситуации, чем это предполагалось по предварительным прогнозам.

Что это означает для Польши, если рассматривать ее как активный субъект, а не как пассивный объект внешних воздействий? Это означает, что всё, до сих пор необходимое для нашего развития, станет еще более необходимым, а всё, до сих пор приносившее нашему развитию вред, может принести еще больше вреда.

Требующиеся меры нужно ввести в действие и ускорить, а вредные воздействия затормозить и остановить. Экономические механизмы в нескольких ключевых секторах следует решительно улучшить: невозможно и далее приносить экономику в жертву политической борьбе.

НОВЫЙ МИНИСТР ФИНАНСОВ МАРЕК БЕЛЬКА ЗАЩИЩАЕТ БАЛЬЦЕРОВИЧА

*(Фрагмент интервью, данного
3-й программе Польского радио)*

— Как вы считаете, нужно ли в настоящее время изменять закон о Польском национальном банке, с тем чтобы ограничить независимость центрального банка и Совета финансовой политики?

— Не нужно. Сегодня все крики и шум с разных сторон о том, что «Бальцерович должен уйти», — это своеобразный символ, который означает либо требование изменить экономическую политику, направленность экономической политики, либо прямое требование изменить государственный строй.

— Однако эти крики и шум раздаются и из рядов той коалиции, в которой вам придется править?

— Верно — и это тем более опасно. Не отрицая необходимости модифицировать экономическую политику, скажу, что если мы как страна отойдем от прежнего курса реформ, то это плохо кончится. В таких обстоятельствах я не вижу места для себя.

— А если не произойдет радикального снижения процентных ставок, стоит ли трогать Совет финансовой политики и его независимость?

— Это уже не будет от меня зависеть.

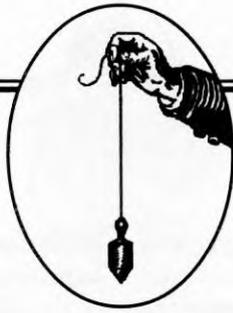
— Но как вы сами считаете?

— Я не представляю себе, чтобы успешная операция по оздоровлению государственных финансов, их успешное урегулирование не встретило положительной реакции ПНБ и Совета финансовой политики..

Если хочешь бежать против сильного ветра, нужно набраться сил. В число необходимых действий в первую очередь входит быстрое и решительное оздоровление государственных финансов — прежде всего путем системных изменений, создающих устойчивые ограничения самых больших расходных статей. Нельзя также бесконечно рассматривать (и блокировать) совершенствование трудового права и близких к нему законоположений. При нынешнем положении дел демографический скачок безжалостно ведет к росту безработицы. В первом квартале 2001 г. более 41% выпускников пополнили ряды безработных. Без гибкого трудового законодательства трудно также внедрять столь важную для современного развития компьютерную и телекоммуникационную технику, так как она требует быстрых изменений структуры занятости на предприятиях. Призывы к распространению Интернета останутся пустыми словами при жестких предписаниях Трудового кодекса. Кроме того, эти предписания подрывают государственные финансы: вместо того чтобы повышать число законных рабочих мест, которое принесло бы рост доходов от налогов, они порождают рост безработицы, а следовательно, рост бюджетных расходов на пособия.

Необходимо также быстро и умело завершить приватизацию — незаменимый способ повышения конкурентоспособности предприятий благодаря их деполитизации и привлечению в них капиталов, квалифицированных кадров и стимулов развития. Эта фундаментальная реформа тоже косвенно укрепляет государственные финансы: реформированные таким образом фирмы преодолевают трудности и, как правило, становятся все более прибыльными. А при решении самых срочных проблем доходы от приватизации, покрывая бюджетный дефицит, позволяют уменьшить эмиссию государственных ценных бумаг и, следовательно, замедлить рост внутреннего долга и связанных с этим затруднений для бюджета будущих лет. Противопоставление «бюджетной» и «внебюджетной» приватизации — совершенный абсурд: профессионально проведенная приватизация укрепляет как предприятия, так и государственные финансы. Приватизацию должен сопровождать рост конкуренции там, где ее слишком мало, например в топливно-энергетическом секторе.

Дальнейшее блокирование перечисленных мер привело бы к вредным последствиям и, более того, ухудшило бы положение в упомянутых сферах. Обнародование масштаба проблем, связанных с бюджетом, показало, что нам предстоит время испытаний. Теперь мы видим, что испытания могут быть серьезными, а успешная сдача этого экзамена — задача еще более серьезная.

Адам Ротфельд

МИР ПОСЛЕ 11-го СЕНТЯБРЯ

Атака на США месяц назад и ответная акция возмездия привели к тектоническим сдвигам в системе международной безопасности. О том, как она будет меняться, Екатерина ЛАБЕЦКАЯ спросила у Адама РОТФЕЛЬДА, польского ученого и члена Совета Национальной Безопасности Польши, директора одного из самых влиятельных мировых центров анализа безопасности и международных отношений — Стокгольмского института исследований проблем мира (СИПРИ).

— Вы согласны, что 11 сентября в международных отношениях началась новая эпоха?

— Да. До сих пор мир строился на отношениях между государствами, вся система была основана на принципах и нормах, относящихся к государствам. Государства отвечали за то, что происходит на их территориях. Теперь мы впервые сталкиваемся с крупномасштабным нападением неизвестной организации на сверхдержаву. Против существующего миропорядка выступили субъекты негосударственного характера, мощные международные криминальные структуры. Государства стали слабыми, а эти структуры — сильными.

— А смогут ли международные организации ответить на новую угрозу?

— Было бы наивно ожидать, что в нынешнем виде такие организации, как ООН или ОБСЕ, способны на эффективный ответ. Надо заново осмыслить, какого типа инструменты адекватны для ответа на новые вызовы. Во всех странах идет переосмысление способов организации

национальной и международной безопасности. На мировой шахматной доске грядут фундаментальные перемены.

— В отношениях России и Запада тоже?

— Реакция президента Путина на события 11 сентября изменила отношение к нему в США и в западном мире. Ведь международная безопасность никогда не является результатом научных дебатов, она — ответ на требования конкретного момента. Новые вызовы создали кризисную ситуацию, и то, что мы сегодня наблюдаем, может принять вид новой концепции международной безопасности, где Россия и западные страны, в том числе США, будут в одной группе, защищающей основные ценности мировой цивилизации.

— Сейчас многие говорят о конфликте цивилизаций и вспоминают американского философа Самюэля Хантингтона, утверждавшего, что будущие войны будут вести не народы и государства, а непримиримые цивилизации и религии.

— Это, на мой взгляд, не только неверно, но и очень опасно. К счастью, ни США, ни Россия, ни другие страны мира не думают, что ислам является менее миролюбивым, чем христианство. Я лично считаю, что исторически ислам, напротив, доказал свою толерантность. В Испании, например, когда там в течение многих веков был халифат. Да и на Руси во времена татарского ига русских в ислам не обращали. Опасность представляет собой даже не фундаментализм, это дело сугубо религиозное. Угроза исходит от экстремистских агрессивных течений, которые могут ридиться в разные одежды. В какой-то степени талибов можно сравнить с большевистским течением в социал-демократическом рабочем движении. И главная угроза в том, что экстремисты могут захватить власть на больших территориях и довольно долго править.

— *Какова, на ваш взгляд, цель теракта 11 сентября?*

— Расшатывание, уничтожение существующего порядка. Цель в том, чтобы граждане США, будучи неуверенными в своей безопасности, оказали давление на свое правительство и заставили его вернуться на позиции изоляционизма, устранить США с международной арены. Если бы такое произошло, исламские экстремисты и в других мусульманских странах достигли бы того же, чего добились в Афганистане, превратив эту страну в пристанище террористов. Потому что правящие круги в мусульманских странах не пользуются поддержкой населения, они не получили демократической легитимности. Наоборот, широкие народные массы, влачащие жалкое существование, являются предпосылкой для такого рода свержения правящих элит в арабских странах. И в этих нищих

озлобленных массах я вижу главную угрозу для всего мира,

— *Изменится ли роль НАТО в новой системе безопасности? Ведь пока НАТО не участвует в войне.*

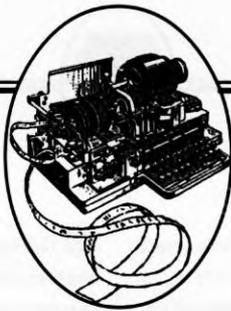
— НАТО как организация не было подготовлено к таким невероятным событиям, никто не мог предвидеть того, что случилось 11 сентября. Ведь когда создавалось НАТО, считалось, что это США предлагают Европе зонтик безопасности, что Америка будет помогать Европе, а не наоборот. Но когда на основании этого документа 12 сентября была приведена в действие процедура, связанная со статьей 5, оказалось, что Европа должна помочь США. Все страны заявили о готовности предоставить США тот объем помощи, который потребуется. Так что НАТО себя оправдало.

— *Предстоит ли пересмотр стратегии, зоны ответственности Альянса?*

— С июля 1990 года НАТО проходит очень глубокую трансформацию. Альянс стал в большей степени политической, чем военной организацией. Случившееся ускорит реформы и, безусловно, повлияет на отношения с Россией. Я не принадлежу к числу тех, кто считает, что Россия скоро вступит в НАТО, — думаю, ни Брюссель, ни Москва не готовы к таким радикальным решениям. Но Россия будет очень близко сотрудничать с НАТО. Это, с одной стороны, будет влиять на реформирование НАТО, с другой — изменит восприятие Североатлантического альянса в России. НАТО в конце концов будет не только военно-политическим альянсом, но и приобретет элементы коллективной безопасности.

Беседовала Екатерина ЛАБЕЦКАЯ

Новости на List.ru

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

● Президент Александр Квасневский поручил формирование нового правительства Лешеку Миллеру, председателю «Союза демократических левых сил» (СДЛС), победившего на выборах 23 сентября. Избирательная коалиция СДЛС с «Унией труда» (УТ) и вошедшая с ней в правительственную коалицию крестьянская партия ПСЛ постановили, что бюджетные расходы будущего года не могут превзойти 183 млрд. злотых. В проекте бюджета, оставшемся от уходящего правительства Ежи Бузека предполагалось, что они достигнут 197 миллиардов. (*«Жечпосполита», 5 октября*)

● Соглашение о коалиции, позволяющее создать правительство с опорой на большинство в Сейме, подписали председатель СДЛС Лешек Миллер, председатель УТ Марек Польш и президент ПСЛ Ярослав Калиновский. (*Польское радио, 1 программа, 9 октября*)

● Проф. Витольд М. Орловский, связанный с Независимым центром экономических исследований: «Тропинка экономической политики, по которой может двигаться правительство Лешека Миллера, драматически узка и опасна. С одной стороны, экономика находится в крайне плохом состоянии, и нет надежд на то, чтобы в короткое время произошли заметные улучшения. С другой — состояние общественных настроений еще более опасно (...) так как немалая часть общества как будто верит в чудотворные способности СДЛС. А между тем вместо чудес новому правительству придется выполнять четыре трудных экономических задачи. Во-первых, оно должно вытащить из пропасти государственные финансы. (...) Во-вторых, быстро найти способ сосуществования и сотрудничества с Польским национальным банком [ПНБ] и Советом финансовой политики. Только немедленная программа смягчения финансовой политики может компенсировать отрицательные результаты ограничения государственных расходов и помочь вывести экономику на путь быстрого роста. (...) В-третьих, правительство должно в течение года закончить переговоры с Евросоюзом. (...) А это требует немалой гибкости и готовности к уступкам на

переговорах. (...) В-четвертых, наконец, правительство не может уклониться от непопулярных, особенно среди профсоюзных активистов, реформ рынка труда. (...) Если рынок труда не пройдет либерализацию, безработица будет по-прежнему расти». (*«Ньюсуик-Польша», 14 октября*)

● Юзеф Олексы, депутат от СДЛС: «Не будет никакого покушения ни на Бальцеровича [т.е. попытки снять его с поста президента ПНБ], ни на Совет финансовой политики. СДЛС признаёт ценность независимости центрального банка». (*«Впрост», 14 октября*)

● Президент Александр Квасневский назначил первое заседание новоизбранного Сейма на 19 октября. (*«Жечпосполита», 9 октября*)

● Прокуратура варшавского Центрального района обвинила главу избирательного комитета «Самозащиты» Януша Максимиюка в фальсификации документов сельскохозяйственной компании «Полькар». (*«Газета wyborcza», 5 октября*)

● Проф. Анджей Козьминский: «Высшее образование — единственный сектор без задолженностей, сектор, где сделаны серьезные капиталовложения в материальную базу и весьма серьезно выросли законные доходы сотрудников, занимающих ключевые посты. В этом секторе предложение возросло в четыре с лишним раза по сравнению с периодом до великих преобразований, а разнородность предложения несравнима с тем, что предлагало польское высшее образование в 80-е годы. (...) Позитивным итогом последних десяти лет в этой сфере мы обязаны трем факторам: самоуправлению в государственных вузах; созданию негосударственных вузов и появлению конкуренции; разумной политике государственных властей. Общий знаменатель всего этого — внесение принципов свободного рынка в сферу высшего образования». (*«Жечпосполита», 27 сентября*)

● До 15 ноября студенты могут обращаться с просьбами о предоставлении кредита в Фонд студенческих займов и кредитов. Кредит дается на период до шести лет и выплачивается в виде ежемесячной стипендии.

Размер кредитной стипендии в прошлом учебном году составил около 400 злотых. Банк приостанавливает выплату стипендий, если студенту не зачтен учебный семестр, и возобновляет после сдачи незачтенных предметов. Возврат кредита начинается после окончания обучения и продолжается по крайней мере в два раза дольше, чем период получения кредита. Ежемесячная кредитная стипендия не может превосходить 20% месячных доходов получателя кредита. За последние три года кредитами воспользовались около 150 тыс. студентов. (*«Ньюсуик-Польша», 30 сентября*)

● Рышард Бонда, ныне депутат от «Самозащиты», обвиняется в том, что незаконно получил почти 400 тыс. зл. государственных дотаций на скупку зерна. Следствие по его делу ведут районная прокуратура в Голенёве и окружная прокуратура в Щецине. (*«Газета wyborча», 4 октября*)

● Окружной суд в Эльблонге отменил постановление об аресте Дануты Хоярской по обвинению в незаконном получении и невыплате банковского кредита в сумме 200 тыс. зл. Исполнение постановления было приостановлено, так как Хоярская избрана депутатом Сейма от «Самозащиты» и ее защищает парламентская неприкосновенность. (*«Жечпосполита», 2 октября*)

● Суд в Ольштыне отложил на неопределенный срок судебное слушание дела четырех членов «Самозащиты», так как двое из них, избранные депутатами Сейма, не согласились отказаться от парламентской неприкосновенности. (*«Жечпосполита», 9 октября*)

● По опросу ЦИОМа, 51% поляков — за отмену парламентской неприкосновенности. (*«Ньюсуик-Польша», 14 октября*)

● По опросу «Ньюсуика», 55% поляков считают «Самозащиту» угрозой польской демократии. Противоположного мнения — 33% опрошенных. (*«Ньюсуик-Польша», 14 октября*)

● По опросу ЦИОМа, общественное доверие к политикам в сентябре составляло: Александр Квасневский — 79%, Яцек Куронь — 65%, Лех Качинский — 57%, Ярослав Калиновский и Лешек Миллер — по 49%, Анджей Олеховский — 47%, Анджей Леппер — 45%, Владислав Бартошевский и Ян Ольшевский — по 37%, Бронислав Геремек — 36%. Ежи Бузек с 30% занял 13-е место, а Лешек Бальцеревич с 20% — 18-е. (*«Газета wyborча», 4 октября*)

● В опросе, проведенном Лабораторией социальных исследований (ЛСИ), первое место среди потенциальных кандидатов на будущих президентских выборах заняла Иоланта Квасневская, жена нынешнего президента, — 30% поддержки. Далее следуют: Лешек Миллер — 14%, Анджей Олеховский — 12%, Анджей Леппер — 10%. (*«Жечпосполита», 8 октября*)

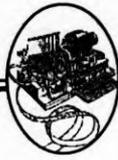
● Фонд Бертельсмана, награждающий людей и дела, помогающие решать важные проблемы современного мира и способные служить примером, присудил свои премии за этот год Тадеушу Мазовецкому, первому премьер-министру свободной Польши, за то, что он сумел предотвратить раскол общества; Лешеку Бальцеревичу — за закладку устойчивого фундамента под экономическое развитие Польши; Адаму Михнику — за вклад в развитие гражданского общества. (*«Газета wyborча», 12 сентября*)

● Бронислав Геремек, председатель УС, объявил, что на съезде Унии уйдет с поста председателя в связи с проигранными парламентскими выборами. УС осталась вне парламента, получив 3,1% голосов, что не позволило преодолеть 5-процентный порог, установленный для политических партий. (*«Жечпосполита», 1 октября*)

● Премьер-министр Ежи Бузек, председатель ИДС, ушел со своего поста в ИДС, после того как партия проиграла парламентские выборы. «Я отказываюсь от руководства партией, так она потерпела глубочайшее поражение, — сказал он. — Лидер должен уметь делать выводы». (*«Жечпосполита», 28 сентября*)

● Министерство охраны окружающей среды не выпустило вовремя распоряжение со списком охраняемых животных и растений. Это значит, что впервые за 130 лет такие виды, как, например, зубр, рысь, орлан-белохвост, не подлежат охране. (*«Ты-годник повсехный», 16 октября*)

● Министр охраны окружающей среды отправил в отставку директора Татранского национального парка Войцеха Бырцына, возглавлявшего заповедник 11 лет. Экологические организации и организации охраны природы опротестовали это решение. Считается, что Бырцын пал жертвой заговора инвесторов и органов местного самоуправления, стремящихся вести строительство на части территории заповедника. «Я боюсь за заповедник, — сказал Войцех Бырцын. — Теперь боюсь еще больше. Боюсь, потому что за жадной разрушить его стоят большие деньги». (*«Жечпосполита», «Газета wyborча», 11 сентября*)

● Единственной виной Бырцына было сопротивление строительству новых спортивных объектов на территории Татранского национального парка и передачи многих участков парка Товариществу бывших владельцев. Решение об отставке было принято вопреки протестам Ученого совета заповедника, Государственного совета охраны природы, комиссии Сейма по охране природы и экологических организаций — притом за несколько дней до парламентских выборов, т.е. предстоявшего ухода министра. (*«Тыгодник повшехний»*, 30 сентября)

● Войцех Гонсеница-Бырцын, бывший директор Татранского национального парка, получил премию словацкого экологического фонда «Зеленая надежда» «за деятельность по охране лесов словацко-польско-чешского биорегиона». (*«Газета wyborcza»*, 5 октября)

● «Я человек сентиментальный, привязанный к ценностям, какие несла с собой первая «Солидарность». Поэтому мне не слишком нравится то, что СДЛС после выборов захватит практически всё. Но я стараюсь смотреть на мир реально. Я знаю, что правительство Лешека Миллера будет лучше, компетентнее, чем правительство Ежи Бузека. Впрочем, правду говоря, это и нетрудно». (*Анджей Павляк «Ньюсуик-Польша»*, 16 сентября)

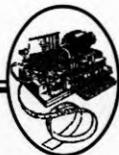
● Проф. Зита Гилевская, зав. кафедрой государственных финансов Люблинского католического университета: «Политики в Польше предпочитали не оглашать того, что специалисты давно знают: что финансовый дефицит нарастал практически с самого начала преобразований. (...) Представители разных течений стремились с помощью государственных финансов выполнить обещания предыдущего строя, глубоко запавшие нам в память. (...) Результат таков, что в прошлом году на широко понимаемые социальные задачи государства мы истратили половину всех централизованно получаемых государственных доходов — почти 20% ВВП. (...) Такой доли не встречается ни в одной стране с нормальной экономикой. Эта политика должна была кончиться, и система рухнула. (...) Расслабление финансовой политики государства началось еще в середине 1990 года. Затем оно обострилось в результате активной деятельности Яцека Куроня, который, будучи министром, весьма положительно закрепился в сознании людей как человек, который к каждому нуждающемуся склоняется с отцовской заботой. Затем (...) коалиция СДЛС и ПСЛ интенсивно выводила деньги из бюджета (...) коалиция ИДС и УС постановила вернуться к обещаниям, которые давал социализм и которые — это нужно четко

сказать — были записаны в части пунктов Гданьского соглашения [августа 1980-го]. Необходима полная гласность. (...) Только после того, как будут продемонстрированы сведения, полученные достойными доверия аудиторскими службами, можно будет сказать: «Дорогие соотечественники, в 2000 г. мы истратили на социальные цели 135 млрд. злотых. А на выполнение основных функций государства, включая органы правосудия, национальную оборону и охрану общественного порядка, — меньше 30 миллиардов. На поддержку же процессов развития — меньше десяти. Нравится ли вам такая система? Сразу все проедем, а наши юристы будут выплачивать наши долги». (...) Даже мои коллеги из «Гражданской платформы» иногда предостерегают меня: «Ты не должна так говорить — это никому не понравится». Люди! Сколько еще времени мы будем прятать голову в песок?» (*«Жечпосполита»*, 5 октября)

● Отказ президента подписать некоторые законы даст госбюджету экономию в 5,3 млрд. злотых. (*«Жечпосполита»*, 20 сентября)

● На 100% поляков, платящих подоходный налог, 94% принадлежат к категории с самыми низкими доходами; 4,9% — к категории средне зарабатывающих; 1,32% — к категории с самыми высокими доходами. Однако налоговые поступления в бюджет составляют 52,3% с наименее зарабатывающих, 15,8% — со средне зарабатывающих и 31,9% — с лиц с самыми высокими заработками.

● «Экс-коммунисты попадают в ту же западню, в которой погибли политики родом из «Солидарности». (...) С одной стороны, те, кто правил, строили капитализм, зная, что только свободный рынок может обеспечить государству развитие, с другой — они сами не скрывали, что искренне его ненавидят, ибо это безнравственный и несправедливый строй. (...) Благо Польши, по-видимому, интересовало лишь узкую группу юридивых, заботившихся о макроэкономических основах государственного бытия. Они занимались этим все более и более против воли большинства, подстрекаемого, одураемого и разлагаемого политиками, руководствующимися исключительно интересами своих партий, партнеч и кругов, обеспечивавших им поддержку. «Избирательному действию Солидарность» удалось перешеголять экс-коммунистов в социальной демагогии, но, как видим, ненадолго. Да только на этот раз экс-коммунисты возвращаются к пустой и дырявой кассе, а на спину им неожиданно уселся Леппер, такой же щедрый на обещания, как товарищ Ленин. Если поляки

жаждут пустых обещаний, Лепперу остается только подождать. Власть сама упадет к нему в руки». (Рафал А. Земкевич, «Жечпосполита», 6-7 октября)

● Поляки не ждут улучшения экономического положения в ближайшие годы и не соглашаются терпеть ограничения, которые могли бы привести к этому улучшению. По опросу «Пентора», такое согласие выражают лишь 26% населения. («Жечпосполита», 29-30 сентября)

● По данным Института исследований рыночной экономики, только 3-4% взрослых поляков — люди предприимчивые, инициативные, справляющиеся со своими делами без государственной помощи и прямо выступающие против таковой. А 78% ждут поддержки, считая, что в трудных обстоятельствах сами не справятся. («Впрост», 23 сентября)

● Читатель рассказывает в письме в редакцию следующую историю. Понедельник, 27 августа, полдень. В здании на Оссовской улице в Лодзи вырубил электричество. Сотрудники почты, кооперативного магазина «Сполем» и аптеки вывесили листки бумаги с надписями: «Закрыто из-за отключения тока». Но частный хозяйственный магазин работал. Я спросил хозяина: «А у вас что, электричество включено?» — «Нет, — ответил хозяин. — Но я подключил налоговую кассу к аккумулятору и могу продолжать работать». Вот превосходство мышления «по Бальцеровичу». («Жечпосполита», 10 сентября)

● Польша — с одной стороны, страна, где зарегистрировано свыше 2 млн. предпринимателей, где свыше 5 млн. человек пользуются Интернетом, откуда сотни тысяч граждан каждый год ездят в отпуск и на каникулы за границу. А с другой — несмотря на то, что свободный рынок создал 6 млн. новых рабочих мест, свыше 3 млн. человек лишены работы. К этому числу нужно прибавить скрытую безработицу в сельских местностях. Таким образом, 6-7 млн. человек живут за пределами свободного рынка. Значительная часть людей, отброшенных свободным рынком, даже не проявляет желания сделать усилие, чтобы улучшить свою судьбу: каждый год 800 тыс. безработных отвергают предлагаемую им работу. Вдобавок 76% поляков неспособны понять информацию, содержащуюся в таких текстах, как расписание поездов или прогноз погоды. С этими людьми на их языке говорят такие политики, как Анджей Леппер. А мир им объясняет «Радио Мария» и стоящие на его стороне священники, поддерживающие «Лигу польских семей». («Впрост», 30 сентября)

● Польша расходует на науку в 3 раза меньше, чем Чехия, и в 6,5 раз меньше, чем в среднем по Евросоюзу. С точки зрения числа научных публикаций Польша в 1981 г. занимала 12-е место в мире, а теперь занимает 25-е.

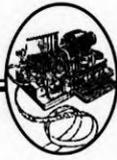
● Из 400 тыс. молодых людей, окончивших в этом году средние и высшие учебные заведения, сто тысяч — безработные. Седьмая часть безработных выпускников — выпускники вузов. («Жечпосполита», 5 октября)

● Анджей Садовский, вице-президент Центра им. Адама Смита: «Настоящий источник безработицы в Польше — в том, что по системным соображениям ограничен спрос на труд. Затраты на оплату труда, которые в течение всех 90-х росли, резко повысились с момента введения пенсионной реформы; с тех пор затраты на оплату труда выросли с примерно 50 до 90% чистой зарплаты. Это неизбежно привело к снижению спроса на труд. (...) Статистический поляк работает на налоги почти полгода». («Жечпосполита», 28 сентября)

● 15 сентября предприятие по добыче и переработке серы «Сяркополь» в Тарнобжеге решением министра финансов поставлено в состояние ликвидации. Польские запасы серы, по оценкам, составляют 40% мировых запасов. Причиной кризиса серной промышленности во всем мире было изменение предписаний, относящихся к охране окружающей среды. Новые предписания заставили производителей горючего производить очистку нефти и природного газа, в процессе которой получают чистую и дешевую серу, а добыча серы в рудниках стала пережитком. («Жечпосполита», 17 сентября)

● По оценке Верховной контрольной палаты, хотя за четыре года в Польше построено 2150 очистительных сооружений для сточных вод, уровень загрязнения польских рек не снизился. Польша не соблюдает многих важных положений Хельсинкской конвенции об охране вод Балтийского моря. («Жечпосполита», 20 сентября)

● Уникальный общественный туалет в польской столице будет открыт в декабре в Уздовском парке. Он будет полностью компьютеризован, приспособлен для пользования инвалидов, снабжен инструкцией пользования, отпечатанной также азбукой Брайля; полы в туалете будут оснащены самоочищающимся и не позволяющим поскользнуться покрытием; будут установлены автоматически очищающиеся унитазы, а стены — облицованы плиткой, непригодной для граффити. («Газета wyborcza», 21 сентября)

● В Варшаве создано Бюро по вопросам космического пространства. «Теперь, — сказал проф. Януш Зелинский, — мы начинаем высший этап развития хозяйственной и промышленной деятельности, связанной с космосом. Поэтому нужно учреждение, формирующее космическую политику государства». (*«Газета wyborча»*, 28 сентября)

● Поляки, признанные погибшими в результате террористического авианалета на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке: Мария Якубяк, 41 год, мать двоих детей, работала на 98 этаже; Норберт Шурковский; Лукаш Милевский, 21 год, работал на 101 этаже; Ян Мацеевский, 37 лет, в момент тарана находился на 106 или 107 этаже; Дорота Капезко, 26 лет, работала на 100 этаже (*«Газета wyborча»*, 15-16 сентября; *«Жечпосполита»*, 19 и 21 сентября)

● Мечеть в Гданьске, после того как неизвестные забросали ее камнями, находится под круглосуточной полицейской охраной. Архиепископ Тадеуш Гоцловский, митрополит Гданьский, обратился с призывом: «Я умоляю людей задуматься, ибо камни, брошенные в мечеть, оскорбляют наших польских мусульман». (*«Жечпосполита»*, 18 сентября)

● По опросу ЦИОМа, 71% поляков считают, что Польша должна участвовать в военных действиях НАТО против террористов, 12% придерживаются противоположного мнения. (*«Газета wyborча»*, 19 сентября)

● Мусульманский религиозный союз в Польше осудил террористические акты 11 сентября и поддержал позицию польских властей. (*«Газета wyborча»*, 21 сентября)

● Объединение мусульманских студентов в Польше осудило теракты 11 сентября, одновременно призвав «не связывать эти акты террора с исповедниками ислама», ибо Коран запрещает убивать невиновных. (*«Жечпосполита»*, 21 сентября)

● Сейм единогласно принял резолюцию, в которой заверил в готовности Польши выполнить союзнические обязательства, вытекающие из ее членства в НАТО, после террористического нападения на США. (*«Жечпосполита»*, 19 сентября)

● Президент Александр Квасневский в специальном выступлении после начала военных действий против террористов в Афганистане заявил: «Мы окажем всяческую возможную помощь нашим партнерам в этот трудный для них момент. Это следует не только из обязательств Польши как члена НА-

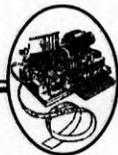
ТО, но и из нашего чувства международной солидарности». Как продолжающий исполнять свои обязанности премьер-министр Ежи Бузек, так и назначенный на этот пост Лешек Миллер тоже выразили поддержку американской операции. (*«Жечпосполита»*, 8 октября)

● Восемь солдат польского спецподразделения ГРОМ переброшены двумя группами по четыре десантника в место сосредоточения американских сил. Вероятно, сейчас они находятся либо в Саудовской Аравии, либо в Узбекистане. Служить они будут под американским командованием. Приказа о выезде ждет 200 военнослужащих ГРОМа. Командир подразделения полковник Роман Полько отказался давать какие бы то ни было ответы на вопросы журналистов. (*«Ньюсуик-Польша»*, 14 октября)

● «Все специалисты согласны, что биологическая террористическая атака наступит, — говорит проф. Кшиштоф Хомичевский из Военного института гигиены и эпидемиологии в Варшаве. — Вопрос лишь в том, когда, где и в каком масштабе». Главный санитарный инспектор Павел Поличкевич заверил, что службы, отвечающие за санитарную безопасность страны, усилили свою деятельность. Однако, по оценке проф. Михала Бартоше из Военного института гигиены и эпидемиологии в Пулавах, на противодействие биотеррористической угрозе у нас слишком мало средств, и мы не готовы к бедствию такого размаха. (*«Газета wyborча»*, 28 сентября)

● Станиславу Лему, самому популярному в мире польскому писателю, исполнилось 80 лет. Благодаря точности многих его прогнозов он стал тем мыслителем, ко взглядам которого относятся с большим интересом во всем мире. Свой день рождения он отмечал на следующий день после трагических событий 11 сентября в США. Писатель может испытывать горькое удовлетворение, так как действительность в очередной раз подтвердила, что он был прав, скептически оценивая направление, в котором движется цивилизация. (*«Впрост»*, 23 сентября)

● Проф. Януш Кохановский из Института уголовного права при Варшавском университете: «На протяжении десяти лет число преступлений, совершаемых в Польше, выросло как в абсолютных цифрах, так и пересчете на душу населения почти вдвое, а если сравнить с данными начиная с 1970 г., то почти втрое. Рост преступности — симптом исчезновения или распада социального капитала. Социальный капитал, т.е. комплекс определенных элементарных ценностей, таких, как честность и

правдивость, соблюдение обязательств и данного слова, взаимность в отношениях с другими людьми и память о своих обязанностях, — основа существования любой социальной группы. В экономических отношениях его значение сравнимо с экономическим и человеческим капиталом, а может быть, и важнее: если этого капитала не останется, то человеческий и финансовый капитал тоже подвергнутся распаду. (...) Все указывает на то, что в Польше происходит резкое падение запасов социального капитала или же исторически обусловленный большой его недостаток. (...) Упадок социального капитала — это и результат сознательной деятельности предшествующей системы: атомизации личности и ослабления межчеловеческих связей». (*«Жечпосполита», 9 октября*)

● В начале года в тюрьмах находилось 56 765 человек. В сентябре это число составило 80 071, на 18% превзойдя суммарную вместимость следственных и крытых тюрем. (*«Жечпосполита», 4 октября*)

● По опросу ЦИОМа, 72% поляков выступают за смертную казнь, против — 32%. (*«Ньюсуик-Польша», 14 октября*)

● По опросам ЛСИ, 53,9% поляков положительно оценивают работу полиции, отрицательно — 36,1%. В 1999 г. хорошую оценку поставили 30% опрошенных, а плохую — почти 54%. (*«Газета wyborча», 27 сентября*)

● Польша принята в полицейское объединение Евросоюза — Европол. В состав Европола входят полиция, погранохрана, таможенные и финансовые службы. (*«Газета wyborча», 4 октября*)

● Апелляционный суд первой инстанции признал судью Роберта Пелевича виновным в люстрационной лжи: он утаил, что в 80-е годы, будучи студентом, он был секретным сотрудником госбезопасности. Если суд второй инстанции оставит приговор в силе, судье придется отказаться от своей профессии, и на протяжении 10 лет он не сможет занимать важных государственных должностей. (*«Жечпосполита», 28 сентября*)

● Европейский суд прав человека в Страсбурге обязал польское правительство выплатить двум лицам возмещение общей суммой 40 тыс. злотых за судебную волокиту. (*«Жечпосполита», 5 октября*)

● Министерство финансов одобрило контракты государственной компании «Польская нефте- и газодобывающая промышленность» на поставки газа из Нор-

вегии. Благодаря контрактам на поставки газа из Норвегии и Дании «Газпром» потерял свое монополистическое положение в поставках газа в Польшу. (*«Газета wyborча», 29-30 сентября*)

● На встрече премьер-министров государств Выхеградской группы Виктор Орбан и Микулаш Дзуринда заявили, что их страны, Венгрия и Словакия, заинтересованы закупками норвежского газа у Польши. Ранее аналогичное заявление сделала и Литва. (*«Впрост», 23 сентября*)

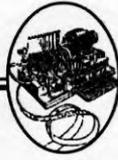
● В десятую годовщину установления польско-литовских дипломатических отношений президент Литвы Валдас Адамкус наградил орденом великого князя Гедиминаса 17 поляков, в том числе Тадеуша Мазовецкого, главу первого некоммунистического правительства в Польше (1989-1990). (*«Тыгодник повшихний», 16 сентября*)

● Во всей Польше отмечали 62-ю годовщину нападения СССР на Польшу 17 сентября 1939 года. Перед варшавским памятником тем, кто погиб и убит на востоке, честь их памяти воздал премьер-министр Ежи Бузек. (*«Газета wyborча» и «Жечпосполита», 18 сентября*)

● Список 3435 поляков, арестованных и расстрелянных на Украине органами НКВД после вторжения Красной армии в 1939 г., передал президент Института национальной памяти (ИНП) Леон Керес председателю Совета охраны памяти борьбы и мученичества проф. Владиславу Бартошевскому. Полное их число, по мнению историков, превышает 7300, но пока установлены судьбы лишь примерно половины жертв. (*«Газета wyborча», 5 октября*)

● Как установили прокуроры из ИНП, массовые могилы в Быковне под Киевом содержат останки нескольких тысяч поляков, расстрелянных НКВД. Эти могилы были открыты весной 1989 года. Первые сведения в Главную комиссию по расследованию преступлений против польского народа передал в 1991 г. украинский журналист. Как сказал проф. Витольд Кулеша, начальник следственного отдела ИПН, если бы не он и не добрая воля Украины, возможно, до сих пор считались бы верными слова офицера КГБ, утверждавшего, что «не было там никаких поляков». (*«Жечпосполита», 5 октября*)

● «Интересы России и Запада все более сближаются (...) Вопрос: станет ли Россия нашим союзником в НА-

ТО и если станет, то когда? (...) Ни у кого нет заблуждений насчет того, что в таком случае это будет совсем другой союз, что он будет скорее политической, чем военной организацией, вдобавок с весьма ослабленным положением в ней США. Это также доказательство того, как сильно и быстро меняется мир вокруг нас, в том числе и сама Россия. Она уже не та, что была вчера. Плохо было бы, если бы в Польше — интересующейся только своими делами, занятой склеиванием более или менее экзотических [правительственных] коалиций, а также ведущей внутренние споры, словно в глухой деревне, о вещах, непонятных остальному миру, — прозвали этот момент» (*Славомир Поповский из Москвы, «Жечпосполита», 4 октября*)

● В Люблине открыта Европейская коллегия польских и украинских университетов. В ее создании принимали участие Университет им. Мари Кюри-Склодовской в Люблине, Люблинский католический университет, Институт Центральной и Восточной Европы при Киевском университете им. Тараса Шевченко, Львовский университет им. Ивана Франко и Киево-Могилянская академия. Учебу в коллегии начнут 106 аспирантов, в основном с Украины. В будущем коллегия будет преобразована в самостоятельный Польско-украинский университет. (*«Жечпосполита», 3 и 8 октября*)

● Главный административный суд признал обоснованными требования лемков, потерпевших ущерб во время этнической чистки на юго-восточных землях Польши в 1947 г., отменив решение о произведенной тогда конфискации земли Марии Гладк, выселенной из деревни Кунковой. С апреля по август 1947 г. из родных мест были выселены 33 154 семьи, всего 140 660 человек. Целью выселения было лишить Украинскую повстанческую армию ее тылов. В настоящее время ведется 230 судебных дел по жалобам, поданным потомками выселенных лемков. В целом, как утверждает Стефан Гладк, предвидится около 10 тыс. аналогичных жалоб. (*«Жечпосполита», 2 октября*)

● 29 октября 1937 г. в Куропатах под Минском НКВД начало ликвидировать «врагов народа». Одним из первых расстреляли Бронислава Тарашкевича — белорусского деятеля, создателя первой современной грамматики белорусского языка, де-

путата польского Сейма. В Польше Тарашкевича, заподозренного в коммунистических симпатиях, арестовали, а затем обменяли на белорусского драматурга Францишека Алехновича, отправленного в советский лагерь как «польского шпиона». (*«Газета wyborча», 4 октября*)

● Фрагменты интервью с Сократом Яновичем, белорусским писателем, живущим в Польше: «Белорусская культура новейшего времени родилась из польской культуры. Современные белорусы — это в каком-то смысле «народ из народа». (...) Мы — «белорусы из поляков». (...) Русские даже сегодня воспринимают белорусскую культуру как какое-то ответвление польской, и по складу ума она им чужда. Белорусы существуют между молотом и наковальней. Для русских мы агенты полячишек, а для поляков — москалей. И попробуй тут быть мудрым и поступать так, чтобы наши хаты не спалили (...) Я бы хотел видеть современного белоруса в городе. И чтобы он не склонял голову перед поляком. Он ведь этого поляка боится. В Белостоке есть два прихода. Поляк — это католик, а белорус — не всегда: часто он православный. И эти два прихода взаимонепроницаемы. Это даже трудно объяснить, это надо испытать, в этом надо жить. Рассказни об экуменизме — это красивая сказка». (*«Нове ксёнжски», 2001, №9*)

● В Кельце открыт экуменический храм. В первом богослужении участвовали представители девяти христианских Церквей. Единственный символ в храме — помещенный в его центре иерусалимский крест, признаваемый всеми христианскими вероисповеданиями. (*«Газета wyborча», 10 сентября*)

● Свящ. Станислав Мусял, иезуит: «Всякая тварь получила жизнь от Бога и не осуждена на крепостную зависимость от других. Таким, как мне кажется, будет богословие XXI века. Христианство будет вынуждено изменить свое отношение к животным. (...) Этому меня научила [кошка] Кассиопея. И я ей за это благодарен».

● В первое воскресенье после 4 октября (день памяти св. Франциска Ассизского) на кладбище животных в Конике-Новом (цена места — 200 зл.) собираются люди у могил дорогих им существ, похороненных там. Эта традиция насчитывает десять лет. (*«Ньюсуик-Польша», 14 октября*)

Александр Вирпша

РЕШИТЕЛЬНАЯ ЛИНИЯ

Иногда говорят, что творчество того или иного художника остается верным какой-то «линии», держит свою «линию». Именно так можно определить сделанное Яном Леницей (1928-2001) — живописцем, автором мультфильмов, графиком, плакати-стом. Если мы попытаемся опреде-лить эту «линию», то окажется, что это пограничная линия. Как пи-сал сам Леница в 1976 г.: «Я все-гда любил находиться на окраи-не, на границе видов искусства, проникать на территории, лежа-щие вдалеке от широких путей, не выставляющие своего достоинства. Мне было забавно действовать во-преки правилам, принятым в той или иной области, смазывать гра-ницы, прививать благородные свойства к низким жанрам, одним

словом — исподтишка заниматься диверсией. Меня всегда влекло к формам, по-своему за-урядным, презираемым теми, кто правит на верхних этажах».

В этом высказывании сразу обращают на себя внимание такие противопоставления, как «высоко — низко», «заурядные формы — глав-ные пути». Однако «окраина» Леницы — от-нюдь не окраина. А если и окраина, то способ-ная стать центром. Впрочем, уже из этих его слов видно, что все новинки того, что сегодня получило название «постмодернизма», пре-красно существовали еще в середине восьмо-го десятилетия минувшего века. Они прекрас-но существовали и раньше, когда сразу после того, как в Польше окончился, по счастью, краткий период соцреалистического зажима, произошло настоящее извержение художест-венной фантазии, результатом которого стала

известная и высоко ценимая «поль-ская школа плаката». Леница — несомненно, один из самых видных представителей этой школы.

Именно работа на границе, занятия нередко презираемым «прикладным искусством» (пла-каты, эскизы почтовых марок, книжные иллюстрации, са-тирические рисунки, т.е. все, что имело определен-ное «назначение») стали для него вызовом, но в то же время и вызовом, который он бросал дру-гим, тем, кто замкнулся в «хра-ме искусства». Не потому он бро-сал свой вызов, что презирал оный «храм» — наоборот, для него это была важная и серьезная точ-

ка отсчета, — а потому что не соглашался на ограничение творческих сил человека и искал, скажем словами Милоша, «более вместительную форму».

Пограничная линия — это одновременно и линия перехода границы, выхода в неизвестное пространство. Это линия развития. Описывая эволюцию своего искусства плаката, Леница писал: «Раньше я работал стихийно. Часто замысел приходил мне в голову уже во время сеанса (...). Теперь мне нередко требовались целые недели, чтобы найти соответствующее решение, визуальную метафору, отражающую содержание, смысл фильма. Этот процесс был устремлен к субъективному истолкованию, иначе и быть не могло. Появился новый элемент неожиданности, очень важный для меня. Еще раньше я называл его «Verfremdungseffekt», эффект чуждости в плакате (...). Это отвечало природе плаката, усиливало эффект неожиданности, возможно, вызывало удивление или протест, тем сильнее, однако, воздействуя на сознание зрителя».

или спектакль, но и как комментарий *после* сеанса или представления. Это выход к диалогу, дверь, открытая к другим людям. Ничего удивительного, что следствием такого подхода стала сатира — к тому же весьма искусная и, как всякое произведение Леницы, немедленно узнаваемая: она не только вступает в разговор с действительностью и людьми, но и дополняет зрительный образ текстом. То же относится и к фильмам Леницы, «литературность» которых не менее существенна, чем «изобразительность».

Вся эта напряженность, возникающая на пограничной линии, — несомненно, источник художественной эффективности произведений этого художника, покинувшего Польшу в 1963 г., чтобы навсегда поселиться в тогда еще Западном Берлине. Прощаясь с ним сегодня, мы прощаемся не только с оригинальным творцом, но и с одним из авторов всемирного успеха польского «прикладного искусства».

Заметим, что такие плакаты охотно рассматриваешь не только как стимул пойти на кинофильм

Все рисунки Яна Леницы, публикуемые в этом номере, взяты из каталога, изданного варшавским Центром современного искусства в 2000 г.

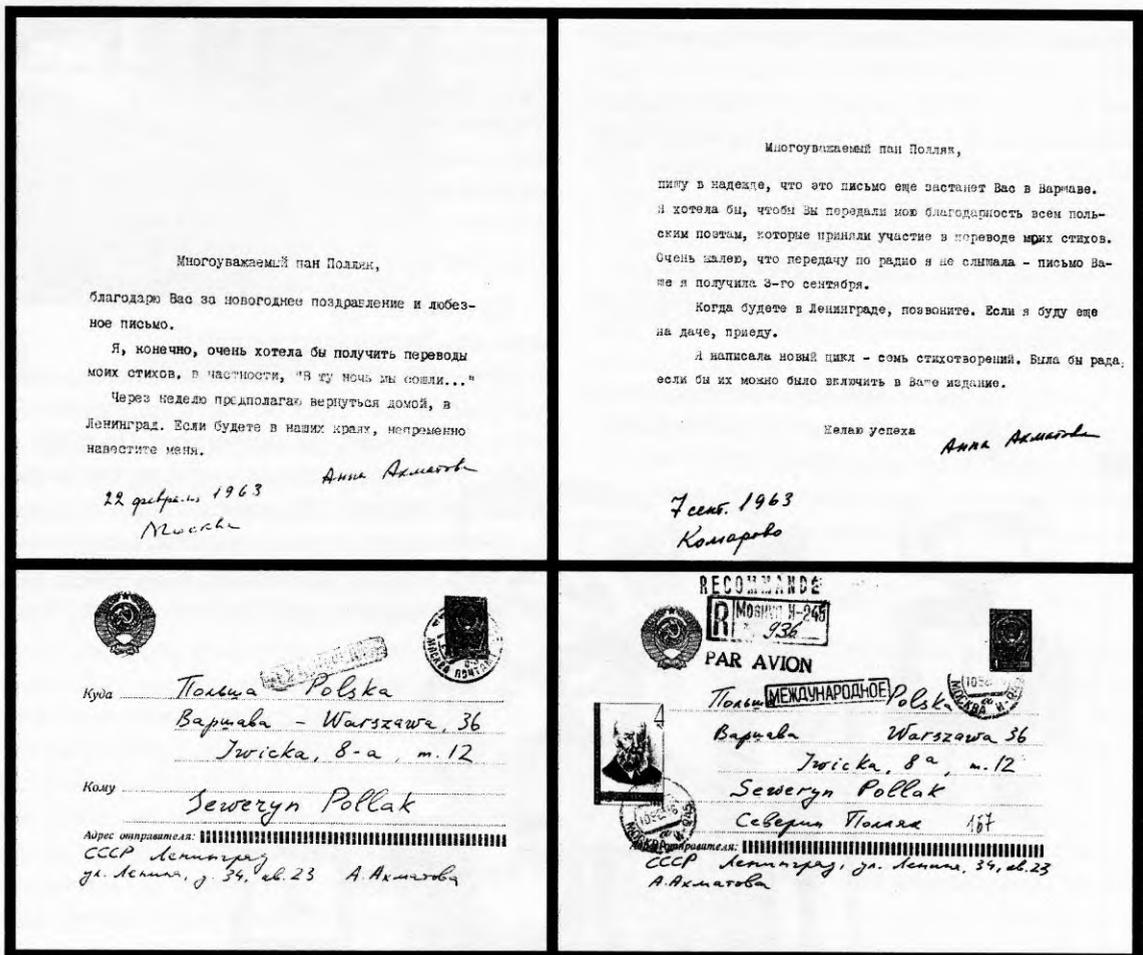

ПИСЬМА АННЫ АХМАТОВОЙ СЕВЕРИНУ ПОЛЛЯКУ

В архиве Северина Полляка, переданном в Музей литературы имени Адама Мицкевича в Варшаве, находятся два письма Анны Ахматовой 1963 года.

Оба письма поэтесса напечатала на машинке, оба снабдила разборчивой собственноручной подписью и от руки вставила даты и место.

Вот эти письма:

Анна Ахматова и Северин Полляк познакомились в апреле 1962 г. в Ленинграде. Он в то время собирал материалы об Александре Блоке и готовил к выпуску «Избранные стихотворения» Ахматовой. В книге «Серебряный век и позже» он так описал свою встречу с поэтессой:

«В довольно узкой, насколько я запомнил, комнате, где над кроватью из красного дерева висел известный сегодня по обложке ее стихотворений [«Бег времени», М., 1965] портрет поэтессы, написанный Модильяни, она стояла в черном шелковом платье, с накинутой, как обычно, на плечи прославленной «ахматовской» шалью и в золотых итальянских туфельках на босу ногу — величественная, «царственная»... Когда я заговорил о готовящемся польском издании ее стихов и спросил, есть ли у нее по этому поводу какие-то пожелания, Анна Андреевна ответила:

— Вы лучше знаете, что будет интересно польскому читателю. У меня нет никаких особых пожеланий. Мне бы только хотелось, чтобы там были три вещи: «Мелхола», «Эпиграмма» и фрагмент из «Восточной тетради»...»

В июне 1964 г. Полляк привез Ахматовой в Москву ее книгу, изданную в Варшаве Польским государственным издательством (PIW). Переводчиками большинства стихов были поэты: Анна Каменская, Анатолий Стерн, Ярослав Ивашкевич, Владзимеж Слободник и сам Северин Полляк; он же написал большую вступительную статью.

Польское избранное — точнее, сама книга, ее внешний вид — очень понравилось Анне Ахматовой. Она говорила, что это самое красивое издание ее стихов. Как вспоминал в 1966 г. Северин Полляк, Анна Андреевна внимательно просмотрела книгу, особенно оглавление, и под конец, положительно оценив отбор стихов, с удовлетворением сказала, что акценты в томе расставлены достаточно равномерно.

В 1964 г. они встретились еще три раза. В июне Полляк побывал у поэтессы в Комарово под Ленинградом, а осенью дважды встречался с ней на вокзале в Варшаве. Первый раз, когда она ехала в Рим и на Сицилию, а второй — когда возвращалась из Италии, где ей вручали премию «Этна-Таормина».

Для печати передала Веслава Кордачук

Ян Леница
Ангел

Адам Поморский

О СЕВЕРИНЕ ПОЛЛЯКЕ

(1906-1988)

Северин Полляк

Я беру слово только по мандату благодарности.

Мне повезло: на протяжении тринадцати лет, до самой смерти Северина Пóлляка, я был его учеником. Не первым и не последним: за пятьдесят лет творческой работы он вырастил целое поколение русистов — зачастую таких выдающихся ученых, как Кристина Поморская-Якобсон или Анжей Дравич. Его советами неоднократно пользовались многие молодые переводчики и поэты, вплоть до самого младшего — Збигнева Дмитроцы. Роль мэтра доставляла ему удовольствие, но было здесь и нечто большее — глубочайшая убежденность в преемственности культуры, в необходимости передавать и накапливать опыт в едином для всех поколений наследии.

Я познакомился с паном Северином в 1974 г. на семинаре для начинающих переводчиков, организованном редакцией «Литературы на свете» и секцией переводчиков тогдашнего — еще не опозоренного, как это произошло в 80-е, во время военного положения, — Союза литераторов. (Через эту студию прошли лучшие переводчики моего поколения, ныне при-

знанные мастера.) Участвовать в семинаре меня пригласил именно Полляк, познакомившись с моими опытами переводов из Бродского. (Я переводил с машинописи еще не опубликованные стихи, которые мне дал Дравич в 1972 г., сразу после вынужденной эмиграции Бродского).

Помимо занятий в группе русистов, пан Северин пригласил меня и еще двух моих коллег к себе домой на отдельные «коллоквиумы» о поэтическом переводе. Несколько лет подряд с достойным восхищения терпением и тактом хозяин разбирал с нами, а затем уже только со мной — слово за словом, строку за строкой — корявые недоделки молокососа, замахнувшегося на великих поэтов. Когда мы подружились, Полляк позволял себе посмеиваться: не уподобляюсь ли я еврейскому мальчику из известного анекдота, который, не понимая ценности редкого алмаза, недрогнувшей рукой рассек его на части. Он размахисто перекрестился, увидав мой юношеский перевод «Метели» Пастернака («В посадке, куда ни одна нога...»). Он сам, как уверял, так и не осмелился взяться за этот шедевр лирики, приводящий на память еврейские погромы декабря 1905 года. Однажды, когда ему наконец, не хватило терпения, Полляк одной фразой преподал мне урок на всю жизнь. «Пан Адам! — пропыхтел он, сдерживая раздражение, — у Мандельштама *не было времени* на такие вещи!»

Сегодня, в свои сорок с лишним лет, я с неприятным удивлением понимаю, что тот ужасающий юнец — тоже я. К тому же призрак юности не дает ясно разглядеть вспоминаемое. Непросто вспомнить другого человека на фоне собственного взросления. Записки эгоцентрика деформируют реальные отношения. Разница не в одно поколение, в целых полвека, между мной и Полляком — расстояние между эпохами, и в то же время я ощущаю, что сформировался как литератор и просто человек благодаря общению с ним. Но не буду обременять память о нем эмоциями ученика. Эта память — скорее нравственный долг.

В предисловии к своей последней книге избранных переводов из русской лирики XX в. Полляк писал о том, как в многоголосии выдающихся поэтов звучит голос их эпохи. «Голос этот Блок называл музыкой времени, и это было ощущение не только музыкальное, но и — как подчеркивал Блок — этическое».

Сам Полляк был моложе Александра Блока, одного из важнейших для него поэтов, всего на четверть века; Блок принадлежал к поколению его родителей, его отца, арестованного на Украине в 1905 г. и высленного на запад, в Царство Польское. Он приехал в Варшаву, не зная польского, — отсюда двуязычие детских лет пана Северина; кстати, первым языком, на котором он заговорил, был русский. (К слову, Северин Полляк родился в декабре 1906, а не в январе 1907 г., как его записали, чтобы уберечь от будущего царского военного призыва). Позже, в 1913 г., отец, в то время молодой художник, еще попал в Киев — корреспондентом польских газет на знаменитый процесс Бейлиса.

Естественно, что Полляк вел с этим поколением диалог, в котором проявлялся его собственный этический слух, заключенный в слухе художественном. Он рассказывал мне о своем отношении к великим русским модернистам, о которых за годы общения с их творчеством узнал так много, что создавалось впечатление личного знакомства, проникновения не только в их мысли и произведения, но и в чувства, характер эмоций (Полляк сам говорит об этом своем впечатлении в предисловии к одному из подготовленных им изданий избранных стихотворений Блока). Голос эпохи обогащался даром беседы, шедшей все столетие — до последнего поколения учеников пана Северина, свидетелей конца XX века.

Дар разговора — первое, что бросалось в глаза при близком знакомстве с ним. В ореоле личного обаяния, знаний и ума его сдержанность хорошо воспитанного человека, создающая тактичную дистанцию, неприятие пошлости, неприязнь к нарочитости и фамильярности (поэтому, например, он огорченно удивлялся форме «папочка» в устах Евгения Борисовича, немолодого сына уже двадцать лет как скончавшегося Пастернака; сам пан Северин говорил исключительно «отец») — все это соединялось с иронией, чувством юмора, тактом, но и с интересом к собеседнику и доброжелательным вниманием к его увлечениям. Помню, как в мерзкой второй половине 70-х я уводил от Полляков после многочасового визита одного из современных российских прозаиков (кстати, не пьющего), буквально шатавшегося от восторженной ошеломленности.

Отношение к людям, выражавшееся в искусстве разговаривать с ними, определяло и отношение Полляка к литературному переводу, прежде всего, как пристало поэту, переводу стихов. (Он, разумеется, огорчался, что в восприятии окружающих переводчик заслонил в нем поэта, каковым он сам себя считал, — такое случается нередко). Возможность завязать разговор устанавливала границу, за которой перевод был невозможен. Главные условия перевода и разговора были одни и те же: хороший вкус (а Полляк обладал прекрасным литературным вкусом, никогда его не подводившим), восприимчивость к стилю, умение ощутить стиль и содержание чужих слов. Он писал в уже цитированном предисловии:

«Все (...) зависит от умения переводчика передать в переводе то, что в произведении важнее всего, от его способности проникнуть в чужое воображение и чужой стиль, хотя, конечно, коэффициент всевозможных языковых и психологических различий, различий таланта и времени неизбежно повлияет на форму перевода. Потому-то в этой эстафете передачи чужого материала участие переводчика так или иначе всегда окажется решающим».

Приводя дальше фразу Мандельштама о слове как Психее, стремящейся к объективному воплощению, Полляк приходил к неожиданной спиритуалистической формулировке своего главного взгляда на природу поэтического перевода:

«Поэтому не будем требовать от поэтического перевода дословности: она так же недостижима, как вдохнуть дух в другое существо. И все-таки поэтический перевод может существовать и существует *как приближение*. Приближение может быть разным — и зависит от того, в какой степени, большей или меньшей, переводчик сумел вчувствоваться в то, что мы столь неточно называем «духом» оригинала, призванным одушевить тело предмета».

Перевод как приближение (сборник его избранных переводов 1973 г. так и называется — «Приближения») — концепция, предполагающая первенство разговора через головы поэтов и поколений. А признание перевода формой такого разговора создает немалые трудности. Поскольку этическая единица разговора — слово, то именно в слове, а не в стиховой технике, звукописи и прочем лежат границы возможности перевода. Этот взгляд разделяло целое поколение. Полляк в этом, вероятно, был последователем своего ближайшего друга по довоенному кружку полонистов Варшавского университета, блестяще начинавшего филолога Франтишека Седлецкого^{1*}; после войны подобные

* Примечания автора, сделанные специально для русского читателя, — в конце текста.

суждения можно было услышать от Яструна, Пшибося² и других поэтов-переводчиков этого поколения.

На этой почве возник наш спор о принципах перевода стихов Хлебникова. «Идиостиль» (как это называют в русском литературоведении) этого поэта обогащает поэтический язык неологизмами и окказионализмами (около пяти тысяч словарных единиц), не говоря уж об использовании графических и математических символов. Я считал и считаю, что в таком случае все языковые образования должны переводиться по законам словообразования или вопреки ним, параномастически их нарушая (поэту по-польски получится «będzianie», а не «budietlanie»). Пан Северин избегал перевода ниже уровня слова: неологизмы не подлежат переводу, они должны сохранить оригинальное звучание. (Таким образом, неологизмы подлинника в переводе оказываются калькой.) Он твердо защищал это свое — по сути нравственное — убеждение.

Столь подчеркиваемый Полляком стиль — это прежде всего словесная окраска. Внимание пана Северина привлекло двустичие из моего перевода Блока: «Pamiętasz, jak w zatoce sennej / Drzemała woda zielonkawa» («Ты помнишь? В нашей бухте сонной / Спала зеленая вода»). «Знаете, а Блок по-польски сказал бы не «zielonkawa», а «zielonawa». Не знаю, почему, но наверняка так». Мгновение спустя он спохватился и с иронией по отношению к самому себе пожал плечами: ««Zielonkawa», «zielonawa» — ну и проблемы у нас с вами, а?»

Сохраняя верность стилю оригинала, в идеале Полляк стремился к максимальной дословности — во имя ее он боролся с моей инфантильной отсебятиной. Дословность есть правдивость: противоположность переводу — ложь. Это — наследие Седлецкого, с отвращением писавшего о перепроизводстве переводческой графомании: всё новые переводы всё тех же русских стихов. Эти переводы отличались друг от друга главным образом своими отступлениями от буквы и духа оригинала, беззаботной эквилибристикой незадачливого стихосложения и фразеологических идиотизмов. Седлецкий противопоставлял им книжный дебют Полляка, продолжавшего переводческие традиции Подгорского-Околова³ и Тувима:

««Из новой русской лирики» Полляка (1936) — поистине триумфальная победа над хаосом и инерцией польских переводов последних лет: Полляк вполне сознает ответственность переводчика, понимает, что его работа — это не просто решение кроссвордов, он относится к ней как к общественному долгу. (...) Уже то, что это «переводы», а не «подражания» — (...) даже это положительно выделяет сборник. (...) Но лишь обратившись к самому интересному для нас вопросу — выбору текстов, — мы сможем вполне оценить прямо-таки исключительную ценность книги: это первые в Польше переводы великолепного поэта, вождя акмеистов Гумилева и гениально «сумасшедшего» футуриста, подобного и равного которому не знала ни одна страна, — Хлебникова... Только Пастернак уже был немного известен в Польше. (...) С нетерпением ждем продолжения. Но и этой антологией Полляк сделал очень много. Необыкновенно много! Так что, будь то фанатический труд Тувима или переводы Полляка, у нас есть основания для далеко идущего оптимизма».

Дебют Полляка был полемичен втройне, и это, как мне представляется, свидетельствует не столько о возрасте, сколько о сознании и характере переводчика.

Это была полемика со стилем прежних переводов с русского, с «искажением поэтического образа» — от «Молодой Польши» (Мириам) до современников Полляка К.А.Яворского или Ю.Лободовского. Кстати, в своих послевоенных изданиях пан Северин, отдавая дань традиции, печатал и эти переводы, несмотря на свое порой критическое отношение к их стилю и деталям.

Это была полемика с теми русофилами, для которых картина русской поэзии заканчивалась экзальтированным противопоставлением Маяковского и Есенина («переводческий сумбур» и «камено-есенинский⁴ комплекс», по Седлецкому). Позже Полляк переводил обоих, однако, весьма избирательно: из Маяковского, в 1956 г., — «Клопа» (много позже поставленного Конрадом Свинарским с Ломницким в главной роли), ранние кубистические стихи и фрагменты гротескно-фантазмагорической поэмы «Про это»; из Есенина — прежде всего «Москву кабацкую» и «Песнь о суке». Но ни тот, ни другой никогда не были увлечением Полляка.

И, наконец, может быть, особенно существенная полемика — с соцреализмом, провозглашенным за два года до этого, на первом съезде советских писателей. Еще в 30-е годы Полляк, член близкого к коммунистам кружка полонистов и ответственный редактор, а позже секретарь «Дзенника популярно-

го» Норберта Барлицкого⁵, органа движения «единого фронта», был левым. Точнее, левым интеллигентом. Тем не менее канонизированная в сталинской России тоталитарная «философия социального титанизма» (по определению Бердяева) была Полляку по самой природе чужда. А ведь она не была столь же чужда таким значительным левым литераторам, как, например, бывший легионер Станислав Бачинский (отец погибшего в 1944 г. поэта Кшиштофа Камиля Бачинского) или Игнаций Фик. Они — Бачинский по горячим следам в статьях «Социалистическая культура» и «Социалистический реализм» (1935), а Фик уже после московских процессов 1937-1938 гг. — с удивительной наивностью превозносили эстетическую идеологию формирующегося ГУЛАГа:

«Действительность, мир вещей становится главным объектом, а главным мотивом — деятельный подход к ним. Одним словом, на место прежнего идеалиста и солипсиста приходит человек, захваченный жизненными процессами, не просто переживающий их, но слитый с ними воедино благодаря человеческому сообществу» (С.Бачинский).

«Вместо иерархической расстановки типов и характеров, воспринимающих мир вещей, — перед нами люди и вещи в процессе их взаимопроникновения» (С.Бачинский).

«Величайшее чудо — стремление человека подняться над природой. Собственной человеческой волей диктовать законы даже самому себе, ее частице. Создавать ясные и простые конструкции и видеть в них собственное, упорядочивающее хаос творчество» (И.Фик).

Особенность отстраненной позиции Полляка объяснялась несколькими факторами, и некоторые из них я могу указать.

Его левизна в духе общесоциалистического «единого фронта» и в то же время принципы эстетики и этики уходили корнями в «отцовское» наследие 1905 года, а не в сталинское государство террора. (Следует, впрочем, персонализировать эту левизну: до конца своих дней Полляк с огромным уважением относился, например, к Владиславу Беньковскому или Анеле Стейнсберг⁶). Значение традиций 1905 года в формировании левизны мышления польской интеллигенции — тема, до сих пор недостаточно изученная историками. Ощутимая в довоенной «ожеромщине»⁷, в таких важнейших стихах Броневского, как «Баллада о Театральной площади» или «На смерть Анджея Струга», она отразилась и в некоторых послевоенных взглядах и увлечениях зрелого поколения, в частности в среде лодзинской «Кузницы»⁸, где Полляк был секретарем организации ППР [Польской рабочей партии, т.е. компартии, воссозданной во время войны].

Кроме того, подобное происхождение носил и «органический» культурный позитивизм⁹, связанный с этой установкой. После войны он приобретал другие оттенки, но Полляку он был не чужд уже в начале его литературного пути. В своей книге переводчик не только открывал польскому читателю, но и сохранял трех великих лириков, которых как раз удаляли из советской картины русской литературы: Гумилева — расстрелянного в 1921 году «контрреволюционера» (даже в 70-е годы неприятель Полляка, известный критик Сандауэр, называл Гумилева фашистом — «комплимент» из арсенала НКВД), Хлебникова — умершего в 1922 году «формалиста», Пастернака — связанного с бухаринской оппозицией «первого поэта», в зловещей атмосфере заменяемого Маяковским.

В переводчике, несомненно, жила принципиальность русиста, отдающего себе отчет в том, что происходит. Была в этом и смягчающая политические крайности, по крайней мере сила (если и не могущество) вкуса, несомненно выросшая за годы, когда Полляк, будучи секретарем Стефана Наперского¹⁰, общался с ним и, что важно, с его библиотекой. Пан Северин в те годы проходил выучку в переводческой мастерской Тувима, на сестре которого Ирене был женат Наперский. Пожалуй, в этой же среде сложилась и дружба со Львом Гомолицким — жившим в Варшаве способным молодым русским поэтом, более известным как польский прозаик с послевоенным именем Леон. В поэзии Гомолицкого характерным для его поколения образом соединялись влияния акмеистов и футуристов: Гумилевым и Хлебниковым он увлекался до самой смерти. Тувим перевел несколько его стихотворений. К тому же Гомолицкий был личным секретарем Дмитрия Философова и участником его русско-польского кружка «Домик в Коломне», с которым, должно быть, по мнению Павла Херца, Полляк тогда соприкасался. С деверем Александра Вата, Ежи Камилем Вейнтраубом, Полляка, кроме дружбы связывала увенчавшаяся переводами любовь к Пастернаку.

Кроме того, здесь все-таки ощущалось «позитивистское» по духу убеждение в преимуществах культуры и роли культурного труда. Единство накапливаемых культурных традиций было, как я уже говорил, для Полляка вопросом не только эстетики, но и этики. Постоянные разрывы этой преимущества

ности, затаптывание следов чужого труда и чужих жизней, вычеркивание имен — все это вызывало в нем упорное сопротивление, причем отнюдь не в одну только эпоху. Речь шла о глубочайших убеждениях.

Полляк не скрывал их и в общественной жизни. В течение нескольких десятков лет исторические события обычно приобретают все новых творцов. Мало кто сегодня помнит, что инициатива созыва в 1968 г. февральского собрания Союза польских литераторов по поводу запрета постановки «Дзядов» Мицкевича¹¹ принадлежала поэтам Арнольду Слуцкому, Ежи Фицовскому и Северину Полляку (достоверность не раз мною слышанного рассказа я недавно проверил у Фицовского).

Когда во второй половине 70-х большой (десять человек) группе самых видных польских поэтов запретили участвовать в многообещающем международном фестивале «Варшавская осень поэзии» (что, разумеется, закончилось вырождением всего мероприятия), секция поэтов тогдашнего Союза польских литераторов обратилась к председателю варшавского отделения СПЛ Леславу М. Бартельскому, подписавшему «черный список», начинавшийся именами Шимборской и Херберта. Председатель секции Ежи Загурский тогда публично заявил, что его «совестью» в этом вопросе был Полляк. О визите к Бартельскому, прыкая смехом, рассказывал мне сам пан Северин. Бартельский объяснял, что сам составил список, чтоб его не составил «кто-нибудь со стороны» — так, мол, будет лучше. Полляк (как он рассказывал), сказал Бартельскому, что тот напоминает ему красного барана из «Пилата» Вайды, который ведет своих овец на бойню — а то их туда погонит кто-нибудь чужой. Бартельский и бровью не повел.

Однако я хорошо помню все возраставший ужас пана Северина перед полным изгнанием дела близких ему поколений из живой литературной традиции, неуважением к труду, переводческому или поэтическому наследию, ликвидацией целых областей исторических и культурных знаний. Не только из-за цензуры, преследований и репрессий, но и по невежеству, одичалости, внутренней потребности самой публики. Пошлость оказалась цензурой куда более эффективной. В «Литературе» от 5 октября 1978 г. было напечатано следующее письмо в защиту русского поэта, искромсанного советской цензурой и чудом уцелевшего во время террора и голода:

Анне Ахматовой на протяжении нескольких десятков лет не везло с критиками, в большинстве своем умевшими увидеть в ее творчестве того великого потока, где прекрасная любовная поэзия органично соединялась с поэзией поздних лет, полной трагических, мужественных раздумий. Однако то, что произошло с Ахматовой на польском телевидении, могло бы обогатить ее опыт совершенно непредсказуемым образом.

Ахматова никогда не была «непонятым» поэтом, но порой ее стихи воспринимались поверхностно — что ее сердило и обижало. Однако нечасто такое непонимание доходило до карикатурности.

В исполнении познанского театра «Студио» (29 сентября сего года, спектакль одного актера под названием «Шиповник цветет», анонсированный как «Ахматова, или Прелесть») эта поэзия, полная внутренней дисциплины и формально совершенная, превратилась в нечто, совершенно противоречащее и ее характеру, и личности поэтессы.

Режиссер Тадеуш Пиотровский обращался с поэзией Ахматовой так, словно ничего о ней не знал или просто не хотел знать. Самый убедительный пример — исполнение послевоенных стихов, написанных в очень трудное для поэтессы время, стихов о судьбе человека в истории, о драме эпохи. Например, фрагменты поэмы «Реквием», которую Ахматова писала, дрожа за судьбу и жизнь сына, были поданы почти как любовная поэзия. Это звучало примерно так, как если бы из «Тренов» Кохановского сделали слезные жалобы соблазненной.

Даже собственно любовная лирика Ахматовой в таком исполнении звучала как пошлый водевиль. Этому способствовали как декламация и пение произвольно выкроенных и порезанных стихов, так и пренебрежение их хронологией, что в случае Ахматовой фальсифицирует эмоциональную ситуацию. Трудно «сыграть» стихи Ахматовой хуже, чем это сделала исполнительница — сочетая непонимание с претенциозностью тона, жестов, костюма и поведения.

Мы оба — переводчики многих стихов, из которых сделан монтаж. Мы смотрели познанский спектакль с горечью и стыдом, поэтому считаем своим долгом выразить категорический протест против оскорбительного и вульгарного отношения к великой поэзии, притом в театре с миллионами зрителей. (...)

*Евгения Семашкевич
Северин Полляк*

Все это вскоре после смерти Полляка принесло новую брешь в памяти, ощущение разрыва культурной преемственности, конец зона — на первый взгляд естественный ввиду политических перемен, но все же во многом доходящий до карикатурности.

Этот ужас у Полляка был связан со свойственным ему и ранее катастрофизмом, вытекавшим из какой-то глубинной потребности. Понятие катастрофизма ввел в литературный оборот именно Полляк в рецензии на «Три зимы» Милоша, напечатанной в «Новой квадриге» (1937). Он испытал одновременно гордость и изумление, когда сорок с лишним лет спустя, на конференции в Ломже в 1980 г., нобелевский лауреат напомнил ему об этой рецензии. (Впрочем, в литературоведении существует догадка о влиянии дебютантских переводов Полляка из Пастернака на поэзию Милоша, и Милош этого не отрицает.)

Катастрофизм в чистом виде находил выражение лишь в собственной лирике Полляка (отчасти, возможно, и в выборе литературы для перевода), человека в быту очень сдержанного. В его стихах, особенно последней четверти века, болезненно повторяются мотивы Апокалипсиса и пророков — почти как в польской поэзии последних довоенных лет. Однако литературные мотивы уступают место теме, недоступной никакой литературе: теме Уничтожения. Возвращается в стихах полыхающее Гетто, возвращается Белжец¹² — в поражающей тишине, возвращается в последней книге Вечный Жид — скиталец: не отец ли поэта? В области умолчания остается трагическая смерть отца в момент вступления немцев во Львов в 1941 году. В мемуарном очерке — страшная смерть расстрелянного как капиталист¹³ в 1940 году в Варшаве Марка Эйгера (Стефана Наперского).

В разговорах со мной это могла быть всего лишь тема насмешливого на вид рассказа — вроде истории о том, как Полляк с женой, Вандой Гродзенской¹⁴, красавицей явно семитского типа, во время войны ехал из Варшавы в набитом вагоне пригородного паровика. Проводник схватил Ванду за рукав, крича на весь вагон: «Вы еврейка!» В доказательство того, что «остроумие на лестничной клетке» порой его оставляет, пан Северин приводил свой мгновенный ответ: «Что?! Ты, м...! Моя жена жидовка?!» Единодушная поддержка толпы спасла Полляков.

В статье, напечатанной в первом номере самиздатовского журнала «Запис» в 1977 г., Барбара Торунчик показывала роль военного опыта для различного восприятия коммунизма у поколений «Кузницы» и «прыщавых»¹⁵. По молодости и глупости я вздумал возражать. Полляк резко, несвойственным ему, весьма решительным тоном оборвал меня: «Конечно, война!» Насколько я знаю, это был вывод из долгих, неоднократных споров о причинах собственной коммунистической активности, которые он вел со своим ближайшим другом Мечиславом Яструмом, некогда тоже членом редколлегии «Кузницы». Яструн вышел из ПОРП в 1957 г., Полляк — после исключения из партии Лешека Колаковского, в 1966-м. Это были сложные вопросы — всегда оставался болезненный идеал, который я называю здесь традицией 1905 года. В жизни он был недостижим, поэтому возникал соблазн обрести его каким-то увечным, обостряющим память путем — через переводы русских модернистов, говоривших голосом той эпохи, и их позднейших учеников: преследуемых, гонимых, казненных.

Дебют Полляка, о котором шла речь выше, положил начало важнейшему явлению польской культуры — осознанию нравственной ответственности русиста. Раньше этого не существовало. Да, были разные точки зрения, убеждения, профессиональные или политические позиции, но это никогда не переходило в область этики. «Общественный долг» переводчика, упомянутый Седлецким в цитируемой выше рецензии, не исчерпывает вопроса. Речь идет о высшей нравственной ответственности перед реальностью Уничтожения на обоих его полюсах — западном и восточном. Перевод с русского измеряется также совестью — и человек порядочный обязан понять это сам. Такая порядочность — непреодолимая профессиональная граница. Мне никогда не приходилось слышать в голосе пана Северина такого металла, как в те мгновения, когда речь шла о людях, которым он в подобной порядочности отказывал.

Переводческое наследие самого Полляка самых худших, сталинских лет вызывает чувство уважения. Кроме нескольких официальных «сервитутов», это прежде всего классика — но какая! «Маленькие трагедии» и «Борис Годунов» Пушкина, его проза: «Пиковая дама» и «Дубровский». «Путешествие из Петербурга в Москву» и ода «Вольность» Радищева, антиимперского поклонника американской революции XVIII века. Сатирическая проза Салтыкова-Щедрина «Куклы и люди» и «История одного города» — один из литературных источников дооруэлловской антиутопии Замятина «Мы».

Эти переводы — голос в защиту свободы. Среди них нет ни слова во славу империи. Уже в первую послевоенную поездку литераторов в Россию (описанную в «Дневнике» Налковской) Полляку запомнилась характерная деталь. С ним в купе оказался сопровождавший польскую делегацию Александр Твардовский, в будущем либеральный главный редактор «Нового мира». После Бреста проводник, до войны польский гражданин, обрадовавшись соотечественникам, заговорил по-польски. Твардовский мрачнел-мрачнел и, наконец, стукнул кулаком по столу: «Говори по-русски!»

Раз уж речь зашла о дорожных впечатлениях — еще два воспоминания о 1956-м. Первое — монстр советской живописи, хозяин Союза художников, соцреалист Герасимов: посаженный в президиум на юбилейных торжествах в честь Пикассо, он, не желая аплодировать юбиляру-модернисту, беззвучно складывал руки в вялом, но преисполненном достоинства жесте. Второе — пиршество в Грузии, на котором среди гостей был украинский поэт Микола Бажан, член Верховного совета СССР. За столом председательствует известный поэт Леонидзе, который после нескольких обильных тостов поднимает бокал за Полляка: «За Польшу и Грузию, столько лет борющихся с общим врагом». Гость зеленеет: обычай требует ответного тоста. Ситуацию спасает Бажан — с бокалом он обегает стол и чокается с Леонидзе: «Присоединяюсь от имени Украины!»

В сталинские годы Полляк и Яструн составили антологию, по сей день сохранившую основополагающее значение, — «Два века русской поэзии». Как и в более раннюю «Колонну русской поэзии» (в октябрьском номере «Твурчосьци» за 1945 г., где еще была Ахматова), в первое издание антологии (1947), вышедшее уже после знаменитых речей Жданова, были включены поэты, в собственной стране «нецензурные», — пантеон модернизма: Соловьев, Анненский, Сологуб, Бальмонт, Вячеслав Иванов, Белый, Кузмин, Гумилев, Мандельштам, Цветаева; среди переводчиков — замученные Сталиным Бруно Ясенский, Станислав Рышард Станде, Витольд Вандурский, эмигрант Юзеф Лободовский. В следующих изданиях антологии (1951, 1954) большинство этих имен отсутствовало — разумеется, не по вине составителей.

Эти имена, однако, вновь возникают сразу же после «польского октября» 1956 г. — в восстанавливающей справедливость антологии «Сто тридцать поэтов» (1957), составленной Полляком. Здесь и другие преданные анафеме: Волошин, Бунин, Ахматова, Агнивцев, Орешин, Клюев, Мариенгоф, футуристы Каменский и Крученых, Заболоцкий с фрагментом «Торжества земледелия» — шедевра, за который поэт поплатился лагерем, — Леонид Мартынов, Павел Васильев.

Но «польский октябрь» в литературной деятельности Полляка — это прежде всего созданный в стремлении показать истинную русскую культуру журнал «Опиние» («Мнения»). Вместе с Полляком его создавали Земовит Федецкий и Анджей Ставар. Как вспоминает Федецкий, Полляк, совершенно ошарашенный перспективами подобной работы, впервые в жизни вдохновляемый свободой, сиял и радовался, как ребенок. Как рассказывал мне пан Северин, дальновидный Ставар — будучи довоенным троцкистом, он провел сталинские годы в постоянном ожидании ареста — ворчал: «Мнения! Какие мнения! Какое у вас право на мнения! Называйте свой журнал, как хотите, только не «Мнения», потому что вас прикроют!» Вскоре «Литературная газета» напечатала не предвещающую ничего хорошего заметку «Чьи это «Мнения»?». Журнал не дождался третьего номера, но среди многих других важных публикаций успел представить читателю первое в мире издание «Доктора Живаго» Пастернака — несколько глав в переводе Марии Монгирдовой. В 1957 г., после публикации романа в Италии, издательство ПИВ [польский Госиздат] разорвало подписанный ранее с Полляком договор на перевод всего романа.

Судьбу журнала решила поездка Полляка в Москву. Он пренебрегал многократными вызовами из Союза советских писателей, и чиновники воспользовались этим его приездом. Его встречало с помпой почти все правление Союза в полном составе, во главе с Симоновым и Сурковым, а потом последовал сакраментальный вопрос: «Кого вы там печатаете? Какая-то Цветаева, какой-то Мандельштам — а где же мы?» Полляка (как он посмеивался годы спустя) *прорвало*. Прикидываясь человеком, недостаточно осведомленным в русском языке, он ответил: «Не унывайте, товарищи! Они заждались, теперь вы можете подождать. Мы сперва напечатает Цветаеву, Мандельштама, а потом и вас напечатает — напечатает, только подождите».

Переводческое и издательское наследие Полляка начиная с 1956 года — гордость польской русистики. Он несколько раз издавал «Избранные стихотворения» Ахматовой, Блока, Цветаевой, Пастернака, стихи Анненского, Белого, Вячеслава Иванова, переводил прозу Бабеля, Белого («Петербург» и «Се-

ребряный голубь»), рассказы Бунина, прозу Цветаевой, рассказы Достоевского, Грина, прозу погибшего в годы террора Ивана Катаева, Пастернака, Платонова, Ивана Шмелева, первый вариант романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», второй вариант которого был конфискован, пьесу «Царь Максимилиан» Ремизова — писателя, в котором из поляков разбирался, пожалуй, один лишь Юзеф Чапский. В его доме сходились нити, связывавшие польскую и русскую культуру — истинную, как отечественную, так и эмигрантскую.

Груз лжи и мертвечины, тем более тяжкий, что по-русски гиперболизированный, нехватка воздуха под каменным напором цензуры и доносов все же превосходят человеческие силы. Упорный труд Полляка сопровождался парадоксальным чувством нереализованности. Не в эстетической, но в этической сфере. В 1971 г. в стихотворении «Надпись на могиле декабриста» он подвел итоги и своему собственному положению: «Я ухожу алчущий / света, воздуха и запаха ныне цветущих лип, / алчущий свободы действия, / добровольно алчущий / куска хлеба. / Ухожу, / чтобы унести хоть этот краешек земли / от узурпаторов, которые ставили меня перед своим судом. / Сам перед собой / я должен встать нагой и безоружный, / чтобы судья не познал радости судить».

Для большей выразительности необходимо обрисовать фон. В декабре 1975 г., после того как в конституцию ПНР было внесено положение о дружбе с СССР, очередной номер казенного журнала «Вопросы литературы» был посвящен Польше. О польских переводах русской поэзии писал «мартовский доцент»¹⁶ отделения русского языка и литературы Варшавского университета. Приведу этот памятник культуры публицистического доноса, адресованного брежневским чиновникам:

Порой известные и опытные переводчики уступали инерции собственных вкусов, предлагая не всегда верную картину развития советской поэзии. Это находило свое выражение не только в отборе имен и произведений, но и в критических высказываниях, умаляющих значение некоторых советских писателей, особенно следующих традициям Есенина, Некрасова, исповедующих принципы гражданской поэзии; с другой стороны, возвеличивалось творчество других, полюбившихся по тем или иным причинам поэтов, при этом спорные моменты их развития не привлекали должного внимания. Скажем, весьма односторонне были написаны предисловия к избранным стихам Марины Цветаевой [Полляка 1968 г.; тот же автор в рецензии упрекал книгу в избытке религиозных мотивов], Осипа Мандельштама [Рышарда Пишибельского 1971 г.]. Налет предвзятости ощущим в книге критических статей Северина Полляка «Волнения поэтов» и в большом томе его избранных переводов «Приближения» (чаще всего мастерами выполненных) от Тютчева до Вознесенского.

Автор заведомо неточен: сборник Полляка заканчивается Айги и Бродским.

Вот еще один архивный документ — переданные мне паном Северином копии его переписки с краковским «Выдавництвом литерацким» [«Литературным издательством»]. Дело касается исключительно важного для Полляка сборника статей о русской литературе. Ранее в издательстве ПИВ появилась внутренняя рецензия почти в двадцать страниц — собственно говоря, донос. В первую очередь пана Северина упрекали в «использовании заграничных источников», т.е. эмигрантских. (Сам я оказался, пожалуй, самым младшим польским переводчиком русской литературы, удостоившимся подобного публичного комплимента — от цитировавшегося выше автора в 1986 году). Письмо Полляка в дирекцию издательства датировано 1 июля 1986-го — у власти в СССР уже почти полтора года Горбачев:

На протяжении многих лет — а точнее, с пятидесятих годов¹⁶ — я не сталкивался со столь бессмысленными требованиями цензуры, как те, что были предъявлены к моей книге под названием «Подвижные границы», а потому позволяю себе ознакомить с ними дирекцию издательства.

Цензор требует исключить не только уже опубликованные, а следовательно, прошедшие цензуру фрагменты, но даже цитаты из советских изданий. Например, цитату из Владимира Орлова, непререкаемого авторитета в советском литературоведении, хотя я прямо ссылаюсь на этот источник. Цензор требует исключить из моего текста сведения, почерпнутые мною из последнего издания Краткой литературной энциклопедии — например, дословно переписанные формулировки, касающиеся смерти Бориса Пильняка и Сергея Эфрона, а также ареста дочери Марины Цветаевой или других фактов, уже давно ставших достоянием общественности и никем не оспариваемых.

Не знаю, можно ли позволить себе в настоящий момент исключить из книги, претендующей на более или менее приличный уровень, основополагающие сведения ради того лишь, чтобы через несколько лет или даже

месяцев со стыдом объяснять отсутствие в ней элементарнейших фактов и ссылаться на «объективные трудности».

В качестве примера приведу следующее: из моей книги изъяли целый раздел, касающийся важнейших для творчества Бориса Пастернака стихов — последней главы его романа. Между тем я недавно узнал, что в Москве на пресс-конференции после последнего съезда Союза советских писателей официально шла речь об издании этой книги. В связи с этим напомним, что стихи, о которых я говорю в этом разделе, входят в двухтомное издание произведений Пастернака (Москва, «Художественная литература», 1985). Решение цензора, таким образом, явно противоречит все более многочисленным свидетельствам того, что на родине Борис Пастернак занял в литературе должное место. Это подтверждают сообщения о решении съезда советских писателей по вопросу создания в Переделкине дома-музея поэта.

Я не хочу и не могу повторять ошибок, которые совершал в свое время, поддаваясь на уговоры вырезать из текста вещи якобы неприемлемые, а ныне ставшие азбучно-очевидными.

Анонимный цензор в любой день может смениться — я же, автор книги, ожидающей издания уже много лет, не могу отказаться от представленной в ней частицы реальности. Реальности, повторяю, уже неоднократно санкционированной и снова в интересах «пуццей бдительности» ликвидируемой.

В этой ситуации я вынужден просить дирекцию издательства временно задержать издание книги на той стадии, на которой оно находится в настоящий момент, так как уверен, что ситуация, в которой моя книга оказалась, вскоре изменится.

Надеюсь, что издательство, чье доброе имя я таким образом тоже защищаю, с пониманием отнесется к моим интересам и с тяжелым сердцем принятому мной решению и согласится вместе со мной подождать (полагаю, недолго) более благоприятных обстоятельств.

С глубоким уважением
Северин Поляк

Письмо издательства датировано 21 декабря 1986 г., полгода спустя:

Глубокоуважаемый господин Поляк,

с сожалением сообщаем, что в связи с тем, что Вы не сочли нужным учесть предложения Краковского управления контроля прессы, публикаций и зрелищ относительно изменений и сокращений в тексте «Подвижных границ», мы вынуждены отказаться от издания вышеупомянутого сборника. В связи с этим подписанный с Вами 18.06.1984 г. договор № 131/84 расторгается, а оставшаяся часть гонорара за первый основной тираж в размере 35 000 злотых (прописью: тридцать пять тысяч) будет выплачена Вам в течение 30 дней со дня получения данного письма.

С уважением

Секретарь издательства (Януш Адамчик)
Главный редактор (Кристина Мигдальская)

Два года спустя сборник вышел, но автор его уже не увидел.
Не выдержала старая рана на сердце.

Среди сделанного Поляком есть довольно ранний перевод стихотворения поэта, который не был для него ни особенно близким, ни особенно значимым, — Фета. Именно оно раз и навсегда вызвало у меня ассоциации с личностью, жизнью, со своеобразным мировосприятием пана Северина:

*Истрепались сосен мохнатые ветви от бури,
Изрыдалась осенняя ночь ледяными слезами,
Ни огня на земле, ни звезды в овдовевшей лазури,
Все сорвать хочет ветер, все смыть хочет ливень ручьями.*

*Никого! Ничего! Даже сна нет в постели холодной,
Только маятник грубо-насмешливо меряет время.*

Только маятник грубо-насмешливо меряет время...

Варшава, февраль 1998

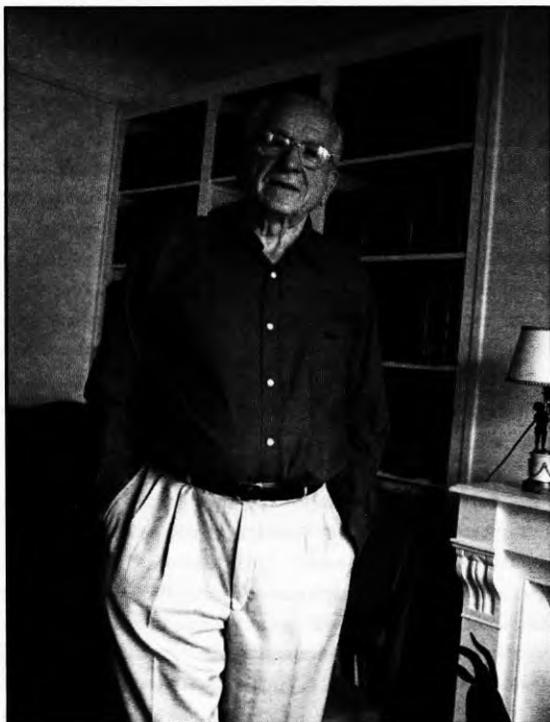
ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ф.Седлецкий (1906-1942), филолог, исследователь польского стиха, последователь русских формалистов и пражских структуралистов.
- ² Ю.Пишбось (1901-1970), крупнейший поэт довоенного польского авангарда. М.Яструн (1903-1983), поэт-неосимболист, эссеист, прозаик, много переводил из немецкой, русской и французской поэзии.
- ³ Л.Околув-Подгорский (1891-1957), поэт, переводчик, соавтор (с В.Денгоф-Чарноцким) первой в Польше антологии современной русской поэзии (1923).
- ⁴ «Камена» — журнал, издававшийся в Люблине поэтом-провинциалом К.А.Яворским.
- ⁵ Н.Барлицкий (1880-1941), видный деятель Польской социалистической партии, антифашист.
- ⁶ Старейшие представители левого крыла оппозиционного движения.
- ⁷ От фамилии великого писателя Стефана Жеромского, ставшего символом патриотизма и «правозаступнической» социальной установки польской либеральной интеллигенции.
- ⁸ «Кузница» — левоинтеллигентская еженедельная газета (1945-1950), в послевоенной антифашистской атмосфере вела пропаганду по-марксистски истолкованных рационализма и реализма. В редколлегии соединялись «попутчики» с новоявленными сталинскими догматиками — ровесники Поляка, в будущем представители либеральной антикоммунистической оппозиции.
- ⁹ Польский «позитивизм» 2-й пол. XIX в., в частности, выдвинул лозунг «органического труда» в пользу социального и экономического прогресса цивилизации в стране (с этой точки зрения его можно считать последователем Просвещения; оба эти течения служили положительным образцом в публицистике «Кузницы»). Позитивизм XIX в. (идейно близкий к позициям Тургенева времен «Дыма» и «Нови») призывал к накоплению трудом культурных ценностей и материального благосостояния. Сам же труд воспринимался как культурная ценность цивилизации, противоположная спеси, фразерству и традиционной склонности к самопожертвованию дворянской интеллигенции.
- ¹⁰ С.Наперский (наст. имя Марек Эйгер, 1899-1940), поэт, проницательный критик с утонченным вкусом, заслуженный переводчик с английского, немецкого и французского языков; в конце 1930-х — издатель элитарного журнала «Атенеум».
- ¹¹ Запрет постановки «Дзядов» (под предлогом антисоветских манифестаций во время спектакля), считавшихся символом борьбы за национальную независимость, вызвал протест писателей и бурные студенческие демонстрации. Последовавшим репрессиям сопутствовал накал официального антисемитизма черносотенного типа.
- ¹² Белжец — один из крупнейших гитлеровских лагерей массового уничтожения евреев.
- ¹³ Наперский принадлежал к богатейшей еврейской семье лодзинских фабрикантов. Он был расстрелян гитлеровскими национал-социалистами в порядке революционной ликвидации «плутократов».
- ¹⁴ В.Гродзенская, известная детская писательница, переводчица.
- ¹⁵ «Прыщавые» — придуманное критиком А.Лисецкой определение самых молодых ультракоммунистических литераторов послевоенного времени (1945-1955).
- ¹⁶ После того как в марте 1968 г. и потом из университетов (в т.ч. и с отделений русской филологии) уволили многих видных ученых — оппозиционно настроенных или/и еврейского происхождения, брешь в кадрах научных работников и преподавателей стали заполнять «доцентами» по административному назначению (в Польше доцент — не должность, а ученая степень), не защитившими докторских диссертаций. По аналогии с «мартовскими холостяками» (в отсутствие законной жены) их прозвали «мартовскими доцентами».
- ¹⁷ То есть со времен польской сталинщины.

МЭТР БИОХИМИИ

Беседа с профессором Франсуа Шапевилем

Франсуа Шапевиль (Франтишек Храпкевич) родился в 1924 г. в Польше. Биохимик, с 1963 г. профессор Сорбонны, много лет был директором Института молекулярной биологии в Париже, а также координировал научные работы 25 французских научных лабораторий. Занимался расшифровкой генетического кода, биосинтезом белка, эмбриологией и молекулярной вирусологией. Автор 200 научных публикаций, председатель международных научных обществ, академик Польской Академии наук.

— *На международном съезде биологов в Атлантик-Сити тысячи людей говорили лишь о вашем открытии!*

— Это было чрезвычайное событие, хоть оно и произошло 40 лет назад. Все относились ко мне как к звезде. Я добился превосходного положения в США, во Франции стал профессором Сорбонны и директором лаборатории. Фрэнсис Крик, который годом позже получил Нобелевскую премию, пригласил меня в Кембридж.

— *Ваши эксперименты подтвердили гипотезу Крика?*

— Крик и Уотсон несколькими годами раньше открыли, что ДНК, то есть генетический материал, имеет вид двойной спирали. Каждый ген — фрагмент этой двойной цепочки. Он содержит информацию, например, о форме нашего уха, работоспособности сердца, силе мышц. Неизвестно, однако, как эта информация превращается в материю, то есть в белки, из которых построено все живое — растения, животные, бактерии, мы сами. В конце 50-х гг. Крик выступил с гипотезой, что между геном и белком должен быть какой-то посредник. Что-то вроде декодера, способного расшифровать информацию, закодированную в генах, и привести в движение химическое производство белков. Но это было лишь предположение, без всяких экспериментальных доказательств. В 1961 г. мне удалось показать экспериментально, что информацию, содержащуюся в генах, читают РНК, рибонуклеиновые кислоты. РНК, переносящие инструкции от генов белкам, назвали «транспортными» — тРНК. Это и есть посредник, которого искал Крик.

— *Вы открыли механизм расшифровки генетического кода. Вы с этим замыслом и ехали в США?*

— Какое там! Я получил приглашение от нобелевского лауреата Фрица Липманна, профессора Рокфеллеровского института в Нью-Йорке, чтобы углубить у него свои знания о метаболизме серы.

— *Что это значит — «метаболизм серы»?*

— Это преобразования, которым подвергают-ся соединения серы в живых клетках. Я работал тогда в большом институте биологии, входящем в Центр исследований атомной энергии под Парижем. Писал докторскую диссертацию у выдающегося ученого Клода Фромажо. Тогда большинство биологов занимались фундаментальными исследованиями. Сера, один из нескольких самых важных составных элементов живых существ на Земле, интересовала тогда многих биологов. Я открыл несколько важных ферментов, принимающих участие в преобразованиях серы. Профессор Липманн был одним из всемирно известных экспертов в этой области. Он предложил мне двухлетнюю стажировку. Там я познакомился с людьми, занимающимися генетикой. Некоторые из них начинали делать действительно интересные вещи. Мое знание биохимии серы пригодилось: благодаря ему я мог синтезировать некоторые биологические молекулы и наблюдать за тем, какую роль играет тРНК в переносе информации от генов к белкам.

— *Профессор Липманн не упрекал вас в смене интересов?*

— Липманн сначала не очень этим интересовался. Только позже он поехал на какой-то симпозиум и там услышал, что я сделал крупнейшее открытие года, — по возвращении он из всех сил старался не отпускать меня.

— *Вы не хотели остаться в США?*

— Иногда я думаю, что надо было остаться. Я мог бы продолжать исследования генетического кода, было бы больше времени на лабораторные эксперименты. Но тогда в Рокфеллеровский институт приехал Жак Моно, известный французский биолог, позже ставший лауреатом Нобелевской премии, который узнал о моем открытии и взял меня под свое крыло. Моно имел огромное влияние во Франции, назначил меня профессором Сорбонны и добился, чтобы мне дали лабораторию, в которой я вел работу над синтезом белков.

— *За десять лет до этого вы приехали во Францию никому неизвестным молодым человеком, без гроша за душой, без высшего образования и без знания языка.*

— Мне повезло. Я смог выехать из Польши в 1946 г. и застрял в Германии в польской дивизии генерала Мачко [входившей в Польские вооруженные силы на Западе, подчинявшиеся правительству в изгнании. — Пер.] Меня приняли, хотя новых людей больше не брали. Я несколько раз нелегально переходил польскую границу в качестве связного. Однако в Германии я оставаться не хотел. Люди эмигрировали в США, Англию, Австралию. Двое-трое моих товарищей по дивизии ехали во Францию. Я сел с ними в поезд. По-французски я не знал ни слова. Получил какую-то микроскопическую стипендию, подрабатывал, делая пластмассовые детские игрушки, записался в «Альянс франсез» [курсы французского языка для иностранцев], и в 1947 г. меня приняли в высшую ветеринарную школу.

— *Не на биологию или медицину?*

— О медицине не могло быть и речи: надо было сдать экзамен на французский аттестат зрелости и в университет. В то время были большие трудности для иностранцев. А на ветеринарии их не было. Я думал также, что как ветеринар всегда найду для себя занятие. Кроме того, до 16 лет я пас коров в деревне.

— *Так это об этой деревне секретарь прославленной Французской Академии говорил, что она еще топила во мраке средневековья?*

— Я родился в деревне Годова на Жешувщине, и звали меня Франтишек Храпкевич. Потом я сменил фамилию, которую никто во Франции не мог выговорить.

— *Франтишек из Годовы «каждое утро должен был преодолевать много километров, чтобы прийти до одного из редких в том районе*

Ян Лепшица
Дьявольское изобретение. Плакат

лицеев, оказывая сопротивление метели и непогоде».

— Когда это он говорил?

— *В прощальном слове, когда вы уходили на пенсию уже как заслуженный мэтр биохимии, многолетний директор большого научно-исследовательского института, координатор работы 25 лабораторий и воспитатель нескольких поколений ученых: десятки ваших учеников занимают видные места во французской науке. Профессор Франсуа Грос вспомнил также о голоде, страхе, немецкой оккупации и советской тюрьме. «Светом в конце туннеля для нашего героя стала Франция и ветеринарная школа». Вы могли стать отличным ветеринаром. Почему этого не случилось?*

— Сначала я работал ассистентом в лаборатории ветеринарной школы в Мезон-Альфоре и одновременно учился в Сорбонне. Меня интересовали многие основополагающие, фундаментальные вопросы. В частности, я занимался ролью многих ферментов в ускорении процессов, происходящих в организме, молекулярной биологией вирусов, эмбриологией, белковым синтезом. Я открыл ферменты, сотрудничающие с тРНК в расшифровке генетического кода и в производстве белков.

— *Что приносило вам самую большую радость?*

— Работа в лаборатории. Преподавать я любил меньше. Кроме того, я был так переполнен тем, чем занимался, что был счастлив всю жизнь.

— *У вас были контакты с Польшей?*

— Едва добившись чего-то во Франции, я начал приглашать студентов, аспирантов, профессоров. У меня целые папки писем от людей, с которыми я работал. У нас была польско-французская

организация, и несмотря на коммунистический режим польским ученым разрешали приезжать в мою лабораторию.

— *А вам не разрешали бывать в Польше?*

— Нет, не разрешали, хотя в Советский Союз я ездил каждые три месяца. В Польше я останавливался только в аэропорту.

— *Было ли легче начинать научную карьеру сорок лет назад, чем теперь?*

— Когда я изучал биохимию в Сорбонне, в Париже и окрестностях была одна биохимическая лаборатория, 14 студентов биохимии и только один университет. Сегодня в Парижском регионе полтора десятка университетов и в каждом сотни студентов, изучающих биохимию.

— *Вы не жалеете, что начали еще до этого научного бума?*

— Совсем не жалею. Сегодня моя нервная система наверняка бы этого не выдержала.

— *В самом деле? Вы же выстояли в таких трудных условиях.*

— Сегодня труднее что-либо открыть. Тратится масса денег на науку, исследования более сконцентрированы, но умы людей, которые проводят эти эксперименты, более закрыты. Существует страшная конкуренция, секреты, разные комиссии. Убивается оригинальность мышления. Чтобы выстоять, каждый должен участвовать в одной и той же гонке, быть узким специалистом. Между тем в биологии мы только в начале пути. Мы не знаем, как функционируют организмы, органы, структуры. Наука пошла в направлении изучения самых простых элементов. Это только начало. Кроме того, молодым людям не доверяют никакой ответственной работы. Я своим лучшим студентам говорю: бросьте всё и езжайте в США. Я многое критикую в Америке, но считаю, что там способны оценить, кто чего стоит. В сегодняшней Европе царит геронтократия. Нужно сначала состариться, чтобы добиться самостоятельности.

Беседовала Божена Касторы

Лешек Шаруга

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ

Юзеф Хен (род. в 1923) — писатель, одаренный особым повествовательным талантом, благодаря которому историческое у него обретает ценность современного, а современное становится не только свидетельством своего времени, но и получает печать минувшего.

Во время войны он оказался в СССР, был солдатом Красной армии, с 1944 г. — в польской армии, сформированной на территории СССР, где руководил армейской самодеятельностью, в особенности театром. К 1944 г. относится и его литературный дебют — публикация стихов во фронтовых газетах. В своей первой книге «Киев, Ташкент, Берлин. История бродяги» (1947) он рассказал о своих странствиях времен войны. Вступление к этой книге дебютанта написал один из лучших польских репортеров Ксаверий Прушинский, что было не только рекомендацией, но и свидетельством таланта молодого автора. Репортажность на протяжении многих лет проявлялась и в чисто литературных произведениях Юзефа Хена, но в позднейший период она идет в ход главным образом в книгах, соединяющих в себе воспоминания и интеллектуальный дневник — прежде всего в «Новолипсе» (1991) и многотомном цикле «Не боюсь бессонных ночей».

Однако главная часть его литературы — художественная проза. Юзеф Хен — несомненно, один из немногих в современ-

ной польской литературе конструкторов занимательных сюжетов, благодаря чему он завоевал интерес не только читателей, но и кинематографистов: экранизированы два его романа — «Апрель» (1960) и «Гост» (1964, последний под названием «Закон и кулак»). Поразительно при этом, что успех у читателей не сопровождается столь же заметным интересом литературной критики: Хен, вне сомнения, — один из одиноких писателей в своем поколении; он идет своей дорогой, рассматривает литературу не только как поле интеллектуальной игры, но прежде всего как обязанность вести повествование, интересующее читателя. Хен-писатель — безусловно, свидетель своей эпохи, тесно связанный с жизнью страны, что доказывают, в частности, рассказы из сборника «Глаз Даяна» (1990), редкое в польской литературе свидетельство о развязанной в 1968 г. антисемитской кампании (за двадцать лет до выхода книги автор печатал их на страницах парижской «Культуры» под псевдонимом Кораб). Хен — писатель, который сопутствует своему времени.

В то же время он берется и за исторические темы, как в романах «Кримен. Ярмарочная повесть» (1975) или «Королевские сны» (1989) о последних годах жизни короля Владислава Ягелло. Однако история тоже дает основания высказаться на тему современности. Это особенно хорошо видно в двух книгах — эссеистических биографиях писателей. В первой из них, «Я, Мишель из Монтеня» (1978), писатель стремится прикоснуться к тому моменту в развитии мысли европейских гуманистов, когда зарождался иронический, рациональный подход к миру — тот, который особенно близок самому Хену и рассказчикам в его художественной прозе. В текст повести о жизни великого мыслителя, отца эссеистики автор вкрапляет афоризмы высокой пробы. Вот, например, как он комментирует поведение Монтеня по отношению к властям: «Однако нельзя уклониться от своей совести, даже если бы короли так приказывали, — когда их приказ безнравственен».

Эту книгу все-таки можно считать подготовительной к следующей — «Шут — великий муж. Повесть о Тадеуше Бой-Желенском» (1998). Эта биография — явно программная книга: она показывает выдающегося писателя, рационалиста, остро переживающего причиняемые людям несправедливости и абсурд социальной жизни, писателя, который, черпая прежде всего из французских традиций эпохи Просвещения, сформировал в современной польской литературе течение, характеризующееся несколько сдержанным отношением к национальным традициям, разрушением общепринятых запретов, добросовестностью в высказывании суждений о мире. Из этой школы и вырастает проза Юзефа Хена.

Юзеф Хен

Перевод

Андрея Базилевского

ОБМАНЩИК

Мы с Олеком В. решили не признаваться в своем еврейском происхождении. Единственный раз в жизни я решил на этот счет солгать. Мы знать не знали, что такое «арийские бумаги», но действовали как бы имея в виду это понятие. Все началось еще в колхозах: сначала на Украине, под Таганрогом, потом в казацких степях. Утверждая, что мы поляки, мы не лгали, но и не говорили всей правды. Благодаря этому нам легче жилось. Никто не издевался: ну да, куда уж им на коне скакать. Кстати, Олек, сын землевладельца из-под Млавы, гарцевал на трехлетней лошадке, как истинный казак, точно в седле родился. Может, Каминский не справился с теми коровами не только потому, что был учителем?

Тем более важно это оказалось в Красной Армии, в повседневной солдатской жизни. Что будет, если моя часть попадет в плен к немцам? А не вынырнет ли из строя военнопленных какой-нибудь товарищ по оружию, которого прежде я бы ни в чем таком не заподозрил, чтобы ткнуть пальцем: вот этот — еврей, юде — и тот тоже юде, и вон тот. Нет, лучше скрывать.

Я промолчал — этот нехитрый трюк давал мне равные шансы. Поляк — значит, такой же, как все. Ничего особенного во мне не выискивали. Когда я стер ногу и с трудом ходил, то хромал я, солдат — а не поляк. Когда я не попал в мишень из ручного пулемета Дегтярева (зрение нам не проверяли, и я не знал, что близорук, а день был пасмурный), то промахнулся я — а не поляк. Когда у меня поднялась температура и

меня отправили в лазарет с подозрением на малярию (а это оказался грипп), никто не язвил, что я маркитант: заболел я — не поляк,

А если и вспоминали о моем польском происхождении, то только чтобы сказать: хороший солдат. Известно, поляки на военной службе — первые. Не хуже русских, будь уверен, говорили мне с надеждой в сердце: как раз пришло известие, что Сталин заключил в Кремле договор с Сикорским, поляки будут драться вместе с нами, теперь фрицам каюк, уж поляки-то им всыпят по первое число, вот увидите, теперь начнется. Этот сияющий ореол героизма отчасти распространялся и на меня. Ведь никто так ловко не мог разобрать и собрать пулемет, как я — ну, ясное дело, поляк, прирожденный солдат. Даже то, что интеллигент, книжки читает, Пушкина знает, Маяковского, даже это сходило мне с рук:

у поляков все не так, одно другому не мешает. Наоборот, именно этот ловкий полячишка не только разбирает «максим» на части, но и может объяснить, для чего какая деталь нужна, как она действует. (А я и впрямь был в восторге от этого станкового пулемета, как от достижения технической мысли — кабы еще не радиатор...). Эти познания я приобрел благодаря своему командиру, лейтенанту Куликову — и он это понимал, — благодаря его точным и ясным урокам. Симпатичный блондин, хотя лицо со следами оспы, аккуратный, подтянутый, в каракулевой кубанке, молодецки сдвинутой

Юзеф Хен в детстве. Михалиш, 1934 г.

набекрень — как и у многих русских, у него был талант учителя, он вел занятия сдержанно, без лишних слов, не растекаясь, без всяких отступлений, украшений, только иногда в глазах поблескивала ирония. Он заметил, что я могу повторить урок слово в слово, и поручил мне подтягивать тупиц, которые, хоть ты тресни, не могли понять, как действует механизм. Я воспринял это доверие как отличие — Куликов мне нравился. Бывают у мужчин такие моменты восторга, особенно у молодых мужчин, вступающих в трудную жизнь, не уверенных в себе, когда они ощущают доброжелательное, покровительственное к себе отношение, ну и, конечно, мудрость-компетентность, понятное дело, это очень важно, я уже испытал такое прежде, с Семеном Лаксом, которого много лет спустя пытался отыскать в Москве — а теперь вот этот лейтенант Куликов (Иван?), окруженный аурой таинственности — да кто он такой? откуда тут взялся? — шепнул кто-то, чтоб я не больно фантазировал. На гражданке он, говорят, был каменщиком, умел и печки класть.

В своей дебютантской книге «Киев, Ташкент, Берлин» я приписал Куликову участие в одном диалоге, который у меня произошел не с ним. На самом деле моим собеседником был политрук, тощий, темноволосый молодой человек со впалыми щеками, который хотел как лучше, но не всегда умел. Он вел у нас какую-то агитобязаловку о славянских народах. Речь шла о том (а писал я почти по горячим следам, все было свежо в памяти), что славянские народы стонут под гитлеровским ярмом, что надо их освободить, потому что это народы братские, — и какая у них культура. К примеру, чехи: Жижка, Гус и Ярослав Гашек. Все должны знать также польского ученого Коперника и знаменитых польских генералов — Костюшко и Мицкевича... Меня это покорило. Я встал и, не доложив о себе, выпалил:

— Простите, Мицкевич не был генералом!

— Не был?

— Нет, он был поэтом! (Кажется, еще я добавил — другом Пушкина.) В книге я передал реакцию Куликова так: «Ага... Ну и ладно, черт с ним! А вы представились? Нет? Ну так пойдете в штрафной наряд. Старшина Иванов, завтра его на караул перед гауптвахтой — вне очереди!»

Такой была бы реакция Куликова — нет сомнений. Да только не он рассказывал нам о

генерале Мицкевиче, он никогда не читал никаких политических лекций. А как реагировал политрук? Кажется, он покраснел. Возможно, поблагодарил: ну да, правильно, я ошибся. Никаких последствий не было.

В нашем взводе было трое или четверо евреев с Украины, всем за сорок — это отличало их от нас, юнцов, а больше ничего. Один из них, Ройтман, крепко сбитый, симпатичный своей непосредственностью и врожденным тактом, с тоской рассказывал о своем колхозе: было несколько еврейских колхозов под Винницей, колхоз Ройтмана был богатый, они там специализировались на разведении коней для армии, и он, Ройтман, по профессии был конюхом. Новый тип еврея — иной, нежели господствующие стереотипы — впрочем, довольно распространенный на Украине, в Крыму, в Грузии, еврей-крестьянин и животновод, скорее как в Палестине, в первых кибуцах. Как-то вечером сидел я за столом, царячил что-то в своем блокнотике при свете копилки (бутылочка с керосином и воткнутой в нее фитилем), а эти трое или четверо завели меж собой разговор. Говорили они на идише, я все понимал, но, понятное дело, не мог им об этом сказать. Заговорили обо мне. Я замер, но рука не дрогнула, я продолжал писать. Они рассуждали, не скрываю ли я что-то.

— Говорю тебе, это еврей.

— Но он говорит, что нет.

— Наверно, не хочет признаваться.

И вдруг Ройтман принялся меня нахваливать. Никогда еще я не слышал столько комплиментов в свой адрес. Я продолжал писать. Не изменив выражения лица. Узнал ли я, что они обо мне думают? Подозреваю, что это могла быть попытка меня «разоблачить». Чего они ждали? Что я вскожу и скажу: спасибо за комплименты? Если б они говорили обо мне плохо, трюк мог бы удался — мне стало бы досадно, рука могла дрогнуть. А что если это был никакой не трюк, а Ройтман на самом деле хорошо обо мне думал?

Не знаю почему, но почему-то я чувствовал себя перед ними виноватым. Тем, что я лучше устроился. Мне было удобней, это точно. От чего-то я освободился. Невелика измена, такая маленькая, можно сказать, изменочка. Но в конце концов это меня отправили на фронт, а не их: всю четверку послали в трудотряд, поскольку они перешли возрастной ценз. Пушечное мясо должно

быть свежим. Когда их отослали в тыл, комментарии были типа: «Эти умеют устраиваться...»

В лазарете, в санчасти, или как это назвать — может, полевым госпиталем — я мог, наконец, отдохнуть. Никаких побудок, никаких пробежек строем в уборную, тем более никто не гонял по снежному полю на двадцатиградусном морозе, когда ветер студит мокрый от пота затылок, никаких «взятий» вражеских укреплений, не надо карабкаться на брустверы, никаких криков «ура!» при отработке атаки.

— Ложись! — кричал старшина, непременно Иванов (у меня было трое командиров взвода, и все Ивановы), — Ложись, в тебя попали! Ты уже мертвый!

Я падал, лежал, чтоб хоть немного отдышаться, хотелось пить, я сгребал белый-пребелый снег и набивал им рот. И вот у меня грипп (они подозревают малярию), сильный жар, и мне хорошо, как дома, у матери, па улице Новолипье. Мне велят глотать какие-то порошки и мерить температуру. Нас опекают смешливые, стройные сестрички, гоняют чай и нас угощают, у каждой свой кавалер командир, с которым она целуется бесстыдно и ничего не скрывая. Кормят тут неплохо, ячневой каши с мясом ешь сколько влезет, может, потому, что нас в санчасти немного, всего пятеро или шестеро, и вот целый день прибаутки, анекдоты, они прирожденные рассказчики, эти казаки, конца нет всяким сказочным историям, о царевнах, о богатырях, об Иванушке-дурачке, который всех перехитрил и взял царскую дочь в жены. Лишь через много лет я осознал: они не рассказывали о том, что пережили сами, к примеру, о 1937 году.

Зато были не прочь разговорить меня. Тимошка Заикин, высокий, худой, весь перекошенный, немного смахивавший на Дон-Кихота, с лысиной вдоль черепа, в прежнем воплощении, кажется, учитель, человек сведущий, притворялся чудаком и шутком, может, под дурику косил — так уж он домогался, чтоб санитарки ему делали массаж, они со смехом массируют его, пощипывая и приговаривая: «так надо, товарищ... так вам прописали...», — так вот, этот сумасшедший Тимошка всё допытывался у меня о Варшаве, о Пилсудском, потом — уже серьезней — о том, как функционируют органы демократии — о партиях, сейме, сенате, президенте и так далее. Он то и дело восклицал:

— Да что ты говоришь! А не врешь? А нам говорили... слышали, ребята? Интересно, нет?

Мы с Тимошкой сдружились, мне нравились его парадоксы, они только с виду были дурацкие, за бессвязной болтовней проступал недожиданный, острый ум. Мы были рады друг другу: так уж бывает, когда в грубой среде сталкиваются люди, которые могут поговорить — о фильмах, о книгах, об истории (помню, Тимошка рассказывал о впечатлении, которое произвел на него «Жан Кристоф» Роллана, о книгах Мальро). Между ними произошло сближение, возникла симпатия. И вдруг наши счастливые каникулы прервались. Утром, сразу после побудки, из взвода прибежал посыльный с известием, что полк уходит из станицы, чтоб я собирался, через час выступаем. Лазарет свернули. Вылечился ты или еще не совсем, а должен одеться и прибыть в свое подразделение. Впереди было несколько дней марша на запад, в сторону фронта. Волей-неволей всем пришлось вести себя, как здоровым. Тимошка мне признался, что на самом деле у него ничего не было, и поделился со мной верным способом: заварить в стакане махорку — как выпьешь, температура до сорока подскочит. Средство безотказное, нахваливал он, только смотри не переборщи, не то на тот свет отправишься.

У меня было тридцать девять. По-честному, безо всяких штучек. Ноги ватные, на марше колени подгибались, голова куда-то летела. Да еще эта стертая стопа в крепких польских военных башмаках, слишком крепких, слишком жестких для такого перехода. Возница комбата, коренной поляк, с которым мы познакомились в станице, заметил, что я хромаю. Наклонился к своему шефу и что-то ему шепнул. Гляжу, комбат — красивый, щеголеватый в своем полушубке — сходит с двуколки и пересаживается в бричку командира полка. Мой земляк, из Познани родом, невесть какими судьбами занесенный в Красную Армию, жестом приглашает меня — садись мол рядом. Товарищам на зависть: удостоился отличия, прошу дескать садиться (буквально) — вместо того чтоб топтать, как все, рассядется этакий в двуколке — да еще в чьей? — всеми почитаемого комбата. Этот офицер, едва он появился, чтоб взглянуть на нас, построенных в две шеренги, сразу вызвал у всех уважение. «Саламандра в огне» — помню, так я его окрестил, услышав, как он отдает приказы,

отрывисто задает вопросы, наблюдая его решительные движения. Прирожденный командир. Высоко ли он залетел? Кто знает, может, он погиб в ту зиму. Сколько их таких погибло...

И вот сидим мы в двуколке, возница комбата, в тулупе и валенках, и я в своем варшавском пальто (все еще не обмундированный) и в тех самых, слишком жестких, башмаках, сидим и все больше молчим, потому как мороз градусов двадцать, лучше не болтать, говорит он, не студить горло. Ноги у меня все больше деревенеют, я уже их не чувствую и понимаю, что благодаря его отзывчивости могу их потерять. Сказал ему, что лучше уж пойду пешком, как-нибудь доплетусь, и сполз на землю.

Я и в самом деле плелся. Идти пришлось без передышки. У всех остальных, у всего запасного полка, каждые 50 минут была остановка на отдых и перекур. Все падали на снег и мгновенно проваливались в сон. А я брел в нескольких стах метров позади и за это время едва их догонял. Только догону, раздается команда: «Подымайсь!» Люди лениво вставали, становились тройками и начинался неспешный марш. Я опять позади. И так без конца, ни минуты отдыха. Зато ноги согрелись, это их и спасло. Удивительно было, что невзирая на усталость я шел все энергичней и в сумерках, на последнем переходе, был уже вместе со своим взводом.

Распределили нас по квартирам. Наш отряд, одиннадцать человек, разместили во вполне приличной избе, с деревянным, а не каким-нибудь там глинобитным полом, двое с котелками пошли

за горячей кашей. Хозяйка, еще не старая женщина, поставила кипятить воду. Ребята ей говорят, что среди нас больной, и указывают на меня. Она пригляделась и, помню, вскрикнула: «Господи, какой молоденький!» И так по-русски, по-деревенски, по-бабьи заломила руки. «Я вот тебе горяченького молочка дам, полегчает». И все причитала, такой молоденький, один-одинешенек, да так далеко от дома, да больной, и уж так надо мной убивалась, что мне даже неловко стало, она просто исходила нежностью, такой прилив чувств, может, это было ей необходимо, отыскать в себе теплоту, сердечность, человечность, а мне было не по себе, ведь многие были едва старше, чем я, но все же я был ей благодарен — ее изумление раскрыло мне безумие всего происходящего. Того, что переживал я, что переживали другие, мои ровесники, по обе стороны фронта, все поколение... Она принесла кружку обжигающего губы молока. Угостила только меня, больного.

Наши сестрички из лазарета меня отыскали, принесли аспирин, сунули под мышку градусник. Вынимаю — и глазам своим не верю: 36,6. Еще раз меряю — опять то же самое: 36,6. Санитарка шупает мне лоб: он холодный. Во время марша я излечился от жара. Напряжение подействовало лучше, чем аспирин. Я выздоровел, но не знал, как быть. Как смотреть в глаза хозяйке? Она для меня молоко кипятит — больной, молоденький — а я здоров как бык. Обманщик. Сумел ли я ее убедить, что изнурительный марш на двадцатиградусном морозе помог мне победить грипп? А слушатель этой истории — поверит ли он мне?..

Юзеф Хен

КРЕСТ НА ХОЛМЕ

На базе было двое сторожей, два деревенских бедняка. Один, по фамилии Михайлов, с виду напоминал тех босоногих мексиканских *pañapos*, которых убивают садисты в голливудских фильмах: у него были огромные висячие усы, на голове шляпа, был он женат, имел детей, вполне нормальный человек, толковый, тихий, покорный, а может, старавшийся казаться покорным. Зато второй, Смаха, тоже, конечно, босой, с лицом, заросшим рыжеватой щетиной, был неграмотен и придурковат, но проявлял полное довольство собой, своим умом и ловкостью, с громким ржанием влезая в наши разговоры, когда ему что-то, черт знает почему, казалось смешным. Лакс питал к нему слабость, с удовольствием произносил его фамилию: Смага. (Гейер утверждал, что Смаха по происхождению испанец и что его фамилия писалась когда-то *Smaja*). Лаксу нравилось, что этот Смаха готов выполнить любое, самое вздорное распоряжение и лишь в редких случаях, когда оно вдруг почему-либо не соответствовало его собственному представлению о реальности, вставал па дыбы. Например, когда он устраивал себе обеденный перерыв. Тогда речи не было, чтобы сказать: Смаха, сделайте то-то и тот-то. «Потом», — отвечал он флегматично, а порой и отвечать не изволил. Два толстых ломтя черного хлеба с куском сала между ними Смаха держал в заскорузлых ладонях, серых, облепленных смолой и покрытых таким слоем грязи, что плохо становилось. А он попивал себе из бутылки вкусную пахту, которую на козловском молокозаводе продавали по 10 копеек ведро. «Скажи, ты еще веришь в существование бактерий?» — спросил меня как-то Лакс, глядя на ладони Смахи. Меня тоже охватило сомнение, которое, по правде говоря, так и осталось во мне навсегда.

Уже когда Лакс уехал, а мы с Боднаром, внешне в полном согласии, вместе руководили битум-базой, на холме в разгар солнечного дня появился начальник, Лахов. Он был явно не в духе, может, начальство его отругало, ко всему цеплялся,

наорал на Гейера, что тот бюрократ, бесился, что не застал прораба Федорова — а ну давай его сюда! — прогремел заведомо невыполнимый приказ. Вдруг его взгляд упал на деревянный крест, возвышавшийся над дорогой.

— Что это значит?! — взъярился Лахов, будто никогда его прежде не видел, — Крест на советском производстве?! Безобразие! Убрать, чтобы следа его завтра не было! — метался он, а его нежное лицо побагровело.

— Кто должен это сделать? — спросил я кисло.

— Ты! — заорал он, — Ты здесь начальник! Прикажи его спилить или сам спили. Твое дело! И чтоб завтра, — повторил он, — следа от него не осталось!

Влез в свой тархтящий москвич и уехал. А у меня в глазах потемнело. Никому никогда этот крест не мешал, но если я его спилю, если я это сделаю... Чертов комсомолец. Крест ему мешает! Гейер спросил, глядя на меня испытующе: «Ну и что вы теперь будете делать?» — «Не знаю». — «Дано распоряжение. Его дело приказать, ваше дело выполнить». Это я знал и без него. Я промолчал, а Гейер скрылся в своей коморке, довольный, что его обязанности ограничиваются измерением вязкости смолы. Михайлов, свидетель скандала, спокойно спросил: «Ну, что прикажете?» — «Ничего. До завтра еще есть время». И я погрозил ему: никому ни слова.

Ночью я не мог уснуть. Одно я знал наверняка: трогать крест нельзя. Он, Лахов, — оттуда, он идейный безбожник, комсомолец, не понимает, что значит этот крест для людей из деревни. Нет, не могу я этого сделать. Пускай сам пилит, если ему приспичило. Выгонит меня с работы? Да и пускай гонит.

На другой день в полдень я сменил Боднара. Я не знал, дошло ли до него распоряжение Лахова, но в его хитром взгляде прочел любопытство, а может, мне только показалось. Когда Боднар ушел, Михайлов спросил: «Что будем делать?» — «Ничего». — «Товарищ начальник рассердится». — «Посмотрим», — успокоил я его. Ага, понял

он, надо вести себя так, словно ничего не случилось и никакого приказа не было.

Через несколько дней, в мою смену, на холме появился Лахов. Спросил, как дела. Я ответил, что ничего. Пока я ему докладывал о том о сем, он кивал. И все время у него перед глазами был Крест. Но этой темы он вообще не коснулся. Как будто крест на советском производстве — этот укор его комсомольской совести — перестал колоть ему глаза. Может быть, глядя на крест — и видя, что он, вопреки приказу, по-прежнему стоит, Лахов кое-что понял. Даже наверняка понял.

Зато я стал в деревне знаменитостью — Михайлов постарался, чтоб люди узнали, какое героическое сопротивление я оказал. Как-то раз он с таинственной миной вытащил из мешка два литра молока в бутылках из-под водки. «Это вам, — сказал он со значением. — От людей».

Так бывает вознаграждено страдание за веру.

Макух, у которого я жил до того, как переехал к Майбам, был статный мужчина со светлыми усами, зажиточный хозяин — у него было целых тринадцать моргов, немало для той черноземной деревни, где и солнце пригревало сильнее, чем у нас под Варшавой, и дожди поливали обильней, и пожнивны кормовые сплошь да рядом сеяли. Дом у Макуха был новый, светлый, крытый блестящей жстью, с большими окнами, которые именовались «венцианскими». Достопримечательностью двора было отхожее место с вырезанным на двери сердечком, его соорудили по распоряжению старосты еще при панской Польше, когда во время происходивших неподалеку маневров у Макуха квартировал элегантный офицер. Сами Макухи, как с гордостью признался однажды мой хозяин, этим паскудством пользоваться не желали.

Хозяин мой был дороден, полон сил, а жена у него была хилая, прежде времени постаревшая. Измотанная бесконечными заботами, слегка сварливая деревенская баба. Детей всего двое. (У Майб тоже было двое, и почти у всех, кого я знал, было по двое. Как-то они там утрясали эти дела, хотя никаких естественных способов не знали. То ли бабки деревенские потрапу наводили, то ли еще как, а ксендз, мудрен деревенский, только вздыхал). По дому крутилась десятилетняя пухленькая Стефча, отец ее обожал: он и на руки брал, и к груди прижимал эту пышечку, как Сталин Светлану на фотографии, которая обошла весь мир.

Двадцатидвухлетнего сына дома не было. Отец говорил, что он остался в Познани, где учится... на филологическом факультете. Похоже, это была правда, след полонистики я обнаружил в доме Макухов на шкафу — переплетенный годовой комплект познанского «Тыгодника литерацкого», года, кажется, 1840-го, если не конца тридцатых. Удивительное чувство я испытал, просматривая журнал, в котором автор, подписавшийся З.К. (Зигмунт Красинский), по знакомству поместил рецензию на вышедшую из печати «Балладину», а на первой странице «Гимн о заходе солнца» публиковал Юлиуш Словацкий, счастливый, что в рубрике «ответы редакции» не прочел: «Господин Ю.С.! Стихотворением не воспользуемся. Советуем работать над собой». Или редактор, наверняка недовольный сотрудниками, почувствовал, что печатаемое им уже входит в историю литературы? А читатели? А читательницы, увядающие в своих поместьицах и пытающиеся выразить свою «меланколию» в рифмованных строках? Может статься, какая-то из них в восторге взялась за перо и написала экзальтированное письмо автору, как пани Ганская Бальзаку? Антикварный «Тыгодник литерацкий» с Юлиушем Словацким, хранимый, как сокровище, в украинской хате, и сын-полонист — разве не странно, разве это не доказательство, что все на свете гораздо более запутано, чем желали бы разные мастера упрощений.

Макух с любопытством взирал на работу бедняков в «колгоспе» (так по-украински колхоз) и даже — он признался мне — сам собирался вступить и показать этой голытьбе («гольцам»), как следует всем вместе хозяйствовать, но что поделать, коли он «куркуль». «Они говорят, что я знаете кто? Куркуль!» — он говорил с улыбкой, и было непонятно, то ли он задет подозрением в том, что он «кулак», то ли ему это льстит. У него было три прекрасных коня и жеребенок, но в той деревне после того, как пришли Советы, у всех были прекрасные кони и коровы — люди, не ожидая декретов, поспешили сами поделить лошадей с конезавода графа Бадени, коровники тоже разграбили, и теперь любое хозяйство могло похвастать коровой с объемистым выменем. На его тринадцати моргах Макуху помогали двое батраков, молодые безземельные супруги с ребенком. У них небось и халупы своей не было, но где-то они все-таки жили, хотя мне как-то не

пришло в голову поинтересоваться, где именно. Наверно, неудобно было совать нос в чужие дела. Жаль. Через несколько лет они стали моими героями, чего ни они, ни я не могли тогда предвидеть. Он: деревенский дурачок, лепечущий, слюнявый, в холщовой рубаше, выпроставшейся из домотканых порток, лицо, заросшее редкой щетиной, вечно с какими-нибудь вилами на плече и, разумеется, всегда босиком. И она: очаровательная черноволосая красавица. Когда она улыбалась — а я помню ее только такой — улыбающейся, глаза ее сияли обольстительным блеском, сочные губы раздвигались, обнажая сияющие белизной зубы. Я не помню наших разговоров (да и были ли вообще какие-нибудь разговоры?), но помню ее стоящей по ту сторону изгороди, в распахнувшейся льняной рубашке, приоткрывающей овалы полусферы груди, которые вздрагивали при каждом движении, в грубой холщовой юбке, плотно обтягивающей бедра, доходящей до середины смуглых лодыжек; разговаривая, она легонько покачивалась, переминаясь на облепленных грязью, а то и навозом, ногах. Такой я ее и запомнил — соблазнительной и улыбающейся. С чего она мне улыбалась? Не знаю, может, такой родилась (как та Поспишилова, о которой я уже упоминал). Некоторые девушки такими рождаются, с этим своим колдовским обаянием — что в деревенской хате, что во дворце. Дар Божий. Она была как раз такая, может, на свою беду. А может, она улыбалась оттого, что угадала мое восхищение, мой мужской восторг. Мне ни на минуту и в голову не пришло с ней пофлиртовать, я восторгался вполне бескорыстно, как и пристало добродетельному юноше.

Много лет спустя, когда я начал писать «Стипен», ярмарочный, как я его называл, а по сути детективный роман о начале XVII века, мне вспомнилась эта босоногая девушка-коровница, потом ее придурковатый муж — ее выдали за него, потому как что же было с ней поделать, сирота, без избы, без земли. Боже, подумал я, зачем ты ее так унижаешь, зачем столько людских несчастий, а потом она засияла у меня перед глазами, улыбающаяся, работающая, полная нежности к ребенку, и я вспомнил, что в ее взгляде, когда она на меня смотрела, было кокетство, должно быть, неосознанное, прирожденное кокетство любовницы, и еще я подумал, что наверняка это

Макух, хозяин своих 13 моргов, выдал ее за своего батрака, и что это был его ребенок, и ничего не значило то, что они с Макуховой, хилой, измученной, дружески болтали, расстилая на траве длинные полосы белого льна, чтоб он просох на солнце. Макухова все знала, но что уж там, такая жизнь, мужику не запретишь, а подмога в доме есть. Макух и она! — осенило меня спустя годы. И я сжался от ревности.

Так родилась в «Кримене» Евка-Настка, в которую мужчины безумно влюблялись и шли из-за нее на преступления, а все это наблюдал ее муж, дурачок Василь, у которого все же был свой разум.

Хартанович, Беляец, Хруль — эти три фамилии врезались мне в память, как слова, выбитые на граните, как обрывок стихотворения, который вьелся в мозг, всегда вместе, как тройка хоккеистов из «Краковии», как три пророка. С ними был еще Шоркин, степенный мужчина, который говорил, что он был шофером в поместье князя Радзивилла в Несвиже. Жаль, не запомнил я его рассказов о князе. А кроме них еще десятка полтора парней, с которыми я сталкивался меньше.

Они именовались военнопленными, но жили на квартирах в деревне, без конвоя. Белорусы. Наши солдаты, те, что под дулами винтовок работали только группой, на закате они строились четверками и несколько километров маршировали к своим баракам, где-то за Буском, точно не знаю где. Но строительство дороги требовало и работы более индивидуальной, я бы сказал, камерной, в том числе и ночью: к примеру, загрузка битума в котлы. Кто-то там наверху принял решение, что военнопленные, которые заявят, что они по национальности белорусы, смогут перемещаться без конвоя.

Хруль, Хартанович, Беляец. Неразлучная тройка, с которой я быстро сдружился. Спокойные, не задиристые, покладистые. Они умели и любили поговорить. Самым разговорчивым был Хруль. Хартанович — старший из них, лет сорока, темноволосый, смуглый. Беляец — тоненький, светловолосый, проворный, смешливый, чем-то похожий на Стива Маккуина. И Хруль — могучий блондин, грудная клетка, как у богатыря, женщина смогла бы к нему только прижаться, а уж обнять его, как ствол кряжистого дуба, смогли бы только две женщины вместе.

На самом ли деле они были белорусами? Шоркин относился ко всей этой истории

иронически. Их национальное самосознание было как минимум неопределенным, если не двойственным. Они носили польские мундиры, сражались с немцами, о чем всегда рассказывали с оживлением. Кто-то из них, кажется, Шоркин, сказал мне, что все зависит от вероисповедания: если католик, то поляк, если православный — тогда, наверно, «тутейший». Когда Хартанович и Беляец переругивались, то всегда на языке своей деревни, то бишь, видно, по-белорусски. Но чтобы Хруль говорил на этом языке, я не слышал. Хруль точно был поляком. Он себя считал ловкачом, который кого угодно вокруг пальца обведет, — как бы там ни было, он предпочитал ходить на работу как более или менее свободный человек, а не под дулом винтовки.

Хруль был родом из Лиды, где прославился своей физической силой. На Кресах у нас был настоящий заповедник потрясающих богатырей, метателей тяжестей, но кого это тогда интересовало. Иной раз в Лиду заглядывали бродившие по приграничным городкам силачи, они сгибали стальные прутья, ударяя о бицепсы, и поднимали зубами табуретки, на которых сидели местные толстяки. Гвоздем программы была борьба: силач обращался к зевакам и приглашал их померяться силами. Кто его повалит, получит денежный приз. Везде — в Барановичах, Слониме, Новогрудке — сеанс проходил по одному и тому же сценарию, исход был предрешен заранее. Из толпы выходил смельчак — возможно, сообщник Силача, хотя не обязательно, — чтобы вскоре оказаться поверженным на обе лопатки. Где угодно — только не в Лиде! В Лиде Силача подстерегал неумолимый Хруль. И Силач вынужден был признать его превосходство и отдать ему обещанную награду. В конце концов, рассказывал Хруль, профессионалы стали обходить Лиду стороной.

К нам на дорогу Хруль-Хартанович-Беляец прибыли с шахт Кривого Рога. Они добывали там железную руду. Хруль побил рекорд добычи: 700 процентов нормы! Не будь он военнопленным, имя его было бы прославлено в газетах. Коллеги Хруля тоже неплохо справлялись с работой. Я их спрашивал, как такое возможно. Хруль небрежно бросил: «Пане, эти их нормы...» Похоже, что нормы тогда были подогнаны к возможностям людей строптивых, работающих из-под палки. Потом нормы постепенно повышали. Капрал

Шевчик, тот что из Силезии, говорил мне, что сам Стаханов добывает немногим больше, чем средний горняк из Польши. Повторяю, что сам слышал... Во всяком случае, для Хруля-Хартановича-Беляйца сделать две нормы на нашей битум-базе было — раз плюнуть. Так что зарабатывали они, как это следовало из моих нарядов, вдвое больше. Да и я вместе со своими коллегами, когда мы оказались в колхозе на Украине, а потом на Дону, вырабатывал в среднем по полтора-два «трудодня» в день, из-за чего колхозники смотрели на нас косо, так как сами предпочитали работать степенно и неторопливо.

Такой добрый молодец как Хруль неизбежно должен был пользоваться успехом у женщин. В Кривом Роге он соблазнил некую замужнюю даму, которая по нем так с ума сходила, что прониклась презрением к мужу и прогнала его: куда ж ему до семисот процентов мужской нормы. Потом этот бедняга муж все ошивался вокруг дома — то ножом грозил, то самоубийством, и вот как-то раз дело дошло до драки, Хруль вырвал у него нож и слегка мужика потрепал. Но его стала мучить совесть, признался он мне. Он ощутил неприязнь к этой бабенции, которая так унизила своего мужа. И бросил ее. Тогда она стала его, рекордсмена, повсюду преследовать. А он ей: «Возвращайся к мужу, это твой мужик, и мужик неплохой». Но попробуй-ка договорись с ошалевшей теткой.

— И знаете, — рассказывал Хруль, — как только я узнал, что можно перевестись на строительство дороги, то тут же за это ухватился, хоть и был королем Кривого Рога. Пришлось от бабы ноги уносить. Беляец и Хартанович, а заодно и Шоркин, подались вместе с ним. Не бросили в беде.

— А как бы вы отнеслись к тому, — говорю я, — чтобы и тут побить какой-нибудь рекорд?

— Сколько можно выжать? — задумался Хруль. — Если поднатужиться, процентов триста.

— Не триста, — отвечаю. — Все четыреста, а может, и больше...

Меня давно занимала одна мысль. Я уже упоминал о бетонных бассейнах с запасом смолы. Ее привозили на грузовиках, кусками, выгружали, разбивая лопатами, в эти самые бассейны, где куски потом плавилась на солнце, превращаясь в массу, извлечь которую было невероятно трудно. Чтобы наполнить котлы, приходилось ждать до сумерек, когда смола затвердевала, и тогда ее снова разбивали ломом и везли в тачках по дощатому

помосту — метров пятьдесят, а потом, крикая от напряжения, толкали тачки вверх по трапу, чтобы, наконец, вывалить их содержимое в пасть котла. Каждый этап этого процесса нормировался отдельно. Если мы сумеем так организовать работу, чтобы грузовики приезжали ночью и подвозили смолу прямо к печи, то обойдемся без всяких промежуточных этапов. А в наряде их учтем. Нам так и так причитается — и за рационализацию, и за идею, и за изнурительный труд.

У Хруля глаза загорелись. Он тут же сообщил своим корешам, что можно неплохо подзаработать. Они сделают это втроем: Хруль-Хартанович-Беляец. Но, господа, — предупреждаю — вкальвать придется со страшной силой, грузовики ждать не будут. А им только того и надо. У них руки горели. Они рвались показать, на что способны.

— Ты, главное, свое дело сделай, — ободряет меня Хруль и потирает свои лапищи.

Боже, что это была за ночь. Сорок с лишним тонн битума — четырнадцать грузовиков. Разбивали прямо в кузове: Хруль и Беляец крушат битум ломami и швыряют куски в тачку, Хартанович толкает тачку по трапу к пропасти котла. Он не успевал. Тогда Хруль в одиночку — как какой-нибудь титан, как Геркулес, у которого вместо дубины лом, — принялся сам колоть глыбы вара. Мы перебросили запасной трап, те двое засновали взад-вперед с тачками. Ни минуты передышки. Больше всего меня поражал Беляец: вроде худенький, гибкий, но при этом яростный и выносливый. Летняя ночь, то и дело звучат

шуточки на предмет того, чем стоило бы в такую ночь заняться, что все это вместо того, чтоб сам знаешь чего, будь тут баба деревенская, да поздоровее, тогда б кой-чем другим погрохотали, так ведь? Я бы хоть сейчас! — покрикивал Хруль, подгоняя Беляйца:

— Толкай давай, толкай, а то я простаиваю, скучно.

К рассвету все было готово. Я помню, как на последнем грузовике уехал мой Спенсер Трейси. Хруль, Хартанович, Беляец нечеловечески устали, но все же пошли со мной в барак. Я сел считать. Они заглядывали мне через плечо, ожидая результата. Сколько? Пятьсот. Ровно пятьсот? Тютелька в тютельку. По тридцать три рубля на нос. (Удивительное дело, я на всю жизнь запомнил, сколько они заработали). Господа, сказал я, но вы и так проделали невозможную работу. Я же подсчитал. И без моего рацпредложения было бы процентов триста. Потрясающие парни!

На другой день Гейер долго изучал наряд, где была подробно расписана вся работа. Из деревни, из конторы прикатил на велосипеде инженер Дежуров. Прискакал инженер Бжозовский. Оба глазам своим не верили. Трое расконвоированных военнопленных за одну ночь загрузили в котлы сорок тонн битума. Плюс разгрузка четырнадцати грузовиков. Бжозовский недоверчиво спросил:

— И где эта смола?

— Да вон там, в котлах.

Да уж, доказательства были неопровержимы, смола клокотала, как густая каша — вот-вот начнет выкипать. Мы схватились за весла — выпустить пар из кипящей смолы.

РЕПЛИКА (к вопросу об «Анти-Катыни»)

От редакции

Драматические события в мире отодвинули на задний план споры об истории. Однако для поисков истины нет неподходящего времени, особенно если не знание истины может вбить клин между народами и государствами. Поэтому мы еще раз возвращаемся к судьбе советских военнопленных, взятых поляками во время войны 1919-1921 гг. Случай к этому подал только что полученный нами и очень важный документ — записки одного из военнопленных, напечатанные 70 лет назад в «Новом мире». В них представлена вся тяжесть судьбы советских военнопленных в Польше, показаны условия, в которых им пришлось жить, и в то же время этот текст полностью опровергает лживую версию о плановом уничтожении военнопленных польскими властями.

Журнал «Новая Польша» (№11 за 2000 г.) с полным правом, по-моему, обратил внимание на некоторые статьи в российской печати, где проступает очевидное желание уравнивать с катынскими расстрелами обращение с советскими военнопленными, красноармейцами, в Польше в 1919-1921 гг. Польские авторы (З.Карпус, Б.Скарадинский) в том же номере справедливо усматривают в этом попытку «нейтрализовать» катынское преступление некоей «Анти-Катынью», задним числом и «за чужой счет» обелить сталинский режим. И нельзя с ними не согласиться: утверждения, будто условия содержания в польском плену в 1919-1921 гг. — тот же геноцид, полная историческая нелепица. В самом деле: утверждать это, значит, искусственно возрождать старый (в данном случае исторически совершенно несостоятельный) спор, вражду «славян между собой»!.. То есть, в конечном счете ни больше, ни меньше, как поддерживать заведомо порочные националистические, более того — великодержавные настроения.

В связи с этим хотелось бы предоставить слово одному — и очень мне близкому — очевидцу тех давних лет. Весной 1919 года мой отец, Я.Б. Подольский, попал под Житомиром в плен к полякам. В 30-х годах сотрудник отдела печати Наркоминдела (нынешний МИД), в 1937 году расстрелянный наряду с другими «врагами народа» за «шпионаж» в пользу Польши, он в то время был дивизионным культработником. Его воспоминания «В польском плену» (под псевдонимом Вальден Н.А.) были опубликованы в 1931 году в журнале «Новый мир» (№№ 4-5). Спор об «Анти-Катыни» побудил меня заново, под соответствующим углом зрения взглянуть на рассказанное им. Хотя не следует забывать, что писалось его воспоминания в 30-е годы в СССР, притом членом партии, тем не менее, отец явно стремился быть по мере возможности объективным, не оправдывая, но и не очерняя поляков.

Из этих воспоминаний явствует: советских пленных не уничтожали поголовно, преднамеренно, по приказу сверху. Плен есть плен, и «война это всегда грязь и жестокость» (как пишет Б. Скарадинский). Да, советских пленных подчас били, над ними издевались, они умирали от голода и болезней, бывали злоупотребления и расстрелы. Но сравнивать это с Катынью просто кощунственно! С геноцидом тут не было ровно ничего общего. И еще одно видно из воспоминаний отца: польские врачи, офицеры, солдаты старались при случае облегчить страдания узников. Во всяком случае, по свидетельству прямого очевидца, участь их на польскую «Катынь» никак не тянет!

Хотелось бы сказать еще о своем несогласии с Б. Носовым, интервью с которым также опубликовано в «Новой Польше». По его утверждению, поляков потрясла гибель 20 тысяч расстрелянных земляков, потому что это была элита, цвет польской интеллигенции, а потомки их — ...«и сегодня польская элита. И память о Катыни, как хвост за кометой, будет тянуться на протяжении поколений». Красноармейцы же, погибшие в плену, были вчерашними крестьянами, и «никто уже», по словам Носова, «сегодня их не помнит. Так что их потомки не требуют никаких объяснений».

Тут, по-моему, дело в другом. И будь на месте польских офицеров простые солдаты, потрясение и возмущение в польском обществе было бы ничуть не меньшим! Ибо это явление нравственного порядка. Оно свидетельствует о «качестве» польской и российской элиты. И если совесть последней не слишком тревожит гибель 20 миллионов соотечественников, то что уж говорить о поляках, расстрелянных в Катыни...

Ниже привожу, как мне кажется, исторически небезыңтересные зарисовки моего отца, озаглавленные им: «В польском плену».

Н. Подольская

ЖИТОМИР. ВЕСНА 1919 ГОДА

...Низко-низко – кажется над самым окном – пролетает польский аэроплан.. В соседней комнате кто-то падает на одно колено и палит по непрошеному гостю из винтовки. Рокот мотора не прекращается. Злополучная птица благополучно улетает.

К вечеру встречаю двух приятелей, они в полном боевом снаряжении, ведут под уздцы лошадей, собираясь пробиваться верхом на соединение с нашими частями. Отступление по железной дороге уже отрезано поляками... Я бреду по дороге к вокзалу, где должен заночевать у одного товарища по работе.

Под утро просыпаюсь от шума и крика: мой приятель полуодетый мечется по вагону, ругаясь самым неистовым образом. В общей суматохе нас, оказывается, забыли прицепить к отходящим поездом.

Бросаюсь в нашу походную канцелярию. Тут же, на откосе, у вагона развожу огонь, – сжигаю кипы донесений, сводок, планов культурботы. Слышится жесткий, режущий слух пулеметный огонь подходящих польских частей.

...Пулеметный стрекот все ближе. Визгливо проносятся пули. Я медленно иду по дороге к вокзалу. Ощупывая и выворачивая карманы, разрывая в клочья бумажки и удостоверения, лихорадочно думаю все об одном и том же: как быть, что делать?..

Буфет первого класса, куда я вошел, был совершенно пуст. Вдруг, как на экране, показалась передо мной голубая фигурка молоденького румяного польского солдата. Я отбросил револьвер: сопротивление было бесполезно. В окна и двери лезли поляки. Солдат ткнул меня штыком в ногу и велел идти впереди себя. Через несколько минут мы наткнулись на «пана поручика». «Пся крив – большевик!», – ощерился он и начал выворачивать мои карманы. Я стоял, как истукан. Вдруг меня ударило, как электрическим током, – из моего бокового кармана выпала записная книжка, которую я впопыхах забыл уничтожить, – рапорты заведующих полковыми школами, отчеты о митингах... Неужели смерть?..

...Резким движением офицер вышиб у меня записную книжку, вынул револьвер и предложил следовать за ним в сторону от железнодорожных путей...

По непонятным законам ассоциации я неожиданно обратился к офицеру с какой-то французской фразой, – я очень хорошо владел французским языком еще с гимназических лет.

Что я сказал в дуло револьвера, сейчас не помню, по всей вероятности нечто совершенно бессмысленное. Но офицер даже в лице переменялся, и его рука, с пальцем на курке, опустилась. С болезненной медлительностью я почувствовал: «Спасен...»

– Вы француз? – по-французски же спросил он меня

Я понес нечто совершенно несуразное, – моя мать, мол, француженка, и я собираюсь во Францию и т.д. и т.п.

Мы вернулись на вокзал... Поручик взял записную книжку и прошел со мной в какое-то вокзальное помещение, где за столом заседало высокое начальство, а по углам жались те пленные, которым позволено было остаться в живых.

Поручик сказал полковнику (кажется, это был полковник): «Мобилизованный, образованный человек, говорит по-французски», – и тут же добавил, что около меня найдена полевая книжка, но я отрицаю, что она принадлежит мне.

– Не так ли? – спросил он, обращаясь ко мне.

– Да, кажется, это не моя книжка, – совершенно обалдело ответил я.

Полковник, вначале хмуро глядевший на меня, как-то опешил от моего идиотского ответа. Воспользовавшись некоторым замешательством, поручик проворно вырвал листки, скомкал и бросил в угол... Щелкнув шпорами, он вышел. Больше я его не видел.

...Итак, я вернулся на землю.

На перроне валялись трупы людей, явно не защищавших с оружием свою жизнь. Большинство штатских, несколько женщин. Колотые раны говорили о том, что причина смерти – не шальная пуля. Трупы полуодеты. Рослый крестьянский детина, отложив винтовку и выпятив губу, стаскивает с мертвой женщины меховую кофту. Он заметил мой пристальный взгляд и, нагло улыбаясь, подошел ко мне.

– Хороши буты, – сказал он, указывая на мои ботинки.

Я не сразу понял, что он имеет в виду.

– Снимай зараз! – грубо закричал он.

Я снял ботинки, а через несколько минут оказался в одном нижнем белье...

Теперь понятны писания польской прессы о нищенской экипировке красноармейцев. Пока наши доходили до «штатского» мира, – если доходили вообще, – они оказывались действительно в ужасающем виде...

Под усиленным конвоем нас погнали в город и заперли в четырехэтажном здании бывшей гимназии... Внезапно я почувствовал всю тяжесть и горечь пережитого и предстоящего. Я мысленно прощался со своим советским двойником, с культработником N-ой дивизии, если не навсегда, то надолго.

...Нас послали чистить отхожее место. Тут же стояли несколько польских солдат и, мило пошучивая, покалывали штыками того или другого пленного, не обнаружившего достаточно рвения. Потом, подгоняемые прикладами и пинками, мы опять поднялись к себе наверх. Там нас заперли на ночь, бросив предварительно по куску хлеба... На следующий день нас не посылали на работу и не кормили... Ночь. Все заснуло. Вдруг я услышал, как осторожно отпирают замок, услышал бряцанье сабель, топот ног.

«Выводят на расстрел», – подумал я. Минута-другая ожидания. Дверь раскрывается. В комнату вносят большую посудину с каким-то варевом.

...Ранним утром следующего дня нас выстроили во дворе и, после переключки, сопровождаемой бранью и зуботычинами, повели на вокзал. Я едва держался на ногах, – меня качало из стороны в сторону. Кто-то сказал унтеру, что у меня жар, я брежу. Он остановился на минутку и, сказав «добре, добре», махнул рукой и пошел дальше. Он был прав, этот бравый унтер. Мне бы несдобровать в Житомире...

Ехали мы не день и не два, а целых двенадцать. Народу было много, так что мы согревали друг друга. Но от меня, как от больного, естественно все сторонились. Я лежал один и то мерз немилосердно, то весь горел, мучаясь палящей жаждой.

Мы явно мешали жить сопровождавшему нас унтеру – простому крестьянскому парню. Чтобы вознаградить себя за беспокойство, он не кормил нас, присваивая себе те жалкие гроши, которые отпускались вероятно на нашу кормежку. А может, я клевету на пана Владека?

Во всяком случае семь-восемь дней мы оставались абсолютно без всякой пищи...

Многих мы недосчитались за нашу поездку, и на многих вероятно продолжал наш «старшой» выписывать несуществующие путевые расходы...

Но всему приходит конец. Наш поезд пришел к месту назначения – в Станиславово, в Галицию. Там я, наконец, попал в госпиталь. Врач посмотрел на меня и сейчас же послал за носилками...

Через полчаса я очутился на чистой больничной кровати. На ночном столике стояли склянки с лекарствами. Трудно выразить, что я почувствовал, очутившись в больнице. Спокойный голос врача казался мне музыкальным. Скучный больничный обед я ел медленно, смакуя каждый глоток...

Капитан медицинской службы, знающий и строгий человек, он лечил меня как больного, стараясь не задумываться ни над чем сторонним. Либеральный интеллигент, он, может, чувствовал ко мне жалость как к незащитному, слабому и больному человеку. Но ничем этого не выказывал, и делал всё, что полагалось. А ведь чем лучше меня лечили, тем скорее приближался момент выписки, о котором я не мог думать без содрогания... Необычайно цепко хватаясь за жизнь, я быстро освоил польский язык и читал польские газеты, которые мне украдкой приносила старшая сестра...

Меня выписали из больницы и автоматически направили в петлюровский лагерь формирования. Что ж, попробуем напялить новую кожу!..

...Но на меня донесли: я был арестован и отведен в помещение караульной роты... Допрос велся офицером из киевских присяжных поверенных. Он старался соблюдать видимость законности... Дело было плохо: на территории УНР (так называемой Украинской народной республики), в лагере формирования, где действовали законы военного времени, обнаружили большевика! Как на зло нашелся какой-то служащий, якобы знавший меня по работе в Киеве.

«Плохо мое дело», – думал я, лежа на нарах в караулке.

...Не знаю, что случилось, – приехала ли какая-то американская комиссия или госпитальный доктор помог, – только в одно ненастное и невыразимо прекрасное утро с меня сорвали петлюровскую форму – так сказать, разжаловали, – погрузили в одном белье в товарный вагон и отправили в штрафной концентрационный лагерь в Вадовицах.

Конвойный попался подходящий – малограмотный, но толковый и незлой парень. Ему импонировало, что его прикомандировали к моей особе – не просто пленного, но еще и государственного преступника. Кроме того, я умел читать по-польски и разбирался в газетах лучше него. Некоторые шероховатости и опасности представлял лишь вопрос моей кормежки. Но я был очень непритязателен, понимая, что нельзя предъявлять слишком больших требований к лучшему польскому капралу. Отношения наши стали почти сердечными, когда я неожиданно стал доходной статьей для моего конвоира. Дело в том, что кто-то надоумил его выдать меня за сошедшего с ума польского солдата. (Из-за злочлчений я действительно производил впечатление не вполне нормального человека). С моего молчаливого согласия, Юзек стал собирать для меня добротные подаяния, львиную долю которых брал, разумеется, себе.

И вот лагерь – какие-то погребя, засыпанные сверху землей. Сыро. Чувствительно покусывают крысы. Голодно, холодно. В пять часов утра появляется здоровенный, краснорожий унтер с суковатой палкой в руке и орет:

– Вставать, пся крев! Вставать! Але прендко!

Чуть зазевался – и с наслаждением хватит тебя палкой по чем попало. В обеденное время давали резко зловонную жижу с куском хлеба – это составляло наш ежедневный рацион.

Слышу протесты возмущенного польского патриота, который цитирует официальные отчеты с указанием, что на каждого военнопленного полагалось столько-то граммов жиров, углеводов и т.д. Допускаю. Именно поэтому польские офицеры так охотно шли на административные должности в концентрационных лагерях. В самом деле, и крамолу искоренишь, и самому тепло и сытно.

Ночью по нужде выходить опасались. Часовые как-то подстрелили двух парней, вышедших перед рассветом из барака, обвинив их в попытке к бегству. Пресловутая попытка к бегству и оскорбление начальства стоили жизни не одной сотне наших пленных. Подозрительных зачастую переводили в штрафной барак штрафного лагеря – оттуда уже не выходил почти никто. Я туда не попал, потому что был все-таки очень слаб, и, по диагнозу наших палачей, должен был в скором времени подохнуть и без применения особых мер.

Сразу по прибытии в лагерь, капрал направил меня на работу: ползать на коленях по лужайке, выпалывая ее до последней травинки.

Я: Болен, не могу идти на работу.

Капрал (издевательски): Хворый, пся крев! Зараз будешь здрув!

Хлоп! – и меня ожгло по щеке. Я повалился на землю.

Если бы мой «собеседник», посмотрев на меня повнимательней, подметил выражение моего лица – меня можно было расстрелять на самом что ни на есть законном основании. Но капрал менее всего вдавался в психологию; он дал мне еще одного тумака, от которого я снова свалился, пнул ногой и ушел...

Тянулись мучительные дни. Капрал оставил меня в покое лишь после того, как зверски избил палкой так, что я не мог открыть глаза. Я был в таком состоянии, что ударов почти не чувствовал.

...Как-то в ясный, холодный день я, ковыляя, отправился на врачебный осмотр. Капрал удивился моей прыти, но милостиво отпустил.

...Большой вадовицкий госпиталь ничем не напоминал опрятной больницы в Станиславове. Меня привели в длиннейшую сумрачную палату и поставили у койки дожидаться врача.

Пани докторова – я так и не узнал ее фамилии – внимательно, чуть брезгливо посмотрела на жалкую, прислоненную к стене фигуру.

... Случайно я попал в хорошие руки. Санитар принялся было срывать заскорузлые, невыразимо грязные повязки. Докторша отстранила его взглядом и принялась отмачивать горячей водой присохшую марлю. Я лишился чувств. Потом меня выкупали, докторша промыла эфиром ранки и нарывы.

Кормили нас по сравнению с лагерем изысканно-обильно, но на скромные человеческие стандарты – очень и очень плоховато. В лагере я вообще гнил и медленно умирал. Здесь же, придя понемногу в себя, начал набираться сил. Но выздоровление шло крайне медленно... Особенно плоха была правая нога...

Моя докторша пригласила на консилиум врача из соседнего барака. Солидный майор грубо осмотрел меня и высказал предположение, что язвы сифилитического характера. Докторша упрямо-капризно мотнула стриженной головой.

– Яки нонсенс! – Как сейчас вижу густые, нежные, медного отлива волосы. Совсем гнедая лошадка. «Гнедка» называл я ее про себя.

Пан майор подумал еще с минуту.

– Во всяком случае, ногу не спасти. Резать надо.

– Подумаю, – недовольно ответила «Гнедка».

Через пять минут она снова была около меня.

– Пусть пан не волнуется. Резать не дам.

Я устало закрыл глаза.

Хотя я и лежал в военном госпитале, хотя французские благодетели поставляли горы всяких медикаментов, – во всем ощущалась чрезвычайная скудость. Не хватало йода, бинтов. Перевязки менялись польским солдатам не чаще двух раз в неделю. О пленных, лежащих в лазарете, и говорить не приходится.

Чем я был для «Гнедки»? Офицером неприятельской армии, человеком чуждых убеждений, социальным врагом. И все же эта полька, судя по всему типичная представительница своего класса и своей эпохи, очень часто приходила ко мне, крадучись, поздним вечером, осторожно снимала смрадные бинты и, наложив свежие повязки, уходила такая же далекая, как всегда...

– Яки смутны очи, пан... – вот единственные слова, которые я услышал от нее.

В палате лежали и наши, советские, пленные, и петлюровцы, и галичане, и польские граждане... Мы почти не беседовали друг с другом. Наша сестра – отвратительное и злое создание – требовала, чтобы все говорили по-польски. Она шныряла по палате, как летучая мышь, подслушивала и доносила начальнику госпиталя...

... Несмотря на самый свирепый отбор, госпиталь стал понемногу пополняться. В лагере по-прежнему царил голод, к этому добавлялись изнурительные работы, бесчеловечная жестокость... Но теперь к ним подошли на подмогу сильные союзники – дизентерия, тиф, скарлатина, холера. Больные сотнями умирали в лагере и десятками в госпитале. Не могу назвать точной цифры наших, побывавших в польском плену, но вряд ли ошибусь, сказав, что на каждого вернувшегося в Россию приходится двое, похороненных в Польше...

Впервые за все пребывание в лагере власти разрешили пленным полезный труд. Артели плотников и дровосеков трудились над изготовлением гробов – много их, белых и некрашенных, проплыло, покачиваясь, по улицам нашего больничного городка...

Наступил день выписки. С утра по палате пополз шопот, что ожидается посещение какого-то доктора-ревизора. Барак будет очищен от всех выздоровевших и выздоравливающих... Капитан Стачинский, вихрем ворвавшийся в наш барак, собственноручно срывал рубахи с пациентов и на ходу ставил диагноз, выметал, как сор, едва оправившихся людей с полузажившими ранами... Еще один миг – и Стачинский остановился у моей кровати.

– Что с ним?

– Лихорадка, – быстро соврала докторша.

– Лихорадка! – вскричал он. – Пусть лихорадит в лагере!

... Не знаю, как уж это устроила «Гнедка», но я остался в госпитале...

... Марина Верачек, дочка довольно крупного польского чиновника, появилась как-то в нашем бараке с кипой книжек, останавливаясь у постели польских солдат, завязывала беседу, предлагала

что-нибудь для чтения... Хорошенькая, молоденькая, она стала приходить в госпиталь почти каждую неделю. У моей постели она, конечно, не садилась, даже не задерживалась дольше пяти минут. Но ее посещения действовали почти так же сильно, как уход моей докторши. Я любовался ею, как любят статуэткой, редкой находкой из другой эпохи, из другого мира. Я изголодался по изяществу и красоте. Она была для меня не польской дворянкой, представительницей чуждого класса: истомившееся воображение отбрасывало все это прочь, оставляя только зернышко вечно женской участливости и ласки.

...«Гнедка» решила добиться, чтобы мне позволили работать помощником писаря в одном из барачков, якобы из-за недостатка грамотных людей, знающих польский язык. Хотя должности такой не существовало и грамотных людей, знающих польский язык, хватало. К тому же это было грубое и опасное нарушение закона. Но моя заступница добилась своего. Так я стал помощником писаря в венерическом бараке...

...Хотя поляки приняли кое-какие меры, холера, дизентерия, тиф продолжали свирепствовать в лагере. Двух основных условий – чистоты и хорошего питания все равно не было и не могло быть... Приезжала какая-то американская комиссия, привезла одеяла, фуфайки, кучу всякого продовольствия. Наши, конечно, ничего из этих благ не увидели, да и польских солдат только мазнули по губам...

...Дни шли за днями. Я выполнял свою работу, совершенствовался в польском языке, тихо не доедал и томился в плену...

...Зима подходила к концу. Поговаривали об обмене отдельными пленными, о подготовке к отправке эшелонов. Но все это тянулось бесконечно долго. В Варшаву приезжала советская комиссия из Центропланбежа. Мы особенно опасались того, что о нас забудут, оставят чуть ли не последними в Польше. Как снестись со своими из этой проклятой дыры, как дать знать о себе, если и найти какие-либо пути? Ведь все мы были занесены в списки под более или менее вымышленными фамилиями...

...В этой до тошноты, до головокружения зыбкой неопределенности получаю вдруг записку от Марины. Сухой, деловой тон. Ей нужна практика в английском языке. Так как в городе нет ни одного человека, знающего английский язык, папа разрешил ей заниматься со мной и получил у полковника под свою личную ответственность разрешение выдавать мне раз в неделю пропуск для посещения города. Чтение этого письма было, пожалуй, одной из самых счастливых минут в моей жизни. Шутка ли: возможность пойти в город, то есть, первый шаг к освобождению!..

...Необычайно ясно помню большую проселочную дорогу, обсаженную вязами. Горбом поднималась вымощенная улочка. Она казалась мне нарядной, вымытой, чистенькой, хотя на самом деле городишко был грязный, а дорога – ухабистой. Вот и дом с гербом и колоннами – дом провинциального небогатого дворянина.

Меня ведут по винтовой лестнице в гостиную, в гостиной я нашел Марину, приличия ради с младшей сестренкой. Сажу в кресле, пью чай с печеньем, слушаю пустую, занимательную болтовню. Как будто в Москве зашел к скучающей соседке.

Чинная девочка с большими недоумевающими глазами скоро вышла. Мы остались вдвоем. Марина внезапно вернула меня к действительности.

– Пусть пан никогда не говорит, что был комиссаром, – сказала она вполголоса. – И остерегайтесь, пан, капитана Антоненко.

Вместо ответа я приступил к занятиям: ведь у нас был урок английского языка! Да и за дверью мог кто-то подслушивать...

... Мне довелось еще несколько раз побывать у моей ученицы. Странная мы были пара. Я не мог ей рассказать о моем прошлом, о работе. Она отмалчивалась о себе. Мы сошлись где-то на крутой тропинке и шли рядом. Гнали от себя мысли о разных дорогах, которые свели нас. Ведь они скоро разойдутся...

В одну из встреч Марина показала мне бледней обычного.

– Вот и кончились ваши мучения, – тихо сказала она. – Полковник готовит отправку эшелона в Домбе – лагерь под Краковым, оттуда вас отправят домой.

Эта новость потрясла меня. Я молчал, не будучи в силах собраться с мыслями.

... – Панна Марина, – сказал я с бледной, идиотски виноватой улыбкой, – приезжайте к нам в гости...

– Спасибо, – сказала она резче обычного. – Только вряд ли это удастся.

Я встал, пожал ее холодную руку, поднес к губам. Мы больше не виделись...

...Не помню, как нас «упаковали» в вагоны, как довели до Домбе. Один момент стоит в памяти. Денщик пана Верачека передал записку от Марины с просьбой не вскрывать до отхода поезда.

Тепло, ласково попрощалась со мною Марина – по-хорошему, по-товарищески просила принять от нее на дорогу пять долларов. Она просила прощения за маленькую уловку: не вскрывать до отхода поезда, – иначе я не принял бы.

Молодец Марина!

В большом лагере Домбе, целом городе с десятками бараков различных наименований и назначений, мы провели три-четыре недели. О жизни там пусть пишет тот, кто прожил там долгие месяцы.

Перед отъездом нас кормили лучше. Впрочем, мы в этом не так нуждались. В лагере была налажена связь с организацией, получалась небольшая денежная помощь, доставались припасы.

Зато поляки удвоили моральные пытки. За малейший проступок вычеркивали из очередного списка на отправку. При полной неопределенности и неизвестности о порядке составления списков и сроках отправления поездов эти милые шуточки отчаянно били по нервам.

...Перед отъездом нас повели в баню. Издевательски гигиенические купания стоили жизни не одному пленному. Часами дрожишь голый в холодном предбаннике, потом – струя тепловатой или чрезмерно горячей воды – и уже гонят дальше. На влажное тело натягиваешь мокрую, вонючую одежду, грязным комом брошенную из дезинфекционного отделения...

После бани нас отделили свирепым кордоном от остальной массы пленных. Несколько человек были застрелены за попытку передать записку отъезжающим.

Нам предоставили новенький санитарный поезд. Поляки недавно получили его у американцев. Бросались в глаза – особенно нам, босякам, – беленькие, чисто отлакированные откидные койки. Кажется хорошо? Но наши милые хозяева и тут не оставили своего издевательства, разместив нас по двое-трое на одной койке, так что мы не лежали, а сидели, согнувшись. В уборную пропускали с обычными затруднениями. Одним словом, делали все, чтобы заставить пленных испортить вагон и, может, поступали так с определенной целью: большевики в американском вагоне!..

...Мне кажется, что никто из пленных не спал. Но странно, не слышно было обычного перешептывания: каждый очевидно думал о том, как его встретят на родной земле...

ДНЕВНИК, ПИШУЩИЙСЯ ПОД ВУЛКАНОМ

Фрагменты звуковой дорожки фильма Анджея Титкова о Густаве Херлинге Грудзинском¹

Неаполь, август 1994

Анджей Титков: Как живется под вулканом?

Густав Херлинг-Грудзинский: Под вулканом — в буквальном смысле. Вон, вдалеке, Везувий. С 1944 г. он спокоен. Наверху там вулканологическая обсерватория, значит, есть надежда, что нас предупредят вовремя.

Когда я последний раз был в Польше, критик Томаш Бурек назвал мой дневник «Дневником, пишущимся под вулканом» [«Ночной дневник» писателя в дословном переводе — «Дневник, пишущийся ночью». — *Здесь и далее в квадратных скобках примечания редакции*].

Поездка в Польшу в 1991 г. стала для меня огромным событием. Не только потому, что я приехал на родину, где не был 50 лет, но еще и потому, что я увидел то, о чем мы, эмигрантские писатели, имели довольно смутное представление, — увидел, что у нас в Польше есть читатели. Мы ведь жили в очень специфических условиях: если я что-то публиковал здесь, за границей, в «Культуре» или «Библиотеке «Культуры»» [книжная серия, выходившая в издательстве журнала], то мог рассчитывать на отзывы самое большее двух-трех друзей, вот и все. Я бы хотел и впредь ездить в Польшу — эти поездки мне очень много дают.

Фрагмент выступления в Доме литературы (Варшава, май 1994)

После краха коммунизма в Польше, да и в других странах, я просто заново родился как польский писатель. Раньше я был вроде прокаженного. В тех странах, где мы жили, мы тоже были в некотором смысле прокаженными — как эмигранты, как, можно сказать, по определению ярые анти-

коммунисты. И еще нечто важное случилось после падения коммунизма: все эти коммунистические культурные «элиты» в западных странах тоже распались. Внезапно исчезли все коммунисты, которые нам мешали, ставили палки в колеса, — в один прекрасный день их не стало, как, впрочем, и в Польше. То, что произошло на свете в последние годы, сильно споспешествовало и моей писательской карьере: меня стали много переводить. Это потрясающе; жаль, что так поздно — мы уже старые люди.

Неаполь. Лето 1994, август

Я родился 19 мая 1919 г. в Кельце; в семье я был четвертым ребенком. У отца было небольшое имение в Стшелнице, между Кельце и Буском. Это время я помню только по бесконечным рассказам: какое изобилие царило в нашем имении, какие огромные там водились рыбы... все было огромное...

Отец продал имение и купил мельницу в Сухеднёве. Мои более или менее четкие воспоминания начинаются с того момента, когда меня, десятилетнего мальчика, записали в келецкую гимназию, носившую тогда имя Миколая Рея, а потом переименованную в гимназию имени Стефана Жеромского. Кельце и окрестности в то время, когда я стал гимназистом, были окутаны ореолом легенды Стефана Жеромского. Люди жили этой легендой, отыскивали места, где прошло его детство, где он учился, где бывал. Жеромский оказывал огромное влияние на формирование местной молодежи. Описывая Кельце в своих книгах, он всегда называл его как-нибудь по-другому, например Клериков или Лжавец. Жеромский необычайно способствовал распространению бунтарских настроений в обществе. Отчасти этим можно объяснить тот факт, что в шестом классе гимназии я оказался членом маленького кружка из пяти или шести подростков, заинтересовавшихся революционными идеями. Кружок наш я бы не назвал комму-

¹ Фильм снимался в Польше весной и осенью 1994 г., в Неаполе летом и в России (в Ерцеве и Москве) осенью того же года. Продолжительность — 58 мин. Производство киностудии «Хроника». Был показан по 2-й программе Польского ТВ в 1995 г.

нистическим, это было бы неточное определение, но мы обсуждали социальную проблематику и положение дел в Польше именно в таком ракурсе. Время от времени мы собирались, читали какие-то тексты. Одним таким текстом — это я хорошо помню — был польский перевод «Коммунистического манифеста». Кроме того мы покупали — кстати, совершенно легально — в главном газетном киоске издававшиеся тогда левые журналы, например, «Левар» или «Левый тор», они не были запрещены.

За этим киоском постоянно следил шпик, он доложил куда надо, и все члены нашего маленького кружка попали под надзор полиции. История эта продолжалась недолго, месяцев шесть, по-моему, но доставила немало неприятностей: нас на некоторое время исключили из гимназии; в конце концов, правда, восстановили. Я получил аттестат, и встал вопрос, куда идти учиться дальше. Отцу очень хотелось, чтобы я поступил в Высшую сельскохозяйственную школу.

Он надеялся, что когда-нибудь я вернусь в Сухеднёво, где у нас была не только мельница, но и кусок земли, и пруд, и займусь всем этим хозяйством. Я его желания не разделял — у нас даже возник на этой почве конфликт. Я поступил на польскую филологию. За учебу взялся очень энергично, был даже вице-председателем по науке в Обществе полонистов. Но проучился всего два года — поступил я в 1937-м. В Варшавском университете тогда бурлили революционные страсти — с уклоном вправо, — однако научный уровень был очень высок. Я и в политической жизни активно участвовал, был связан с группами, в то время считавшимися левыми, хотя скорее их следовало бы отнести к умеренно левым. Такой партией было прежде всего «Стронництво демократичне», но меня также очень привлекала (и симпатии сохранились) ППС [Польская социалистическая партия]. Так или иначе, молодежные журналы, с которыми я тогда сотрудничал — «Орка на угоже» [«Пахота на взгорье»], «Пшемянь» [«Перемень»], — были связаны со «Стронництвом демократичным» или Союзом польской демократической молодежи. Тогда же я начал пописывать в так называемые

взрослые журналы — как ученик Людвика Фрыде², человека поистине необыкновенного, объединившего вокруг себя группу полонистов. Я собирался заниматься научной работой, возможно, не порывая связи с университетом, — никаких особых писательских способностей я не проявлял.

Сразу же по окончании сентябрьской кампании, то есть в первые дни октября, я отыскал в Варшаве товарищей по довоенной политической деятельности — как раз из «Орки на угоже», «Пшемян» и т.д., — объединенных в спянную группу. Мы основали практически первый в Варшаве нелегальный журнал «Польский бюллетень», очень скромный, печатавшийся на ротаторе, и создали организацию, которую назвали ПЛАН (от *Polska*

Ludowa Akcja Niepodległościowa — Польское народное независимое действие). Все это происходило еще до возникновения Армии Крайовой с ее органами исполнительной власти, изданиями и т.д. и потому было необычайно ценным и важным. Тогда же у нас родилась идея, я бы сказал, несколько мегаломанская:

мы решили, что наша организация, наш маленький ПЛАН должен установить контакт с польскими властями (к тому времени уже было создано польское правительство за границей), а также попытаться основать подобную организацию во Львове, где у нас были друзья. Я перешел на советскую сторону, добрался до Львова и пробыл там довольно долго. Во Львове я познакомился с Марией Домбровской и ее другом Станиславом Стемповским. А также с великим Остапом Ортвином, с Лидией Цёлкош (с которой мы сохраняем дружбу по сей день) и ее маленьким сыном Анджеем, который впоследствии перевел мой «Иной мир» на английский. Домбровская и профессор Юлиуш Клейнер посодействовали моему вступлению в Союз литераторов, хотя оснований для этого никаких не было. Председателем Союза был Ортвин, а секретарем — Теодор Парницкий. Во Львове тогда существовали два писательских союза, и, выбирая тот или иной, ты как бы деклариро-

²Людвик Фрыде (1912-1942) — ведущий представитель молодого поколения полонистов.

вал свою позицию. Тех, кто записывался к Петро Панчу, считали людьми, готовыми сотрудничать с советской властью, усматривающими в ее установлении некий исторический шанс. А тех, кто записывался к Ортвину, относили к сторонникам национальной независимости, сохраняющим верность определенным принципам. Для советской власти Львов и его окрестности были своего рода полигоном будущих акций: там проверялась стойкость — или нестойкость — польской интеллигенции; кое-какие из тогдашних наблюдений использовались впоследствии, после образования ПНР.

Мое пребывание во Львове заканчивалось. Хозяева квартиры в доме трамвайщика, где я жил у своего приятеля, дали понять, что дольше держать меня у себя не могут и мне пора выметаться. Времена были тяжелые, да и политически я становился неблагонадежен. И я решил уехать. Через маленькие городки восточной Польши — Горынь, Столин — и Луцк добрался до Гродно. Там находился Польский театр, которым руководил Александр Венгерко, и кукольный театр под руководством Владислава Яремы. Меня взяли в кукольный театр; работу дали чисто техническую: лобзиком выпиливать из фанеры отдельные части кукол. Платили гроши: ведь я не был ни актером, ни творческим работником. Одновременно я готовился к исполнению своей миссии, то есть к отъезду за границу. Я тогда ухаживал за одной юной особой, студенткой Государственного института театрального искусства, и переходить границу мы собирались вместе. Я нашел проводника с замечательной фамилией Мицкевич, который оказался обыкновенным агентом НКВД. Он вывез нас с Крысей за пределы Гродно, а через десять минут подъехал грузовик НКВД и доставил нас напрямую в гродненскую тюрьму. Там в один прекрасный день мне зачитали приговор — разумеется, заочный; я получил пять лет. Впереди был путь, который через Витебск и Ленинград привел меня в мой каргопольский лагерь. (...)

Меня уже считали «доходягой», то есть человеком, которому... немного осталось. Я был ужасно истощен, от цинги весь покрылся нарывами, почти не мог ходить; меня перевели в специальный барак, который на лагерном жаргоне называли «мертвецкой». По сути, я выдержал меньше двух лет, хотя был молодым и здоровым.

Восемь поляков — семь мужчин и одна женщина, я в том числе, — решили объявить голодовку. Это был отчаянный шаг, мы не знали, что нас ждет; советские заключенные наблюдали за нами со страхом: у них в головах не укладывалось, как можно бросить вызов советской власти, и они нас сторонились, словно зачумленных. Так что, если б не польско-советский договор и амнистия, я бы, скорее всего, из этой «мертвецкой» не вышел. Но договор был подписан, и лагерное начальство не рискнуло поступить так, как поступило бы в обычных условиях: за такой протест в виде голодовки всех восьмерых наверняка поставили бы к стенке.

Вскоре после этой голодовки нас выпустили. Когда меня и других поляков освободили, пришлось время прощаться с друзьями (у меня их было еще больше, чем у других). Мы прощались с тяжелым чувством, понимая, что выходим только потому, что мы поляки, а они — не поляки и поэтому остаются в лагере. Это было ужасно: прощанье возле вахты, у лагерных ворот...

Освободили нас 20 января 1942 г.; до 10-й польской дивизии в России мы добрались 9 или 10 марта. Долгое время нам трудно было разговаривать: мы больше молчали, словно бы вспоминая и заново переживая уже пережитое. Вся наша армия походила на библейских евреев, которых Моисей выводил из египетского плена. И к Андерсу, который вывел нас из России, так и относились...

В Таранто мы прибыли в канун Рождества 1943 года. У меня (по неизвестной причине) поднялась очень высокая температура, и прямо из порта меня отвезли в британский госпиталь невдалеке от Салерно, а потом отправили в специальный лагерь выздоравливать. Лично для меня это оказалось очень важным: туда, в Сорренто, была эвакуирована семья моей [будущей] второй

жены, там я с ней познакомился, там познакомился и с ее отцом Бенедетто Кроче.

В свою часть я вернулся перед началом битвы за Монте-Кассино. Шел май 1944 года...

Дом литературы, Варшава, 9 мая 1994

Часто можно услышать вопрос: «Зачем нужна была эта битва?» Учитывая, что встреча в Тегеране уже состоялась и мы примерно представляли себе дальнейший ход событий, я могу ответить только так: мы ждали этого сражения очень долго, тренируясь в пустыне — в Ираке, Иране, в Палестине и Египте; солдаты все как один надеялись, что в конце концов битва будет, обязательно будет, и я лично считаю: если бы Андерс в тогдашней ситуации, после Тегерана, решил, что Польский корпус не станет участвовать в этой битве, командование согласилось бы с ним беспрекословно, но вот солдаты были бы категорически против...

Неаполь, лето, август 1994

Я никогда не чувствовал себя солдатом, просто делал что мог; я считал — и даже подчеркнул, — что так называемая боевая отвага проистекает из желания преодолеть страх...

Конец войны был для нас ужасным. Мы очень много пили — не потому что нам это нравилось, нет, от отчаяния. В Италии праздновали освобождение Европы, самой Италии, на улицах пели, танцевали, а мы слонялись по Риму (я тогда жил в Риме) как люди, которые не знают, что с собой делать, которые формально эту войну выиграли, а фактически — проиграли. Однажды я возвращался с очередной дикой пьянки; в туннеле, ведущем в центр Рима, меня сбили с ног и подчистую ограбили. Проснувшись утром — всю ночь я проспал в этом туннеле, — я обнаружил отсутствие не только денег, но и самых драгоценных для меня документов, в том числе фотографии, на которой генерал Соснковский³ вручает мне за битву под Монте-Кассино орден «Виртути милитари» [«За военную доблесть», *лат.*].

Тогда возник вопрос: возвращаться или не возвращаться? Разумеется, многие из нас, прежде все-

го те, у кого были на родине жены, дети, родственники, решили вернуться, хотя после того, что пережили, ужасно боялись. Были и такие, что отказались возвращаться. Я отношусь к последним: нам казалось, что в этом есть определенный смысл. Корпус готовился к отправке в Англию, я же остался в Риме. Несколько человек тогда по инициативе Ежи Гедройца основали «Институт лите-рацкий» и «Культуру», я к ним примкнул. В Париж я не поехал по сугубо личным причинам: в Италии я женился на художнице Кристине Стояновской, и мы переехали в Лондон. Пять лет я провёл в Лондоне и — признаюсь откровенно, хотя это относилось ко всем нам, — страшно там бедствовал. Одно время мы с женой жили у Цёлкошей — тогда завязалась наша крепкая дружба, и тогда же я начал подумывать о написании книги, что — по причинам чисто материального свойства — было очень трудно осуществить. К счастью, эта святая Лидия Цёлкош отыскала каких-то своих знакомых в провинции, и они пригласили меня на месяц в Регби — тот самый знаменитый Регби; целый месяц я мог только писать и ничего больше не делать.

Встреча в театре им. Остервы в Люблине, май 1994

«Иной мир» я писал не так, как другие свои произведения, по особым правилам: ведь материал я черпал из собственного опыта. Можно сказать, что мысленно я писал эту книгу несколько лет. И если обычно я пишу с немалым трудом, то, работая над «Иным миром», почти ни одного слова не вычеркнул — он был написан за год будто на одном дыхании... поразительно... Будто уже существовал в голове. Потом книгу опубликовали — вначале по-английски, в переводе Анджее Цёлкоша. Она пользовалась большим успехом, а главное — появились превосходные, правда, превосходные рецензии...

Неаполь, август 1994

...Ну и была выпущена подряд двумя тиражами, один за другим, что тогда в Англии было немаловажно. Во Франции книгу приняли, но потом отвергли, несмотря на огромные старания Альбера Камю, который в то время был внутренним рецензентом в издательстве «Галлимар». Он был от нее в восхищении и написал мне открытое письмо: что книга должна быть опубликована во всем мире, что она этого заслуживает и т.д., но что уго-

³Казимеж Соснковский (1885-1969) — генерал, политик; в 1939-1941 входил в состав лондонского эмигрантского правительства; в 1943-1944 — главнокомандующий Польскими вооруженными силами на Западе.

ворить директора «Галлимара» ее издать ему не удалось; он еще добавил иронически одну фразу — я даже помню, как она звучит по-французски: «*pour raison financières, je crois*» [«...думаю, по финансовым причинам»].

...А потом Пиво заявил в своих «Апострофах» [телевизионной передаче о новых книгах]: «Не хочется верить, что такая книга тридцать лет не могла быть издана во Франции. Это позор».

Театр в Люблине, май 1994

Я действительно считаю, что одиночество очень важно для писателя. Можно из-за этого страдать, мучиться, но, вступив на путь творчества, к этому нужно быть готовым. Как писатель, я почти сорок лет был совершенно неизвестен. Я не отношусь к тем любимцам публики, которых узнают в кафе, с которыми все раскланиваются: ах, дорогой, как вы замечательно выглядите, какую замечательную книгу вы написали... Я считаю, что жизнь — это просто ежедневная борьба за самого себя. Не бывает такого, чтобы человек сформировался раз и навсегда. И рецепт счастья прост: оставаться верным себе.

Неаполь, август 1994

Англия — тоже трагический период в моей жизни: в Англии умерла моя жена. Это случилось вскоре после моего вынужденного отъезда в Мюнхен, на «Свободную Европу», хотя прежде я всячески туда ехать отказывался. Я не чувствую себя журналистом и боялся чисто журналистской работы, но в конце концов под давлением обстоятельств поехал на эту «Свободную Европу», где проработал три года. Вскоре после моего приезда в Мюнхен (куда я собирался — имея такое право — вызвать жену и ее приехавшую из Польши мать) жена моя умерла.

В Неаполе я поселился осенью 1955 г. со своей неаполитанской женой, которая, впрочем, некоторое время прожила со мной и нашим первым ребенком в Мюнхене: женившись, я не сразу ушел со «Свободной Европы».

Первый период был для меня необычайно трудным — по разным причинам, прежде всего

психологическим. Неаполь — очень замкнутый город, мало интересующийся тем, что происходит за его пределами, не только в Европе и во всем мире, но и в самой Италии. По-настоящему неаполитанцев волнуют только их собственные, местные проблемы. Политическая ситуация для меня была крайне неблагоприятной. Хотя на дворе стоял 1955 год, атмосфера оставалась неизменной, то есть во всем и особенно в культурной жизни тон задавали коммунисты. Они огородились своего рода стеной, которую трудно было пробить, тем более такому человеку, как я, который с самого начала слыл антикоммунистом и реакционером; дошло до того, что меня называли фашистом.

Ежи Гедройц предложил мне каждые два месяца приезжать на месяц в Мезон-Лаффит, в «Культуру»; я принял предложение и, таким образом, проводил в Мезон-Лаффите по четыре месяца в году. Так продолжалось около двадцати лет, до моего инфаркта, после которого доктор заявил, что он категорически против такого образа жизни. С тех пор я живу тут и с Гедройцем общаюсь при помо-

щи факса.

Году в 70-м, после смерти Хостовца-Стемповского и Гомбровича, в «Культуре» образовалась какая-то пустота. Я всегда вел для себя дневник и, когда это случилось, предложил Гедройцу, что попробую заполнить эту пустоту, — и начал публиковать в «Культуре» свой «Ночной дневник». Было это в 1970-м, сейчас я готовлю шестой том...

Вся наша философия в «Культуре» — прежде всего Гедройца, но и моя тоже — базировалась на том, что ситуация должна измениться. Проблема заключалась лишь в одном: когда? Мы были глубоко убеждены, что не доживем до этого момента, что ничего своими глазами не увидим, но в том, что это произойдет, не сомневались.

Театр в Люблине, май 1994

По-моему, человек XX века не знает, кто он такой, — почему же я должен знать?.. Людями владеет ужасное ощущение растерянности, происходят страшные, неизвестные раньше вещи, вызывающие большую тревогу, но главное, конечно,

— ощущение полной дезориентации. Оказывается, недостаточно добиться всеобщего благосостояния, как о том мечтали «прогрессисты»...

Встреча в издательстве «Читальнику», май 1994

Одно мне совершенно непонятно: в Польше произошли такие грандиозные события — почему же они не находят никакого отражения в литературе? Наверное, просто надо набраться терпения и подождать... Впечатление такое, что об этом вообще не хотят говорить, как будто это чепуха. Просматриваешь все эти литературные еженедельники и ежемесячники и видишь: отовсюду так и веет пустотой... какие-то эксперименты — такие, сякие... вновь с тоской устремленные на Запад взгляды: мол, там, в Париже, что-то эдакое придумали... и так далее, в том же роде...

Люди ожидали, что после падения коммунизма все, как по мановению волшебной палочки, коренным образом изменится. Но этого случиться не могло и не случилось. Длительное воздействие такого строя, каким был советский, меняет людей, вынуждает их — просто чтобы выжить — совершать разного свойства поступки, и искоренить такое положение вещей за четыре года невозможно — нельзя себе сказать: всё, конец, делаем большой скачок и сразу попадаем в рай...

Неаполь, август 1994

Когда мне исполнилось 70 лет, меня открыли как писателя. И вот сейчас я пожинаю плоды, запоздалые плоды...

Кто-то умеет сочинять романы, где в персонажах можно узнать друзей и знакомых автора, но в целом это романы абсолютно вымышленные. Я на такое не способен, у меня совершенно иначе устроено воображение; в этом смысле я похож (сравнение, конечно, нескромное, но я это себе позволяю, потому что действительно похож) на

Стендаля, который обожал хроники. Хроники — потрясающий источник именно потому, что написаны сухо, отражают только факты, оставляя огромный простор рассказчику, но — чтобы поджечь порох — нужна искра. Вот в чем мой секрет.

Я считаю, что сегодня в хорошем литературном произведении должно непременно ощущаться своего рода метафизическое дыхание — и некая тайна. Тайна нашей жизни и всего мира. В человеке должна быть какая-то основа — верующий назовет это верой в Бога, неверующий повторит вслед за Францем Кафкой, что в каждом есть твердое ядро, которое уже никто и ничто не сумеет растолочь.

Я с самого начала был не расположен к Неаполю, вероятно, из-за собственных трудностей, хотя замечал и все то прекрасное, что видит прохожий, не спеша прогуливающийся по городу... И тем не менее не нравился мне этот город; я, собственно, пребывал в состоянии войны с Неаполем. Ситуация начала исправляться благодаря тому, что пошли на лад мои писательские дела; я словно бы примирился с Неаполем и сейчас могу его называть своим приемным родным городом.

Был один замечательный испанский художник, который, как и я, тут женился, у которого, как и у меня, тут родилось двое детей, которого ласково называли Спаньолетто (уменьшительное от «испанец»), который сросся с Неаполем, но сросся не полностью — он тосковал по своей Валенсии. Есть красивый рассказ о том, как в конце жизни он писал свою лучшую картину в церкви Сан-Мартино. Вечером, закончив работу, он спускался в Бельведер и смотрел на Неаполь. Он уже был болен, и известно было, что скоро он умрет. Так вот, глядя на Неаполь, он с ним примирился. Понял, что умрет в этом городе, — как и я понимаю, что в этом городе умру.

Анджей Титков

ПОСТКРИПТУМ, или Жизнь Франтишека Тытуша

С Франтишеком Тытушем я познакомился благодаря Мариушу Вильку, поздней весной 1992 года. Мы тогда были вместе в Ерцеве, готовясь к съемкам фильма о Херлинге-Грудзинском по сценарию Вилька. Проект этот, правда, не осуществился. Мариуш в тех краях бывал, я же туда попал впервые и жадно, с изумлением на все смотрел. В тот раз мы провели с Франеком и его семьей много времени: ели, пили, разговаривали...

Снова я приехал в Ерцево осенью 1994-го вместе с киногруппой. Мы снимали фильм о Херлинге-Грудзинском по другому, моему собственному сценарию. И тогда я решил, что стоит снять также Франтишека Тытуша. На пленке, оставшейся от съемок картины о Херлинге, мы в течение одного дня за несколько часов сняли этот фильм, стоящий особняком среди других моих работ.

Судьбы этих двух людей пересеклись в одной точке, хотя сами они никогда не встречались. Один стал выдающимся польским писателем, второй прожил свою трудную жизнь — до последних дней — в месте своей неволи. Франтишек Тытуш умер 24 апреля 1995 г. в Ерцеве-1. Его мечта увидеть Польшу не сбылась. Не увидел он и скромного фильма о себе, который был закончен в 1996 году.

Фильм о Франеке «Я уже ничего не боюсь» был сделан на киностудии «Хроника» для 1-й программы Польского ТВ; продолжительность 23 минуты.

РАССКАЗЫВАЕТ ФРАНТИШЕК ТЫТУШ:

Я уже ничего не боюсь. Чего бояться? И так конец, и эдак конец...

Родился я на «кресах», на Виленщине. До 39-го родители, деды-бабки и все родные там жили, и я тоже там жил. Отец мой на земле работал, имел 12 гектаров. Я учился в школе, седьмой класс закончил уже в Креве, местечко такое. Помогал родителям, потом поступил в гимназию, а гимназия была вместе с духовной семинарией. Вон тут, на фото, учителя-ксендзы, и я

после этой духовной семинарии ксендзом должен был стать. В гимназии мы проходили теологию. Теология это... понимаешь, Теос — это Бог, а Логос — ученье, значит, ученье о Духе Божьем... вот что такое теология. Еще бы четыре года — и посвящение в сан. Раньше-то я мог и Цицерона переводить, а теперь уже и по-польски говорить разучился, да простит мне тот, кто, может, в Польше будет слушать этого эзка, который на севере посеячас и еще живой.

В сентябре, в 39-м, пришли, протянули руку свободы, большевизм начал уже свои дела производить. Кого вывозить, кого сажать. Два года пробыли, в 41-м уже немец пришел. Меня взяли прямо из костела. У меня газета была, «Штандар вольности» [«Знамя свободы»]. В речушку, около Крева, местечко такое есть, Крево, воды попить, и еще троих... по хребтам, по хребтам, я уже жду, когда мне начнут этот хребет ломать. Ну, он тех отвел в сторонку, за угол — к дому повел. Гляжу: он уже там, за углом, не видать его, ну и я от них убежал. Домой-то уже не пошел, по знакомым, пока не открылась вооруженная Армия Крайова, и я вступил в ряды АК. Это ведь и смертью пахло, это была жертва за Родину... Я до сегодняшнего дня помню присягу, какую давал, могу даже повторить... «Перед лицом Всевышнего

осеню себя крестным знаменем и клянусь, что буду неколебимо на страже... встану на защиту чести Польши, за ее освобождение от оккупации буду драться до последней капли... крови...» (*волнуется, на глаза наворачиваются слезы*). Ничего с этой кровью не вышло, я и до сих пор еще живой. Не покалеченный и живой.

Вильно мы брали в 44-м, в июле. Бои были уличные, да, а улицы в Вильне узкие, тесные, народу полегло три тысячи восемьсот человек. Из Вильна нас отвели куда-то недалеко, километров на 5-6. Громадное такое поместье, Волчы Ямы название, около Вильна, место равнинное, от шоссе недалеко, и бригады из Виленского и Новогродского округов собрались на смотр и для получения каких-то приказов. Русские — наши союзники вроде бы, союзники наших союзников... НКВД — схватили нас, ликвидировали, генерала «Волка» арестовали, десятки офицеров, их всех под суд... Я уже был арестован.

Мне сон приснился, до того как арестовали. Вроде как открывает дверь высокая женщина, в белой такой одежде, и говорит: «Франек». А я вроде знаю, что нельзя откликаться. Поднял голову. Она спрашивает: «Ты знаешь, что будет 23-го?» — это было аккурат перед Рождеством. А я ей: «Откуда ж я могу знать?» Уже с ней разговариваю. «А будет большая-пребольшая перемена». И исчезла.

Точно в тот самый день, 23 декабря, я попал в руки НКВД, и тут уж мне, ясное дело, руки связали проволокой, потому как у них наручников не было, привязали к лошади, он на лошади, а меня, привязанного, аж до Сморгони, за 25 километров. Ну и тут уже начались допросы. Ох, как сладко было... Обвинили, суд был в Ошмяне, помню: 63 и 76. Изменник родины и переход [границы] — 76-я. Армию Крайову они так не называли, называли — бандой, десять лет лагерей и пять лет поражения в правах. Кое-кто мне советовал написать в этот Верховный совет, а я не хотел унижаться, такой уж характер, что не желал вставать на колени, да и перед кем... Ну и, зимой уже, в вагоны, неотапливаемые такие вагоны, и привезли сюда.

Я в лесу работал, норму надо было давать, шесть кубиков, а потом отвозили на быках, на лошадях на железную дорогу, потому как рельсы там уже до лесу дотянули. Пять километров туда и обратно, и еще надо норму выполнить, а если не выполнишь норму, получишь только суп, такую баланду. Я старался изо всех сил, чтобы хоть какой-никакой кусочек хлеба дали.

Три месяца в этом лесу, и я совсем дошел, никуда стал, ну и меня привезли сюда на поправку. Положили в такой барак. Но еще видать было, что я молодой. В силе еще, ага, значит, надо его использовать, это ж дармовой труд, все равно что рабочая лошадь — вот как они там к человеку... Я уже весь был опухший, весил меньше сорока кило. Чтобы дальше жить, и речи не шло. Ну, может, еще недельку пожил бы, а может, и нет. Попался мне этот Казик, врач из заключенных. Он из бригады «Нетопыря» был, ну и он нас поддержал. Я в той больнице три недели пробыл. Отеки сошли, я уже себя почувствовал, может, и девчонку бы даже кое-как...

Ну и так отсидел я свой приговор уже здесь, и Казик этот самый мне сказал: теперь уж тебя выпустят. И так я освободился.

Здесь, в лагере, про меня знали, что я и швец, и жнец... на все руки мастер. Работу дали, а жилья не дали, ну и я сначала еще какое-то время в сарае жил, у одного, который тут работал. Мне уже дали 800 рублей. Я купил брюки, 500 рублей отдал, брюки были из Польши, я их долго как реликвию хранил..

На жизнь не могу пожаловаться. Завхозом был, а в последние годы меня поставили инженером. Мнение уже было такое: что пить я не пью, пьяным меня никто не видел, и на стройке все, что надо, выполняю. И к сроку всё...

А с женой своей я тоже в лагере знакомство свел. В женскую зону не всех, а я проходил... Ну я пораньше освободился, а она еще с полгода... Мать ее всё письма писала, уже после смерти этого черта усатого, Сталина этого... И ее выпустили. Мне уже к тому времени развалюху дали, для жизни непригодную, но я ее подлатал малость, печурку приспособил... Приехал с работы, открываю дверь: ух ты, какие гости! — ну и живем так по сей день.

Богдан Скарадзинский

УМОМ РОССИЮ НЕ ОБЪЯТЬ

Трудно понять Россию, но пытаться все-таки надо. Чтение «Разграбленной империи» — дело тоже нелегкое, однако, оно дает нам дополнительные шансы на успех в этой попытке. Книга рассказывает о горькой российской действительности нашего времени, экономической и социальной, для которой политика служит лишь фоном. Время у нас сейчас для книг вообще неблагоприятное, чего уж тут говорить о российской теме. Но если забыть о соседских предубеждениях, то в России можно наблюдать национальную драму шекспировского размаха. Кому удастся, тот может искать в ней какую-то надежду. В любом случае из этой драмы мы можем извлечь разнообразные уроки, в том числе и практические, ибо соседство с Россией предначертано нам судьбой.

Ян Ленца

Афиша к кинофильму «Александр Невский»

Сегодня легко рассуждать о том, что советская империя изначально была заражена вирусами катастрофы. Она была воздвигнута на сплетении случайностей, вопреки природе людей и общества. Крейсер «Аврора» положил начало революции холостым выстрелом — это весьма символично. Зато слишком реалистической была потом полоса человеческих несчастий. И вырождение общественных структур, деградация человеческого образа мыслей, культурная, правовая, организационная, воспитательная паранойя... Сплетение обстоятельств довольно долго поддерживало фасад этой страны, но с ходом времени трещины и царапины умножались, и ничто не сулило изменения роковой тенденции.

Молва связывает поворот событий прежде всего с именами Горбачева и Ельцина — не совсем обосновательно, хотя и весьма упрощенно. Первый из них, вступая на пост генсека, должен был прибегнуть к каким-то ухищрениям в существовавших условиях: и с обычным-то прозябанием империи дела обстояли все хуже и хуже, а что за сверхдержава без динамичного развития? Автор книги наглядно показывает эту вынужденность: Михаил Сергеевич хотел стать для коммунистов одновременно и Лютером, и Папой Римским... А Борис Николаевич испытывал непреодолимую жажду власти. Если в стремлении к этой цели пришлось с оружием в руках «распускать» коммунистическую партию — ничего не поделаешь; если делить СССР — может, немного и жаль; если

воздвигать «фундамент капитализма и демократии» — то пускай себе воздвигается... Только власть дает в России настоящее богатство и безнаказанность. Без риска и махинаций не правит никто на свете.

Владимеж Марциняк не пропагандирует культ личности. В «Разграбленной империи» героев много. Довольно скромное место занял в книге Егор Гайдар, ведущий приверженец свободного рынка. Его пример — яркая иллюстрация парадоксов российской действительности: например, деда Гайдара, сотрудника ЧК, уволили из этого заведения за... чрезмерную жестокость, а отец политика сделал адмиральскую карьеру на Красном флоте, начав с должности политрука. Виктор Черномырдин просто напрашивается, чтобы ему посвятили несколько отдельных страничек. Член ЦК, министр газовой промышленности при советской

власти, он перестроил свое ведомство в славный «Газпром» чтобы со временем стать уже «демократическим» премьер-министром, а также занять место в западных перечнях самых богатых людей планеты. Имена Березовского и Гусинского известны как в связи с их имуществом, исчисляемом миллиардами долларов, так и в связи с их политическими приключениями. Хорошо, что в книге упомянут и Александр Смоленский, ныне могущественный банкир. Основа его состояния создавалась воистину с благословения Божьего: на переломе эпох он пустил в российский народ миллионные тиражи Священного Писания, отпечатанные нелегально, но в государственных типографиях. И неблагодарным его не назовешь: на восстановление храма Христа Спасителя он подкинул 53 кг золота, чтобы новые купола выглядели не хуже прежних. А когда по этому случаю его укоряли в том, что он еврей, Смоленский двусмысленно говорил: «Вот именно...»

Вообще, если говорить об авторском методе, то на первом плане в нем стоит классовое представление «разграбления империи». Самой природой к этому была предназначена партийная номенклатура. Вопрос состоит лишь в том, можно ли говорить о грабеже, если вся Россия представляла собой номенклатурную собственность в надлежавшей идеологической и правовой обертке. Правда, ограниченную. Но, когда гарантии и силы системы были подорваны, номенклатурный класс пожелал более надежно обеспечить то, что держал в руках, чем владел и обладал. Даешь приватизацию! И неважно, под каким идеологическим соусом. Удобнее всего было директорам заводов и совхозов. За ними была действительная поддержка их коллективов, перепуганных, что иначе «все вообще полетит ко всем чертям». Не хуже устроилась и аппаратная номенклатура: еще оставался госбюджет и власть над дотациями, налогами, заказами... Даже номенклатуре «красных» армии и флота пришлось не слишком плохо: имелись огромные запасы всяческих материальных благ, в первую очередь горючего; были также своеобразные отношения с границей, прежде всего с Германией и Афганистаном. Даже на исконной «советской» земле положение не было безнадежным, чему пример — Чечня, которую советская армия сумела за деньги снабдить оружием и военной техникой, включая танки, самолеты и артиллерию.

Процесс, разумеется, должен был иметь политическую основу. Отсюда массовое участие номенклатуры в сменявших друг друга правительствах, парламентах и всевозможных партиях, увенчанное «штурмом» на Кремль и администрацию президента, понимаемую как ЦК. Банки дополняли и конкретизировали этот процесс. Тем более что через них осуществлялись миллиардные долларовые вливания — дотации и кредиты с Запада, настолько же прельщенного новым огромным рынком, насколько испуганного ржавеющими ядерными боеголовками... Случаев взяточничества и всяческих «вывертов» не счесть. Ломать голову над производством и рынком было невыгодно, раз состояния сколачивались приватизацией, управлением и политической деятельностью, пропагандистскими средствами массовой информации, распродажей на Запад всего, что еще сохранила русская земля. А «беспартийный» народ России должен был справляться с трудностями как сумеет. Традиционно легче всего было (кроме воровства) смириться с тем, что жизнь не малина.

Соседи России обречены на существование в тени двух «приволжских» вариантов развития. Либо там наконец-то родится настоящий капитализм, хищный и жадный, но шаг за шагом дающий миллионам российских граждан шансы жить в большем достатке, по-европейски. Либо между Бугом и Уралом по-прежнему будет дымить вулкан отчаяния и выжидания удобного случая. За обеими тенденциями нам стоит внимательно следить, чтобы не оказаться захваченными врасплох. «Разграбленная империя» Владимира Марциняка представляет собой пример такого трудолюбивого наблюдения, какие на полках наших книжных магазинов встречаются не слишком часто.

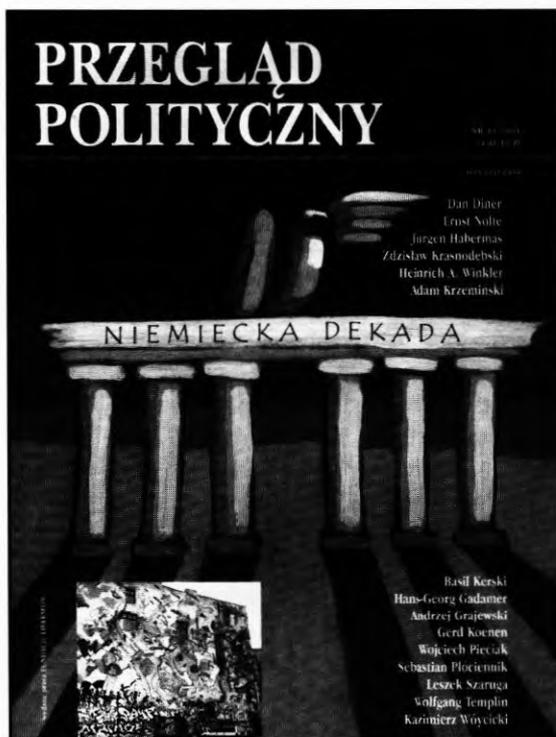
Владзимеж Марциняк, Разграбленная империя. Падение Советского Союза и возникновение Российской Федерации, «Аркана», Краков 2001, 589 с. (Тайны истории). — На польск. яз.

NOWE
KSIĄŻKI

Кшиштоф Бурнетко

«ПШЕГЛЁНД ПОЛИТИЧНЫЙ», или *Радикальные консерваторы*

Журнал «Пшеглэнд политичный» («Политическое обозрение») всегда был элитарным — как в начале 80-х, когда он начинал издаваться подпольно, так и сегодня. Он всегда проповедовал не слишком популярные идеи: о преимуществах рыночной системы, о необходимости всерьез расчитаться с коммунистическим прошлым и развеять некоторые исторические мифы или же о насущной потребности примирения как с Германией, так и с Россией и Украиной. И тогда, и сегодня он не оставался перед публикацией текстов, выглядящих «трудными» в эпоху, когда главным для СМИ стала «удобоваримость» и легкость восприятия. Но, наверное, благодаря этой элитарности множество связанных с журналом авторов в конце концов оказались на вершине польской (и не только польской) общественной и государственной жизни — включая будущего премьер-министра и директора Европейского банка реконструкции и развития.

Буря разбушевалась сразу после выхода первого номера «Пшеглэнда», появившегося на свет в Гданьске в 1983 г. Журнал был (по самиздатским меркам) вполне объемистым, некоторые авторы подписывались своими именами, другие — инициалами или псевдонимами. Но все указывало на то, что редакция состоит из молодых, энергичных оппозиционеров, по большей части младше 30 лет, живущих в Гданьске — «колыбели «Солидарности»». Они называли себя консерваторами, когда речь

шла об отношении к традициям, и либералами — в отношении экономики. Дискуссии разгорались и после выхода следующих номеров журнала. Неудивительно: передовые политические идеи, считавшиеся на Западе уже почти классическими, в тогдашней Польше не были известны и в результате многолетнего воздействия коммунистической пропаганды, а также ранее укоренившихся исторических предубеждений не могли быть встречены с пониманием. Примером могут служить хотя бы неолиберальные концепции Фридриха фон Хайека (включая тезис о преимуществе свободнорыночных решений по сравнению с прочими экономическими моделями, восхваление конкуренции и критику регулирования экономики во имя так называемой социальной справедливости и т.п.) или еще более радикальные концепции ограничения роли государства в экономике, отстаиваемые Ги Сорманом. Для читателей было вовсе не очевидным противопоставление двух концепций свободы, принадлежащее Исае Берлину, или сопоставление «открытого общества» с «закрытым» (со всеми вытекающими отсюда последствиями для граждан государств «социалистического лагеря»), проведенное Карлом Поппером.

А редакция «Пшеглэнда» именно фрагменты из их работ переводила на польский, публиковала, комментировала и выносила на широкое обсуждение. Журнал, не колеблясь, предоставлял слово и тем авторам, которые критически относились к тогдашней стратегии руководства подпольной «Солидарности»: они указывали, что необходимо выйти за пределы тактики «самоорганизации общества» (в соответствии с известным лозунгом ведущего польского диссидента Яцека Куроня: «Не жечь [партийные] комитеты, а создавать [свои собственные]»). Правда, эти авторы признавали, что подобная тактика привела к огромному успеху — созданию массового движения «Солидарности». Однако, по их мнению, применение тактики, по сути своей революционной, в условиях зависимости от могущественного соседа, привело к политическому пату — перед лицом угрозы внешней

интервенции общество не могло реализовать свои устремления на этом пути. Поэтому, утверждали они, в новой ситуации единственный рациональный метод действия — найти «форму сознательного компромисса между оппозиционными группами общества, представляющими многообразные интересы, и правящими кругами, имеющими свои реальные интересы». Они исходили также из посылки — и это весьма существенно, — что вне государственных структур невозможна никакая реформа или восстановление любой из полностью разрушенных сфер общественной жизни (в особенности экономики, права и администрации). Перемены должны были заключаться в «превращении тоталитарного государства в авторитарное». Польша осталась бы страной недемократической и репрессивной, писали в 1985 г. связанные с «Пшеглэндом» авторы, выступавшие под коллективным псевдонимом «Группа политических публицистов», но зато «намного лучше выполняла бы стоящие перед ней хозяйственные и административные задачи» и стала бы «более правозаконной». По мысли авторов, экономику, администрацию и органы правосудия следовало бы изъять из-под контроля коммунистических властей и сделать «сферой согласия» между властью и оппозицией, а также элементом «реализации интересов всего общества в целом» и «некоторого минимума государственных интересов». Загвоздка была лишь в том, что авторы не уточняли, как осуществить этот проект на практике.

Когда в 1988 г. на Балтийском побережье вспыхнула волна организованных «Солидарностью» забастовок с гораздо более радикальными лозунгами и требованиями, «Пшеглэнд» без колебания выступил на стороне оставшегося запрещенным профсоюзом. Некоторые члены редакции активно помогали забастовщикам. Был выпущен и специальный номер журнала с дискуссией, участники которой сошлись на том, что хотя, с одной стороны, власть склонна к уступкам, но и оппозиция недостаточно сильна.

В конечном итоге, после проведения не так уж для всех очевидного «круглого стола» и поражения коммунистов на июньских выборах 1989 г., «Пшеглэнд» легализовался и превратился в общественно-политический ежеквартальник (редакция определяет его профиль так: «журнал, посвященный вопросам политики, культуры и истории») с элегантным графическим оформлением и современной версткой. Приход к власти прежней оппозиции парадоксальным образом ослабил редакцию: Ян Кшиштоф Белецкий в 1991 г. ушел на должность премьер-министра (а впоследствии — директора Европейского банка реконструкции и развития), Януш Левандовский стал министром приватизации, а затем депутатом Сейма. В парламент вошли также Дональд Туск (вначале депутат, а затем вице-маршал Сената) и Мацей Плажинский (маршал Сейма). Тем не менее журнал не перестал выдвигать на обсуждение «трудные» темы и представлять не слишком популярные точки зрения. Важным элементом редакционной политики по-прежнему остаются переводы и перепечатки важнейших публикаций, появляющихся как на Западе, так и на Востоке. Разумеется, у журнала появились и новые сферы интересов. «Пшеглэнд» занялся анализом источников предубеждений поляков по отношению к свободному рынку, склонности граждан поступать свободой во имя сильной власти или, например, феномена идеализации исторического прошлого. Все больше места занимает тематика взаимоотношений Польши с ее соседями, в особенности с Германией и Россией. В «подпольные» времена авторы сосредотачивались в основном на анализе тоталитарных и имперских элементов в истории этих государств. Что касается России и СССР, то редакция обращалась как к историческому анализу маркиза де Кюстина и Николая Бердяева, так и к трудам современных советологов (Александра Зиновьева, Ричарда Пайпса, Раймона Арона, Алена Безансона), а из польских авторов — к Мариану Здзеховскому и Збигневу Бжезинскому. Сегодня круг наших соседей пополнился независимой Украиной, а ведущими темами стали процессы преодоления коммунистического прошлого, состояние общественного сознания после многолетнего господства тоталитаризма, репортажи из важных с польской точки зрения регионов (например, из Калининграда или с Соловков), анализ актуальных политических проблем (недавно по этому вопросу здесь выступил, между прочим, главный редактор «Новой Польши» Ежи Помяновский) и, наконец, текущие комментарии, посвященные политической и культурной жизни у наших соседей (в качестве примера можно привести аналогичные нашей рубрике обзоры печати, выходящей в соседних с Польшей странах).

В связи с этим представляется вполне символическим и далеко не случайным заглавие, под которым в последнем (уже 51-м) номере «Пшеглэнда» появилась подборка материалов, посвященных важнейшему журналу польской послевоенной эмиграции — парижской «Культуре» — и ее главному редактору Ежи Гедройцу. В этих материалах обсуждается феномен и значение «Культуры», в том числе и ее роль в формировании у польской интеллигенции представлений о независимом государстве, в пропаганде польского патриотизма и национальных ценностей, но без привкуса национализма, а также политического мышления, основанного на диалоге с нашими восточными соседями. Здесь самые важные моменты — уважение к тенденциям укрепления независимости, наблюдающимся на Украине, в Белоруссии и Литве, а также подчеркнутое проведение различия между «русским» и «советским» и между российским империализмом и русской культурой. «Пшеглэнд» назвал эту подборку «Уроком «Культуры»». Это звучит как обязательство перед читателями.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В летних номерах варшавского литературного журнала «Твурчосць» (2001, №№7, 8) напечатан автобиографический текст видного краковского литературоведа Генрика Маркевича, особенно интересный тем, что ученый предпринимает попытку описать и понять свои позиции сталинско-берутовского периода. Маркевич, известный на протяжении долгого времени прежде всего как автор марксистских учебных пособий (среди них «Исторический материализм и наука о литературе»), позднее занял методологически открытые позиции, признав, что «исторический материализм» не справляется со всеми познавательными требованиями. «Марксистской проблематикой, — пишет он, — я занимался меньше; однако я был (и остаюсь) убежден в пригодности марксизма при рассмотрении историко-литературного процесса в макромасштабе, при этом, придавая большее значение влиянию диалектики, нежели исторического материализма». Что же, достоинства диалектики отрицать трудно, да только это изобретение намного старше марксизма. Тем не менее имеет смысл отметить это признание Маркевича хотя бы потому, что серьезных ученых, признающих сегодня в связях с марксизмом, практически не осталось, а после критики, которой подверг «марксистский метод» Лешек Колаковский в своей фундаментальной работе «Главные течения марксизма», признание его «научности» выглядит своего рода чудачеством. Тем более импонирует смелость автора воспоминаний, названных «Моя полонистическая биография — на фоне истории».

Маркевич поступил в университет в 1946 г. в возрасте 24 лет. Одновременно он печатался в литературной периодике, прежде всего рецензируя новинки прозы. В атмосфере послевоенного Кракова, города, где культивировались старые интеллигентские традиции, полонисты относились к молодому марксисту с известной сдержанностью. Нет сомнения также, что занятые им политические позиции скорее облегчали ему жизнь, нежели затрудняли:

«Я всюду пользовался возможностью учиться и даже мелкими успехами в периодике: не могу описать той радости, какую я пережил, когда увидел свою первую статью в ценимом литературном приложении к «Дзеннику польскому». (...) После прозябания в годы войны я начинал новое многообещающее существование. Я жил очень скромно, но учился, выдержал испытание печатью, создавал себе имя. Меня все чаще называли рядом с известными марксистскими критиками (...) я был принят в Союз польских литераторов. Все это воздействовало на мои политические позиции. Я знал, что Польша — страна не суверенная и, что правящий лагерь не удержался бы у власти без присутствия советской армии. Я также с самого начала видел глупость, бездарность, несправедливости. Но я убеждал себя, что революцию всегда делает меньшинство и если оно действует в интересах большинства, то это морально оправдано. В отличие от многих моих ровесников я, побывав [во время войны] в СССР, не питал утопических иллюзий. Однако в то же время я был убежден в том, что происходящие преобразования: сельскохозяйственная реформа, национализация крупной промышленности, восстановление страны, всеобщее образование, доступность культурных благ, социальное выдвижение рабочих и крестьян — согласуются с интересами большинства народа и превосходят размеры потерь и несправедливостей. К «демократическому лагерю» — и это тоже имело для меня значение — причисляли себя люди, которых я высоко ценил: Налковская, Ян Виктор, Тувим, Слонимский, Прушинский, Кручковский, Анджеевский, Выка. Я не отдавал себе тогда отчета ни в степени зависимости Польши от СССР, ни в размерах и жестокости репрессий по отношению не только к политической оппозиции, но и к людям, которые попросту не хотели поддерживать новый порядок. Тут надо принять во внимание и мой личный угол зрения: после возвращения из Советского Союза Польша казалась мне в сравнении с ним краем свободы; я захлебывался разнообразием и привлекательностью культурной жизни. Более того, именно этот новый строй давал мне возможность самореализации, среди его сторонников я находил людей, которые признавали меня без неприязни и предубеждений. Я понимаю, что это была эгоцентрическая мотивировка, однако, в ней не было стремления к привилегиям, карьере или материальному благополучию; я хотел для себя лишь равных прав и равного признания. А признание было для меня важно, ибо

я чувствовал себя связанным с польским духом и традициями. Это обстоятельство, для многих, вероятно, парадоксальное, я хотел бы объяснить: к коммунизму меня устремляла именно эта привязанность ко всему польскому. Я не мог бы за Марианом Хемаром [поэтом-эмигрантом] повторить, что я «поляк по выбору», — я поляк по культурному предопределению. Чтобы не было недоговоренностей: я чувствую себя поляком еврейского происхождения. Мои связи с еврейскими традициями слабы, и все-таки я таковым себя чувствую, ибо знаю, что так меня воспринимают (а некоторые — как польского еврея) и что с этим происхождением многие люди, как неприязненно, так и хорошо ко мне относящиеся, связывают мои недостатки и достоинства. Другое дело, что в кругу, в котором я вращался, мне очень редко давали это понять. (...) О делах госбезопасности я в то время знал мало. Я считал, что ее характеризует примерно та же степень жестокости, которая неизбежна в действиях любой политической полиции, и что она борется с реальными, активно действующими политическими противниками, стремящимися к насильственному свержению существующего строя. Я уже писал о том, что отталкивало меня от курса, который можно назвать берутовским. Но в то же время новое политическое положение мне благоприятствовало, а значит, склоняло к конформистскому поведению. Партийных тогда и ценили выше, и нуждались в них больше.

С этим, разумеется, было связано и служебное продвижение:

«Новая работа лучше оплачивалась, и наше материальное положение весьма поправилось. И квартиру я получил получше. Это было особенно важно, поскольку в феврале 1948 г. родился мой старший сын Рышард. Я также мог смелее собирать свою библиотеку, которая со временем стала неоценимым средством помощи, облегчающим и ускоряющим научную работу. (...) Партийные органы считали меня самым политически сознательным представителем краковских литературных кругов, поэтому мне была доверена должность главного редактора начавшей тогда выходить (январь 1951) газеты «Жиче литерацке». (...) Газета должна была служить делу соцреализма и в то же время активизировать краковские и катовицкие литературные круги, в том числе и тех писателей, которые от соцреализма отмежевывались. Я старался добросовестно выполнять эти задачи, но хотел располагать своим временем свободней, а пост главного редактора меня не увлекал. Уже через год я обменялся должностями с Махееком, который до того был моим заместителем. Вообще и тогда, и потом я не пробивался на руководящие должности — как ввиду ограниченного умения это делать, так и из пристрастия к работе иного рода: в библиотеке, за письменным столом и над своими собственными рукописями. Я не забывал также о существовавших национальных предубеждениях. Но в большинстве случаев поддавался нажиму».

Столь же интересными выглядят воспоминания философа Владислава Краевского, напечатанные в журнале «Res Publica nova» (2001, №9) под названием «Почему, так много зная, я так долго был коммунистом?». Связи Краевского с «новой властью» в Польше были весьма глубокими, укорененными в семейной традиции:

«Я вырос в коммунистической семье. Мой дед с материнской стороны Адольф Варшавский-Варский был одним из создателей СДЦПил [Социал-демократии Царства Польского и Литвы], а затем КПП [Коммунистической партии Польши]. Мой отец Владислав Стейн-Краевский, был членом ЦК КПП. Моя мать Зофья Кубальская тоже была членом КПП, как и ее второй муж, поэт Рышард Станде, мой дядя (старший брат отца) Генрик Стейн-Домский, а также тетя Янка (младшая дочь Варского) и ее муж Генрик Мушкат-Вышковский. Я сам в 1929 г. стал членом нелегальной пионерской организации. В гимназии я скрывал свои взгляды от соучеников и учителей. В 1931 г., в возрасте 11 лет, я вместе с матерью уехал в СССР».

Большинство его родных были расстреляны в 30-е годы в ходе сталинских чисток:

«Я не винил Сталина, питая иллюзию, что он ничего обо всем этом не знает. Летом 1937 г. я написал ему письмо с просьбой заинтересоваться арестами (разумеется, письмо осталось без ответа). Это была неслыханная наивность и глупость. Но так же тогда думали и другие, причем не только такие, как я, впитавшие коммунизм с материнским молоком. (...) Осенью 1946 г. я вернулся в Польшу. С волнением слушал звуки окружавшего меня родного языка. (...) Сам я тоже вступил в ППР [Польскую рабочую партию, как тогда называлась компартия, воссозданная во время войны], как и другие члены КПП [распущенной в 1938 г.] и их дети, в том числе и те, кто провел годы в сибирских лагерях. Мы считали, что случившееся в 1937 и следующих годах — это какой-то кошмарный сон, который миновал, хотя забыть о нем трудно. Вдобавок в Польше все выглядело иначе. Начиная с богато снабженных частных магазинов (их начали ликвидировать лишь через несколько лет) и кончая, оппозиционными политиче-

скими партиями и прессой разных направлений, в том числе католической. Я с интересом читал краковский «Тыгодник повсехный». Наконец-то передо мной были живые идейные противники. Я полемизировал с некоторыми авторами, утверждавшими, например, что наука опровергает материализм. Я старался показать, что они критикуют механистический, а не диалектический материализм. (...) Не только мои дети, но и я сам не раз потом задавал себе вопрос, как я после всего, что пережил в СССР, продолжал быть коммунистом, сталинцем. Как я уже сказал, таковыми были и те, кто лично пережил боль ГУЛАГа. Здесь действовали отнюдь не материальные мотивы, как некоторые могут предположить. Правда, работники партийного образования были включены в партаппарат и имели доступ в закрытые магазины (за «желтыми занавесками»), но выгода была только та, что очереди в них были короче и иногда продавали то, чего в других местах было не достать. Но и они, с сегодняшней точки зрения, снабжались скудно. Ставки зарплаты в партаппарате тоже были невысокими. Бедно жили даже семьи людей, занимавших самые высокие посты в государстве. Вернувшись в Польшу, я некоторое время давал частные уроки по математике старшей дочке Берута Кристине. Делал я это бесплатно, только обедал у них, так как материальное положение их семьи не позволяло платить за уроки. (...) Добавлю, что о происходившем в СССР в 30-е годы мы говорили только с теми, кто сам там побывал, да с женами. Мы утаивали это от своих товарищей, особенно от слушателей партийных школ, которые были весьма прямолинейными коммунистами и не поверили бы нам, а может быть, заподозрили бы, что мы их провоцируем. Нам тогда казалось, что после войны в Советском Союзе, а тем более в Польше уже нет неповинных жертв репрессий. Что касается оглашаемых в печати приговорах, то мы верили, что они вынесены в результате справедливо проведенных судебных процессов. О размахе террора, о пытках в ГБ, о многочисленных смертных приговорах мы не знали. (...) Как бы я отреагировал, если бы случайно тогда услышал, что кто-то критикует правительство и говорит, например, о пытках в ГБ? Наверное, спорил бы, говорил, что не следует верить слухам и т.п., но доноса не написал бы. И не потому, что пренебрег бы обязанностями члена партии, а потому, что относился к ним всерьез. Преступлением считалась антисоциалистическая агитация, даже деятельность т.н. шептунов, или «агитация шепотом» (было и такое диво в лексике тогдашней пропаганды), но я не стал бы рассматривать разговор двух-трех человек, обменивающихся сведениями и мнениями, как агитацию. (...) И до 1955 г. я не знал о преступлениях госбезопасности. Мне случалось встречаться с мнением: «Тот не знал, кто не хотел знать». Но выражение «не хотел знать» имеет смысл, пожалуй, лишь по отношению к тому, кто пренебрегал доходившими до него сведениями на данную тему. Впрочем, и тут дело не так просто. Известно, что во время войны члены правительства Англии и США, а также американские евреи поначалу не верили в доходившие до них — например, привезенные из Польши Яном Карским — известия о геноциде. У них это в голове не умещалось. Следует ли их за это винить? (...) Как я уже упоминал, я ни в коем случае не оправдываю себя и свое поведение в сталинский период. В 1955-1956 гг. я с ужасом осознал, что своим молчанием санкционировал преступления. А позднее — что вся система, начало которому положила октябрьская революция, была преступной».

Признаюсь, что подобные рассуждения я читаю с ощущением неловкости. Тем более — прекрасно осознавая тот факт, что почти каждое предложение, касающееся упоминаемых здесь позиций и фактов, требует подробных примечаний. Ибо воистину трудно оценивать ассортимент закрытых партийных магазинов «с сегодняшней точки зрения»: в отличие от магазинов «для населения» в них можно было найти товары — наверное, не в богатом выборе, но все-таки, — которых для простых смертных просто не было. Они — «снабжались». И это уже было нечто. Подобных замечаний можно было бы сделать гораздо больше. Однако речь не о том, чтобы «вносить исправления и дополнения» в эти высказывания. Эти автобиографические свидетельства складываются в некое целое, которым невозможно пренебречь, ибо оно относится к жизни поляков в 50-е годы. Они, несомненно, представляют интересный материал для историков того времени. Однако в то же время они свидетельствуют о действии механизмов порабощения, сил, которые незаметно делают людей конформистами. Самое при этом занятное — тот факт, что в этих рассказах о жизненных обстоятельствах и выборе пути лишь в малой степени говорится о вопросах идейной ангажированности. Единственное, что можно отметить на эту тему в тех и других мемуарах, — подчеркнутое опровержение тезиса о материальной заинтересованности. А с другой стороны, как не заметить, что материальные соображения свою роль играли: эта «полученная квартира» или доступ в спецмагазины в реалиях 50-х были делом нешуточным. Увы, искренность рассказа не гарантирует его объективной правдивости. Но все-таки эта искренность тоже ценна, даже сегодня, раскрывая почти детскую наивность — для мыслителя грех.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ Лауреатом важнейшей польской литературной премии «Нике» стал в этом году Ежи Пильх за книгу «Под Крепким Ангелом». «Я не скрываю, что в своих книгах использую автобиографические элементы, — сказал автор в интервью «Газете выборчей». — Я смешиваю вымысел с тем, что сам пережил». Наверное, поэтому критики и читатели до сих пор не знают, как относиться к творчеству Пильха: то ли он пишет непрерывный дневник, то ли романы. А сам автор называет то, что пишет, просто прозой. Книга «Под Крепким Ангелом» получила также премию читателей «Газеты выборчей», разделив ее с потрясающей документальной книгой Яна Томаша Гросса «Соседи», рассказывающей об убийстве поляками еврейских жителей местечка Едвабне во время немецкой оккупации.

◆ Были также присуждены премии им. Януша Зайделя за фантастическую литературу. Сюрпризов в этом году не было: за роман премию получила Анна Бжезинская («Гадючья арфа»), молодая медиевистка, которая в своем фантастическом цикле создает мир, нередко напоминающий гипотетические реалии средневековой Польши. Премия за лучший рассказ досталась Яцеку Дукаю («Собор»).

◆ 10 лет назад скончался Стефан Киселевский — писатель, строптивый автор постоянной колонки в «Тыгоднике повсехном», композитор. В память о нем его друзья устроили специальную встречу, а в книжных магазинах появилось новое издание его «Дневников», дополненное подборкой фотографий.

◆ В возрасте 92 лет в Варшаве скончалась Моника Жеромская, дочь писателя-классика Стефана Жеромского.

◆ Свое восьмидесятилетие отметили два крупнейших польских писателя. Станислав Лем начинал как беллетрист, затем стал известнейшим научным фантастом, а после и выдающимся философом и мыслителем, лауреатом множества международных и отечественных премий и одним из самых популярных в мире польских писателей. Другой юбиляр — поэт и драматург Та-

деуш Ружевиц, по-прежнему активно участвующий в литературной жизни; в его творчестве нашли отражение драматические судьбы поляков второй половины XX века. Именно Ружевицу удалось найти для этих судеб глубокие и точные метафоры.

◆ Среди многочисленных дневников и воспоминаний, опубликованных в последнее время, следует обратить внимание на воспоминания «В саду памяти» Иоанны Ольчак-Роникеровой, последней представительницы знаменитой польской династии издателей и книготорговцев. Видное место среди книжных новинок занимает также «Энциклопедия Лесьмяна» Ярослава Марека Рымкевича, посвященная жизни и творчеству Болеслава Лесьмяна, одного из самых выдающихся и популярных польских лириков конца XIX — начала XX века.

◆ В Варшаве прошли IV Дни еврейской книги. «Мы опасались, — сказал их организатор, Иона Букштейн, директор Фонда Лаудера в Польше, — что после одних удачно проведенных Дней люди уже не пойдут на следующие, потому что они уже это видели. Однако с каждым годом растет число как посетителей, так и проданных книг. Это единственная ярмарка еврейской книги в Центральной и Восточной Европе, поэтому приезжают люди даже из-за границы». В рамках Дней организуются различные культурные, а также гастрономические мероприятия. В этом году они были связаны с открытием междисциплинарного Центра еврейских исследований в Варшаве, также действующего при Фонде Лаудера.

◆ XII Всепольская книжная ярмарка в Варшаве прошла в этом году скромнее, чем прежде. Было меньше стендов, новинок, меньше знаменитостей. Не подвели только посетители, которых в этом году было больше, чем в прошлом. Быть может, это станет предвестием завершения кризиса на издательском рынке, отчетливо заметного сегодня в Польше.

◆ В этом году польская экспозиция на Международной книжной ярмарке во Франкфурте проходила под девизом «Чтобы польский язык не

был чужим» [или «иностранным»: по-польски это одно и то же слово]. Польша представила, в частности, унифицированную программу обучения и оценки владения польским языком иностранцами.

◆ Главную премию Фестиваля польских художественных фильмов в Гдыне — «Золотых львов» — в этом году получил фильм Роберта Глинского «Привет, Тереска». Получил он и премию журналистов. Фильм, уже ранее награжденный в Карловых Варах, — это еще одна картина, показывающая безрадостное существование молодежи в сегодняшней Польше. Жизни в современных микрорайонах, состоящих из типовых блочных домов, были посвящены еще несколько фильмов этого фестиваля. Специальная премия жюри досталась Витольду Лещинскому за «Реквием», а лучшим режиссером был признан Михал Роса за фильм «Тишина». Премию за лучший сценарий получил Юрек Богаевич («Божьи крупички»), а за лучший дебют — Артур Урбанский за фильм «Самая красивая». «Действие польского фильма, посвященного острым социальным проблемам, разворачивается, как правило, в типовом микрорайоне-муравейнике, — написал после фестиваля критик Збигнев Петрасик в «Политике». — В четырех из показанных в Гдыне картин, в том числе в награжденном «Золотыми львами» фильме «Привет, Тереска», жизнь персонажей протекает в мрачных «спальных районах», где рождается зло, а надежды ждать неоткуда». В этом году в Гдыне было показано 32 картины, в том числе 12 дебютов. Премия за вклад в кинематографию была вручена Ежи Кавалеровичу.

◆ После премьеры в Ватикане на польские экраны вышел фильм Ежи Кавалеровича «Quo vadis» («Камо грядеши»). Экранизация одноименной книги Генрика Сенкевича, самого знаменитого польского романа, удовлетворила не всех: критики упрекают Кавалеровича в излишней растянутости и академизме. Но успех фильма у зрителей несомненен: они восхищаются воссозданными на экране прекрасными пейзажами, архитектурой, а прежде всего — великолепными актерскими работами Богуслава Линды (Петроний), Михала Байора (Нерон) и Ежи Трели (Хилон Хилонидес), а также красотой лирической героини Лигии (Магдалена Мельцаж) и величественной Поппеи (Агнешка Вагнер).

◆ В польском посольстве в Будапеште офицерский крест польского ордена Заслуги вручен Миклошу Янчо, одному из самых выдающихся венгерских кинорежиссеров («Отчаянные головы», «Красные и белые», «Тишина и крик»).

◆ Новым фильмом Агнешки Холланд «Выстрел в сердце» открылся 17-й Варшавский международный кинофестиваль, который каждый год традиционно становится одним из самых интересных кинематографических событий в Польше. Фестиваль, представляющий последние достижения авторского кино со всего мира, сопровождался многочисленными просмотрами и ретроспективами (в частности фильмов Трюффо и Тима Бертона).

◆ Во Вроцлаве состоялись похороны одного из крупнейших мастеров польского театра, создателя вроцлавского Театра пантомимы, Хенрика Томашевского.

◆ В возрасте 71 года скончался популярный театральный, телевизионный и киноактер Кшиштоф Хамец («Казимир Великий», «Каменные скрижали»).

◆ Театральный фестиваль «Прибежище», организованный совместно несколькими культурными учреждениями, поставил себе целью показать зрителям необычные явления культуры; среди них была со всей тщательностью воссозданная свадьба народности курпов, и в то же время мультимедиаальная артистическая акция Артура Жмиевского и Яцека Малиновского.

◆ На 34-м Международном фестивале кукольных театров в Загребе Гран-при получил спектакль по «Одиссее» Гомера, поставленный Андреем Списаком в варшавском театре «Лялька» («Кукла»).

◆ В лодзинском Новом театре состоялась премьера пьесы Тадеуша Слободзяника «Сон клопа» в постановке Казимежа Деймека, который этим спектаклем вернулся на ту сцену, где когда-то начиналась его блестящая карьера. «Сон клопа», представляющий собой как бы продолжение «Клопа» Маяковского, — безжалостное подведение итогов эпохи коммунизма и посткоммунизма.

◆ В возрасте 71 года скончался Ян Леница, один из создателей польской школы плаката, кинематографист.

◆ В дополнение к обширной ретроспективе творчества Эдварда Двурника, проходящей в галерее «Захента», в галерее «Арт» открылась выставка его рисунков и акварелей, на которой представлены эскизы из цикла городских пейзажей 1966-1969 гг.

◆ Под названием «Даниэля Ходовецкого путешествие из Берлина в Гданьск в 1773 году» открылась выставка в «Доме Упхагена» в Гданьске. Художник, осевший в Берлине и связанный с тамошней французской общиной, писал о себе: «Я себе за честь почитаю быть настоящим поляком, хоть осесть мне и довелось в Германии».

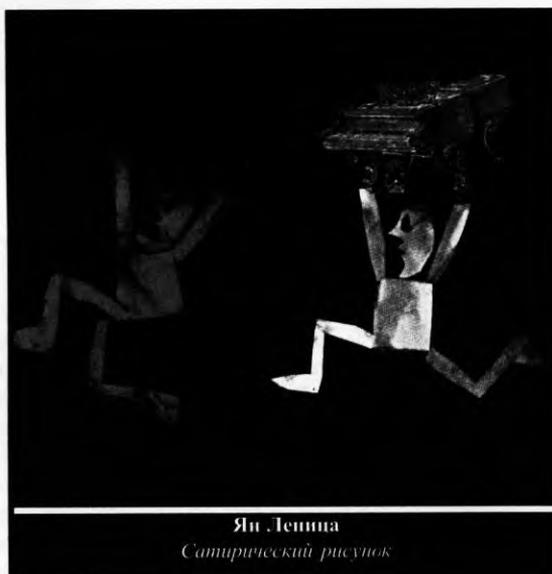
◆ Выставка в Новой Гуте еще раз вернула нас к повседневной жизни в ПНР. Но это лишь прелюдия к более крупному замыслу, который предстоит реализовать в Новой Гуте по инициативе фонда «Соцланд», созданного Чеславом Белецким, Яцеком Федоровичем и Анджеем Вайдой. Речь идет о мультимедиальном музее коммунистической действительности.

◆ В десятую годовщину со дня смерти Эрика Липинского, рисовальщика и карикатуриста, в созданном им Музее карикатуры состоялся вечер, посвященный его памяти, включавший вручение ежегодной премии «Эрик». В этом году на премию были выдвинуты галерея «Пиранья» в Ярославле, Збигнев Юйка и Славомир Лучинский.

◆ В отреставрированной усадьбе в Кременце-Подольском (ныне Тернопольская область Украины), где прошло детство Юлиуша Словацкого, создается первый в мире дом-музей поэта. Часть экспонатов из этого музея уже демонстрировалась в варшавском Литературном музее.

◆ В Варшаве состоялась очередная фестиваль современной музыки «Варшавская осень», за многие годы приобретший репутацию крупного события, посвященного музыке XX столетия. В этом году на фестивале не звучали произведения признанных классиков современной польской музыки, но зато был представлен целый ряд новых интересных сочинений. В программе фестиваля обратили на себя особое внимание голландская музыка и симфонические сочинения Галины Устольской из России.

◆ В нише усыпальницы великих польских поэтов кафедрального собора в краковском Вавельском замке захоронена урна с землей, взятой с парижской могилы Циприана Камила Норвида. Этим был торжественно начат Год Норвида, который празднуется в 180-ю годовщину со дня рождения поэта. По этому случаю во время встречи в Национальной библиотеке была представлена публикация для библиофилов — «Ангелы. Рисунки Циприана Норвида». Мероприятия, посвященные творчеству Норвида, проходят не только в Варшаве и Кра-

Ян Леппиа

Сатирический рисунок

кове, но и в Риме, и в Париже. В Париже польские культурные учреждения — как местные, так и из Польши — организовали цикл встреч под общим девизом «Напоминание о забытом».

◆ В Варшаве был открыт памятник поэту Юлиушу Словацкому работы Эдварда Виттига, созданный 60 лет тому назад для Львова, где поставить его уже не успели. Памятник установлен на Банковской площади, напротив варшавской ратуши, в которой Словацкий когда-то служил. Еще недавно на этом месте стоял памятник Феликсу Дзержинскому.

◆ В возрасте 72 лет скончался Элигиуш Лясота, ставший легендой польской журналистики, главный редактор еженедельника «По просту», один из ведущих деятелей «октября 56-го» в Польше.

◆ По случаю 10-летия Интернета в Польше на Королевском тракте в Варшаве состоялся большой парад энтузиастов Интернета, организованный Польским братством кавалеров Гутенберга.

◆ Результаты опроса, проведенного российским фондом «Общественное мнение», в рамках которого жителей России спрашивали об их отношении к полякам, показали, что 54% россиян считают Польшу дружественной страной, а 61% испытывают к полякам симпатию. 42% среди опрошенных считают, что поляки относятся к русским доброжелательно, а 1% — что мы их не любим.

Катажина К. Гардзина

ИТОГИ СЕЗОНА

СЕЗОН 2001/02 В НАЦИОНАЛЬНОЙ ОПЕРЕ

Новый сезон Национальной оперы (варшавского Большого театра) открылся 30 сентября «Страшным двором» Монюшко. Ранее, в сентябре, оперная и балетная труппы театра выступали на Кипре, с большим успехом показав «Набукко» Верди и балет на музыку Микиса Теодоракиса «Грек Зорба». Балетная труппа выступила также в Лондоне, исполнив на балетном гала-концерте в театре «Садлерс Уэллс» III акт «Лебединого озера» в новой хореографии Ирека Мухамедова. Несмотря на эти несомненные успехи, главная польская музыкальная сцена сражается со все большими финансовыми трудностями. Неизвестно, сколько денег получит театр от министерства культуры в этом и будущем году. Первые вести не настраивают оптимистически. Театр уже знает, что получит дотаций на 5 млн. злотых меньше, чем планировалось. А значит, необходимо экономить: уменьшить число премьер, остановить крайне нужный ремонт, отказаться от записи «Короля Роже» Шимановского на видеодиск.

Однако дирекция не сидит сложа руки. «Все экстраординарные события мы постараемся финансировать из внебюджетных денег, — говорит директор Вальдемар Домбровский. — Я не представляю себе сезона без нескольких праздничных событий». Это будут, в частности, выступления гентского «Collegium vocale» со «Страстями по Матфею», спектакли балетных трупп из Санкт-Петербурга и Голландии, концерты знаменитых певиц Сильвии Валеяр и Барбары Фриттоли. На столетие со дня рождения знаменитого польского певца Яна Кепуры планируется гала-концерт с участием Марты Эггерт и Марселя Паве.

Самые сильные эмоции связаны, конечно, с ожидающимися премьерями. Первая состоится 3 ноября. Это будет театрално-балетный спектакль «Весна священная» по либретто Кшиштофа Залевского. В главной роли старого танцовщика (основанной на биографии Вацлава Нижинского) выступит актер Кшиштоф Кольбергер. В ноябре же состоится премьера «Семи смертных грехов» Курта Вайля в постановке Януша Вишневого. Кроме того, театр покажет «Веселую вдову» Легара и два разных представления Евгения Онегина. Сначала пойдет дипломный спектакль студентов вокальных классов Варшавской музыкальной академии, потом — премьера Большого театра в постановке Мариуша Трелинского. Мы увидим также «Пелеаса и Мелизанду» Дебюсси и балет на музыку Людомира Ружицкого «Пан Твардовский». Сезон закончится концертным исполнением «Тристана и Изольды» Вагнера под управлением художественного руководителя Национальной оперы Яцека Каспшика.

ФЕСТИВАЛЬ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ОПЕРЫ

Фестиваль открылся в октябре в Варшавской камерной опере (ВКО) мировой премьерой оперы Зигмунта Краузе «Валтасар». В программе фестиваля — две мировые премьеры опер, написанных по заказу ВКО, и опера «Quo vadis» Бернадетты Матушак (премьера состоялась в 1996 г.). Так театр продолжает праздновать 400-летие оперы, соединяя этот юбилей со своим собственным — сорокалетием самой малой в Польше оперной сцены.

Либретто «Валтасара» по драме Станислава Выспянского «Даниил» написал режиссер спектакля Рышард Перыт. Он решил сосредоточить представление на вопросах о непреходящих человеческих ценностях. Канвой служит библейский рассказ о пророке Данииле, находящемся в вавилонском плену, при дворе царя Валтасара, которому он объясняет значение знаменитых слов «Мане, текел, фарес», появившихся на стене во время пира. Дирижирует Рубен Сильва, сценография Анджея Садовского. Главные партии исполняют Анджей Климчак, Марта Боберская и Яцек Лашковский.

Второй мировой премьерой фестиваля будет «Антигона» Збигнева Рудзинского на либретто композитора по трагедии Софокла. Режиссер — Мацей Прус, дирижер — Тадеуш Кароляк. Закончится фестиваль представлениями оперы «Quo vadis» (либретто композитора по роману Генрика Сенкевича, режиссер — Итка Стокальская). В роли Лигии выступит известная уже не только в Польше и у себя на Украине Ольга Пасичник.

Все спектакли пройдут по три раза.

КОНЕЦ ЮБИЛЕЙНОГО СЕЗОНА НАЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛАРМОНИИ

Подходит к концу необычный концертный сезон в варшавской Национальной филармонии. Необычный, ибо юбилейный сезон столетия филармонии продолжается с сентября 2000 до декабря 2001 г. и наполнен необыкновенным множеством крайне интересных концертов в исполнении всемирно известных звезд. К сожалению, после исключительно удачных сентябрьских и октябрьских концертов таких, например, исполнителей, как Фабио Бьонди и его ансамбль «Euroga galante», контртенор Дэвид Дэниэлс, баритон Матиас Герне и пианистка Мария Жуан Пириш, польским меломанам придется подождать столь же замечательных выступлений. В ноябре прошли только три: органнй концерт в исполнении Даниэля Рота, концерт польской музыки в годовщину открытия филармонии (4-я симфония Лютославского, «Te Deum» и фортепьянный концерт Пендеревского) и вечер с исполнением 9-й симфонии Бетховена. Дирижировал концертами директор филармонии Казимеж Корд.

ПРЕМИЯ ИМЕНИ ЕЖИ ГЕДРОЙЦА

Редакция «Новой Польши» с радостью публикует решение жюри Премии им. Ежи Гедройца, которая в этом году была впервые присуждена выдающемуся ученому, профессору Ежи Ключовскому.

Радость нашу увеличивает тот факт, что профессор Ключовский – член Редакционного совета нашего журнала, идейным вдохновителем которого был Ежи Гедройц.

25 октября в редакции газеты «Жечпосполита» состоялось заседание учрежденного редакцией по соглашению с парижским Литературным институтом Капитула Премии им. Ежи Гедройца, присуждаемой за деятельность на благо польских национальных интересов. Согласно уставу премией награждается лицо или учреждение, которое в своей общественной деятельности руководствуется принципами Ежи Гедройца и его соратников по «Культуре». К этим принципам относятся: бескорыстная забота об общественном благе; политика, понимаемая как служение стране, а не частным интересам; укрепление позиции Польши в европейском демократическом сообществе; укрепление добрососедских отношений с народами восточной Европы; работа по развитию политических идей, способствующих независимости Польши.

На соискание премии были выдвинуты: профессор Ежи Ключовский, Збигнев Глуза и Центр «Карта», профессор Ежи Помяновский, профессор Богдан Осадчук, профессор Ежи Заводный, Яцек Куронь, Тадеуш Мазовецкий, Ян Новак-Езёранский. Биографии всех кандидатов были представлены на страницах газеты «Жечпосполита».

Выбор был нелегким, совещание жюри продолжалось несколько часов. Первый лауреат был избран после бурного обсуждения, в тайном голосовании, с учетом голосов тех членов Капитула, которые пребывали за рубежом и прислали свои голоса в письменном виде.

Решение о присуждении премии Капитул принял в следующем составе: Владислав Бартошевский, Чеслав Белецкий, о. Адам Бонецкий, Збигнев Бжезинский, Хенрик Гедройц, Рышард Качоровский, Марек Кравчик, Ирена Лясота, Мацей Лукасевич, Ольга Кжижановская, Кшиштоф Михальский, Чеслав Милош, Кшиштоф Песевич, Збигнев Ромашевский, Александр Смоляр, Анджей Вайда, Эдмунд Внук-Липинский и архиепископ Юзеф Житинский.

**Капитул Премии газеты «Жечпосполита» им. Ежи Гедройца за деятельность
на благо польских национальных интересов постановил
присудить премию за 2001 год
профессору ЕЖИ КЛЮЧОВСКОМУ**

По мнению членов Капитула, Ежи Ключовский великолепно соответствует всем критериям, перечисленным в уставе о Премии. Его деятельность проникнута глубоким патриотизмом, о чем свидетельствует вся его биография. Во время II Мировой войны Ежи Ключовский был членом патриотического подполья, участвовал в Варшавском восстании, в дальнейшем же пекся об общественном благе и развивал дружественные отношения с народами Центральной и Восточной Европы.

Его крупная и неоспоримая заслуга – создание Института Центральной и Восточной Европы в Люблине, основание Европейской коллегии польских и украинских университетов, а также огромные научные достижения в этой области. Он воспитал многих выдающихся учеников. Мы уверены, что заслуги Ежи Ключовского для польской независимости и демократии неоценимы. Мы убеждены, что вся деятельность профессора Ежи Ключовского велась и ведется по принципам, разработанным в кругу «Культуры» Редактором Ежи Гедройцем.

*От имени Капитула
Мацей Лукасевич*

Станислав Обирек SJ

ЧЕЛОВЕК, ЧЬЕ ИМЯ СТАЛО НАРИЦАТЕЛЬНЫМ

Я всегда восхищался профессором Ежи Клочовским и, насколько мне известно, такое отношение к нему разделяют многие. Однако Ежи Клочовский – не просто профессор истории, которым можно восхищаться за написанные им книги или прочтенные лекции. Его имя стало нарицательным. Скорее всего сам он об этом и не подозревает, но это так. Независимо от того, что он написал или сказал, он – настоящий общественный институт, позволивший нам по-новому задуматься о своем прошлом. Однако давайте по порядку.

Начнем с того, что Ежи Клочовский родился в 1924 г. в помещицкой семье с сильными национально-освободительными традициями, а впоследствии и сам сражался за свободную Польшу с оружием в руках: был членом Армии Крайовой, участвовал в Варшавском восстании, во время которого потерял правую руку. Товарищи до сих пор вспоминают, каким замечательным он был командиром. Ему, талантливому пианисту, пришлось смириться с невозможностью играть на фортепьяно. Когда его спрашивают о

потерянной руке, он никогда не упускает случая напомнить, каково оно было во время войны.

Впрочем, сразу после войны некогда было предаваться воспоминаниям. В послевоенные годы Ежи Клочовский окончил познанский университет под руководством проф. Тыменецкого, но к работе приступил не в Познани, а в Люблине. Тогда-то, в Люблинском католическом университете, его имя и стало нарицательным. Откровенно говоря, по сей день невозможно понять, каким образом именно он, мирянин, стал мотором стольких невероятно удачных инициатив, причем не только научных. А ведь все это происходило задолго до исторических переломов 1980-го и 1989-го годов.

Ясно одно: с 1991 г., когда в Люблине им был основан Институт Центральной и Восточной Европы, слава Ежи Клочовского разнеслась далеко за пределы Польши. Основной задачей его Института стала разработка синтеза истории этого региона Европы, облегчающего, по его собственным словам, «понимание как истории, так и актуальных проблем и взаимоотношений государств-преемников». К этой инициативе Ежи Клочовский был хорошо подготовлен.

Начиная с ранних пятидесятых он занимался историей христианства. Характерно, что он сосредоточился не на польском католицизме, но на всем христианстве – правда, преимущественно западном, которое он считал цивилизаторским движением. Удобным объектом для наблюдений были монашеские общины. Результатом исследований стала публикация многочисленных статей и книг, а также участие в международных конгрессах. Библиография, охватывающая его труды за 1946-1988 гг. («Рочники хуманистичне», 1986, стр. 34), сообщает, что в 1956 г. им была издана книга «Польские доминиканцы в Силезии в XII-XIV вв.», а в 1964 г. – «Христианские общины. Общинная жизнь в западном христианстве со времен античности до XV в.». Обе книги принесли автору международное признание. В 1968-1970 гг. по его инициативе был опубликован двухтомник «Церковь в Польше». Он начинает печататься также за границей. Однако важнее всего не библиография (хотя чтение второй ее части за 1989-1997 гг., помещенной в Памятную книгу [«Historiae Peritus», Люблин 1998], весьма занимательно), а его влияние на конкретных людей и способность вдохновлять их на собственные исследовательские проекты. Может быть, лучший способ представить себе масштабы личности профессора Клочовского – это дать слово по крайней мере некоторым его друзьям, чьи свидетельства приведены в вышеупомянутой книге.

Вот что думает о своем польском коллеге Ярослав Исаевич с Украины: «Теперь часто приходится слышать о том, что хорошие взаимоотношения Польши и Украины необходимы и обоим народам, и Европе, а может, и всему миру... Однако слишком мало еще таких людей, как профессор Ключовский, – немногословных, но упорно действующих в этом направлении, невзирая на трудности и отсутствие должной поддержки с обеих сторон». Затем украинский ученый поясняет, в чем конкретно заключаются действия Ежи Ключовского: «Одной из серьезнейших угроз для будущего украинцев, как народа и государства, остается отрезанность от центров европейской и мировой культуры, обусловленная известными причинами и преодолеваемая с большим трудом. Поэтому мы чрезвычайно благодарны профессору Ежи Ключовскому за последовательное разрушение «китайской стены» вокруг Украины, за наведение мостов между польской и украинской общественностью и бескорыстное введение в широкий мир украинских интеллектуалов и студентов» (стр. 206).

Французский историк Жан Делюмо, вспоминая встречи в Польше, выражает профессору благодарность за приобщение польского читателя к трудам французских исследователей, в т.ч. к его собственным монументальным монографиям, посвященным реформации и католической реформе, таким как «Цивилизация Возрождения» (1987), «Страх в культуре Запада в XIV-XVIII вв.» (1986), «Реформы христианства в XVI и XVII вв.»: т. 1 «Зарождение и развитие протестантской реформы»; т. 2 «Католицизм между Лютером и Вольтером» (1986). Между прочим, именно эти переводческие инициативы Ежи Ключовского стали для многих польских студентов, отрезанных от западной литературы в годы военного положения, первым контактом с выдающейся школой «Annales».

Польские друзья обращают внимание на чисто человеческие качества Ежи Ключовского. Ян Кулаковский, товарищ военных лет, вспоминает в первую очередь короткие, но весьма насыщенные встречи, помогавшие ему пережить годы вынужденной эмиграции: «Для меня Ежи Ключовский – это прежде всего Человек и Друг, затем солдат Армии Крайовой и Варшавского восстания и, наконец, политик в лучшем смысле этого слова: человек, борющийся против тоталитаризма и порабощения умов. Ежи Ключовский отличается не только блестящим умом, но и простотой, человеческим теплом, тонким чувством юмора. Все эти тридцать лет наши встречи были редкими и непродолжительными. Но каждая из них становилась событием, переживанием, возможностью глубокого обмена мнениями. Моя дружба с Ежи измерялась и измеряется не количеством проведенных вместе часов, но качеством общения и ценностью каждой встречи» (стр. 252).

Ежи Бартминский из другого люблинского вуза – Университета Марии Кюри-Склодовской, далеко не всегда связанного с ЛКУ¹ узами дружбы, – в своем тексте под знаменательным заголовком «Мудрый и стойкий» обращает внимание на организаторские способности Ключовского и его умение делиться своими успехами с другими: «Будучи организационным талантом, я бы даже сказал гением, Ежи неоднократно наглядно демонстрировал, как малыми средствами добиться великого: нужно только суметь пробудить человеческую фантазию, добиться доверия, высвободить добрую волю. Этим способностям трудно подражать, хотя их можно некоторым образом ощутить. Сколько Ежи Ключовский достиг в ЛКИ, в каких условиях и какой ценой – об этом лучше знают другие». Далее проф. Бартминский приводит конкретный пример сотрудничества двух университетов: «Мне было дано видеть, как в 1981 году под его руководством возник Университет профсоюзов, как в молниеносном темпе и с размахом был основан Гражданский комитет Люблинщины, динамичным председателем которого был Ежи, как он готовил почву для победы на июньских выборах 1989 г., с какой верой в будущий успех демократической программы он пробивал людям (в т.ч. и из УМКС²!) заграничные стипендии в Париже («Культура» Ежи Гедройца) и Нью-Йорке («Идеи» Ирены Лясоты и Якуба Карпинского), ну и, наконец, с каким рвением и невероятной энергией создавал он Институт Центральной и Восточной Европы, не без оснований называемый в народе «Институтом Ключовского»» (стр. 219).

Петр Вандыч открывает в Ежи Ключовском близость интеллектуальных симпатий: «Когда наши пути начали, наконец, пересекаться – поначалу главным образом за границей или в не привлекающем

¹ Люблинский католический университет – *Ред.*

² Университет Марии Кюри-Склодовской – *Ред.*

внимания сотрудничестве на территории Польши – оказалось, что оба мы разделяем веру в старый ягеллонский идеал многонациональной Речи Посполитой и в сотрудничество государств Центральной и Восточной Европы. Политико-историческая мысль, которую мы старались культивировать в эмиграции, жила в Польше, несмотря на то, что долгие годы людям внушались иные догмы и верования, чуждые нам обоим. Насколько жива была эта мысль, я явственно ощутил, участвуя в организованных Тобой польско-литовско-украинско-белорусских конференциях, особенно в первой, в Риме, где благодаря Тебе мы были приняты нашим духовным отцом, Папой» (стр. 261).

Присутствие Ежи Клочовского в ЛКУ оказалось полезно и плодотворно также для теологов. О. проф. Вацлав Хрыневич ОМІ пишет об этом так: «Моя работа в рамках деятельности Экуменического института ЛКУ позволила мне установить с проф. Клочовским более тесное сотрудничество. Так было, в частности, во время празднования тысячелетия крещения Киевской Руси (988-1988), когда он вел общую дискуссию в рамках международного симпозиума, организованного Экуменическим институтом. Экуменизм требует сотрудничества всех людей доброй воли – компетентных, действующих в духе понимания дела примирения христиан и целых народов. В свою очередь, когда после перелома 1989 года Профессор возглавил Институт Центральной и Восточной Европы, Экуменический институт охотно включился во взаимовыгодное сотрудничество» (стр. 247-248).

И под конец, раз уж речь зашла об институтах, перечислим их по порядку. «Институт Клочовского» положил начало федерации семи других национальных институтов. Плоды их объединенных усилий уже налицо – это четыре тома «Истории Центральной и Восточной Европы», написанные историками разных национальностей (белорусами, литовцами, поляками и украинцами). Однако важны не только и не столько публикации, сколько совместные дискуссии и преодоление накопившихся в прошлом предубеждений и стереотипов. Эти достижения были отмечены политиками: профессор Ежи Клочовский был награжден премией Обоих Народов, присужденной Депутатским собранием сейма Польской Республики и сейма Литовской Республики, а также премией Польско-украинского форума, которая в июне 2001 г. была вручена ему во Львове Иоанном Павлом II. Последней на сегодняшний день инициативой, в которой Ежи Клочовский принял активное участие и которая способствует примирению двух народов, стала Европейская коллегия польских и украинских университетов, основанная в октябре 2001 г.

Что ж, может быть, несколько скептическое замечание, сделанное Ежи Помяновским в тексте о взглядах Ежи Гедройца на сотрудничество России и Польши, – замечание о том, что «не поэты, а историки оказали наибольшее влияние на образ мышления читающих поляков. Факты показывают, что влияние это не было благотворным». («Ежи Гедройц. Редактор, политик, человек», Люблин 2001, стр. 191) – не оправдывается в случае исторических исследований профессора Ежи Клочовского. Чтение его работ и участие в его проектах оказывает на всех нас более чем благотворное влияние.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

М.Гловинский: Об Анджее Добоше

З.Флорчак: О картинах Ежи Новосельского

Л.Шаруга: О творчестве Густава Херлинга-Грудзинского

В.Скальмовский: Что Гедройц любил читать ?

А.Венявский: О князе Львове

П.Вежбицкий: Об Анджее Вежбицком

П.Мицнер: Театр 8-го дня

К.Бурнетко: Газетный киоск

З.Жбиковский: О Павле Ясенице

М.Клецель: Лукасинский в Шлиссельбурге

Р.Пшибыльский: Об И.Бродском, А.Ахматовой, О.Мандельштаме

Я.Шимак-Райфер: О Рышарде Пшибыльском

К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к концу столетия

Наши за границей: А.Северин, Ю.Хурвиц, П.Слонимский, В.Пшоняк,
З.Рыбчинский, Я.Котт, А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Шимборской, Бялошевского и др.

в переводах

**Бродского, Базилевского, Астафьевой, Британишского, Горбаневской,
Свяцкого и др.**

Журнал «Новая Польша» распространяется бесплатно

Допущен к распространению на территории Российской Федерации решением
Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и
средств массовых коммуникаций

(Свидетельство об регистрации средства массовой информации
ПИ № 77-1063 от 3 ноября 1999 года)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

СЛЕДУЮЩИЕ ЖУРНАЛЫ:

Dialog

Ежемесячник, посвящённый современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи о издательском деле, анонсы, библиографии.

НОВАЯ ПОЛЬША

Новый ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономики и культура, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Самый долговечный и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвящённый современной прозе, поэзии и культурной публицистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

DWUTYGODNIK ruch muzyczny

Единственный в Польше журнал о музыке, её теории и практике. Выходит раз в две недели.

L I T E R A T U R A na świecie

Известнейший ежемесячник содержащий обзор произведений иностранных авторов.